

Pro et Contra

№ 6 (61), ноябрь — декабрь 2013

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО: ДОХОДЫ И ПОТРЕБЛЕНИЕ

От стандарта выживания
к ответственному выбору

Лилия Овчарова, Алина Пишняк,
Дарья Попова, Елена Шепелева

Разрушение малого бизнеса

Борис Грозовский

Неравенство доходов населения:
пространственная проекция

Наталья Зубаревич

Азербайджан — что впереди?

Томас Де Ваал

Один год «Грузинской мечты»

Джулия А. Джордж

Pro et Contra

№ 6 (61), ноябрь — декабрь 2013

Том 17

ЖУРНАЛ РОССИЙСКОЙ ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Издается с августа 1996 г.

Выходит шесть раз в год

Главный редактор

Мария Липман

Заместитель

главного редактора

Александр Стариков

Редактор

Наталья Марголис

Ответственный

секретарь

Надежда Ражукова

Дизайн

Лидия Левина

Верстка

Никита Очагов

Проверка и корректура

Ирина Хазанова

Консультационный совет

Владимир Барановский

Борис Дубин

Фарид Закария

Томас Карозерс

Эндрю Качинс

Анатолий Ливен

Мари Мендрас

Вадим Радаев

Кирилл Рогов

Дмитрий Тренин

Лилия Шевцова

Константин фон Эггерт

Евгений Ясин

Учредитель

Фонд Карнеги

за Международный Мир

(Carnegie Endowment

for International Peace)

Издание осуществляется

при материальной

поддержке

Фонда Макартуров

Журнал «PRO et CONTRA» (ЗА и ПРОТИВ)

Адрес редакции: 125009, Москва, ул. Тверская, 16/2, Московский Центр Карнеги

Телефон: (495) 935-8904. Факс: (495) 935-8906. E-mail: editor@carnegie.ru

Электронные версии: <http://www.carnegie.ru/proetcontra>

ISSN 1560-8913. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-28240 от 18 мая 2007 г. Выдано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Распространяется бесплатно. Подписано в печать 5.2.2014 года. Дата выхода в свет: 3.3.2014 года

Формат 60x90¹/₈. Усл. печ. л. 9. Тираж 2 000 экз.

Издательство «ARTCODEX». Москва, ул. Андроньевская Б., д.25/33. Типография ОАО ИПО «Лев Толстой». Тула, ул. Ф. Энгельса, 70. Заказ № 227

© Carnegie Endowment for International Peace, 2013

Идеологическая борьба с Западом вернулась в нашу жизнь после не слишком долгого отсутствия. Кое в чем идеологические основания сместились: например, раньше мы боролись с Западом с атеистических позиций, а теперь — с христианских. А вот в сфере морали изменения почти незаметны: в позднесоветские десятилетия власти твердили гражданам о «моральном загни-

вании» и «бездуховности» Запада, а теперь — о том, что на Западе попорны традиционные ценности, добро уравнено со злом и торжествует «бесполоя и бесплодная» толерантность. В чем сегодняшняя государственная идеология

катастрофически проигрывает советской, так это в целостности и всеобщности. У сегодняшней нет единственно верного учения, из которого выводилась бы методология науки в целом (тогда была марксистско-ленинская, а теперь какая?) и истории в частности (тогда все определялось борьбой классов, а теперь чем?). Неизвестно откуда вырастает и сегодняшнее представление о законности (тогда власти учили, что у нас она социалистическая, а у них — «буржуазная»).

По части экономики, пожалуй, разногласий нет: советский командно-административный проект, который мыслился как альтернатива рыночному, полностью провалился. В экономической жизни Россия не предлагает собственные альтернативы, безропотно принимая западные образцы и западные ориентиры.

В последние десятилетия существования СССР советские люди относились к идеологическим установкам по-разному — кто-то как к злонамеренной и ненавистной лжи, но большинство, скорее, как к привычному фону, к которому вполне можно приспособиться. Но была, по крайней мере, одна сфера, где в официальный лозунг «советское значит отличное» не верил никто. Речь о сфере потребления. Советский человек тратил массу времени, энергии, предприимчивости и, конечно, денег на

приобретение дефицитного импорта. Современные исследователи периода 1960—1970-х годов — историки и социологи — уверенно говорят о том, что в позднем СССР сложилось общество потребления, хотя само это понятие ученые формулируют по-разному. Например, Наталья Чернышова, автор книги *Soviet Consumer Culture in the Brezhnev Era*, опубликованной в 2013 году, определяет «общество потребления» как «социальный порядок, в котором потребительские товары обладают множественными социальными смыслами, выходящими за рамки их экономической ценности, и где потребление, его среда, дискурсы, восприятие и практики являются важной частью социальной ткани».

В позднесоветском обществе, напоминает Чернышова, товарный дефицит уже не был тотальным. Человек послесталинского — и особенно брежневского — периода давился в очередях вовсе не обязательно за жизненно необходимым. Советский потребитель стремился создать для себя и своих близких более эстетичное и модное пространство — обставить квартиру красивой мебелью и экипировать бытовую технику, носить элегантную одежду, пользоваться качественной косметикой и французскими духами.

Советское государство постепенно оказалось в сложном положении: с одной стороны, коммунистическая власть поддерживала установку на потребление, постоянно заявляя, что неуклонное повышение благосостояния трудящихся является его главной задачей. С другой — самозабвенное потребление приходило в противоречие с идеологическими установками и с миссией Советского Союза, который провозглашал альтернативный, социалистический путь общественного развития. Но уже в брежневское время советский человек все чаще норовил свернуть с начертанного ему социалистического пути на западный. Потребитель в СССР занялся обустройством своего маленького личного пространства, и грандиозный коллективный проект, чьи цели расположены где-то за пределами нашей жизни, стал ему решительно неинтересен. В советском обществе полным ходом шел процесс индивидуализации.

По всей видимости, коммунистическое руководство СССР осознавало нарастающую двусмысленность, но было неспособно ее разрешить. Брежневский режим был озабочен поддержанием стабильности, в частности, и для того, чтобы подчеркнуть свое преимущество по сравнению с «волюнтаризмом» Хрущёва. Память о Новочеркасском расстреле была совсем свежей, и, чтобы подобное не повторилось, Брежнев должен был думать о материальных нуждах советских граждан и тратить драгоценные нефтедоллары (в 1970-е годы доходы СССР от нефти сильно возросли) на закупку импортных товаров. Но одновременно советская пресса, кино и литература настойчиво осуждали «вещизм» как чуждое и вредное явление, с которым необходимо бороться.

Немаловажно и то, что сам потребитель испытывал сомнения в собственной моральной правоте: использование блата и иных практик «второй экономики», необходимых для добывания желанных дефицитных товаров, в общественном сознании было не вполне легитимным.

К моменту окончательного краха советского коммунизма граждане СССР оказались неплохо подготовлены к потреблению в бездефицитной экономике, но не выработали ни идеологической, ни этической основы для легитимации общества потребления западного образца, предпринимательства как деятельности, заслуживающей уважения, и материального преуспевания как мерила успеха. Значительная часть российских граждан и сегодня склонна воспринимать Россию как страну служащих на государственном жаловании — в первую очередь, врачей-учителей (инженеры в этой системе восприятия отошли на задний план, как и рабочие с крестьянами). Частное предпринимательство, а также целый ряд новых профессий, отсутствовавших в командной экономике, в эту картину

мира не вписываются, а политика властей усугубляет подобную двусмысленность — подобно тому, как это происходило в советское время. (Не случайно и в новой концепции истории предприниматели не числятся среди важных исторических фигур — ни те, что внесли свой вклад в развитие России XIX века, ни уж тем более нынешние.)

Деньги и потребление заняли центральное место в постсоветском обществе — как среди начальства, так и среди рядовых граждан, но в обществе в целом живет ощущение, что подобная система ценностей неправильна и аморальна.

Нынешний номер *Pro et Contra* посвящен изменениям в структуре потребления и доходов в постсоветскую эпоху. Исследование, проведенное **Лилией Овчаровой** с соавторами, привело авторов к выводу, что в российском секторе домашних хозяйств сложились экономические предпосылки для развития по модели постиндустриального общества, однако на этом пути возникают серьезные институциональные препятствия. **Марина Красильникова** задается вопросом о том, как далеко российский потребитель ушел от советского образца и насколько сумел приблизиться к рыночным стандартам. **Наталья Зубаревич** пишет о неравенстве доходов россиян, проживающих в разных регионах страны. **Борис Грозовский** констатирует низкую готовность россиян к предпринимательству; по его мнению, причиной является как «советское наследие», так и политика государства. За пределами главной темы мы публикуем статьи о двух странах Южного Кавказа, где недавно прошли выборы лидера страны. О ситуации в Азербайджане пишет **Томас де Ваал**, о Грузии — **Джулия Джордж**. **Екатерина Степанова** анализирует российско-американские отношения в связи с проблемой наркотрафика из Афганистана.

Мария Липман, главный редактор

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО: ДОХОДЫ И ПОТРЕБЛЕНИЕ

6 От стандарта выживания к ответственному выбору

ЛИЛИЯ ОВЧАРОВА, АЛИНА ПИШНЯК, ДАРЬЯ ПОПОВА, ЕЛЕНА ШЕПЕЛЕВА

За годы постсоветского развития средний размер реальных душевых доходов увеличился в 1,5 раза, несмотря на их двукратное падение в результате структурных экономических реформ начала 1990-х. Что это означает? Прежде всего, что сектор домохозяйств теперь располагает совсем другим объемом доходов, которые позволяют преодолеть стандарт выживания и перейти к новой модели благосостояния, основанной на ответственном выборе потребителя.

35 Современный российский потребитель

МАРИНА КРАСИЛЬНИКОВА

В советском обществе отсутствовали модели потребления, соответствующие различным уровням материального достатка людей. Не было системы образцов, в соответствии с которыми можно было бы демонстрировать личные достижения, связанные с материальным преуспеванием, через потребительское поведение. Да и сама идея личных материальных достижений была порицаема.

48 Неравенство доходов населения: пространственная проекция

НАТАЛЬЯ ЗУБАРЕВИЧ

По масштабам экономического и социального неравенства Россия относится к странам догоняющего развития, но задача территориального выравнивания остается для нее одной из важнейших. В основном это продолжение советских традиций выравнивания, но кроме того, сейчас мы ориентируемся и на страны континен-

тальной Европы, на их модель государства всеобщего благосостояния. К каким результатам это приводит в нашей стране и как их измерить?

61 Разрушение малого бизнеса

БОРИС ГРОЗОВСКИЙ

Предприниматели могли мириться с издержками плохого регулирования в период бурного роста бизнеса. Но когда бурный рост доходов от экспорта нефти и газа прекратился, издержки дурного регулирования дали о себе знать. Стагнация не заставляет чиновников снижать «расценки» за выделение предпринимателям земельных участков или выдачу лицензий. На фоне снижающейся рентабельности вмененные плохим деловым климатом издержки становятся для бизнеса непосильным грузом.

СТАТЬИ

76 Азербайджан — что впереди?

ТОМАС ДЕ ВААЛ

Ни до, ни после выборов оппозиция так и не смогла вывести большое число людей на улицы. Невозможно точно определить, чем это было обусловлено: отсутствием народной поддержки или просто страхом. Конечно, азербайджанской оппозиции приходится работать в весьма сложных условиях. Оппозиционные партии не могут проводить митинги в центре Баку и имеют ограниченный доступ к эфирному времени на телевидении; более того, кое-кто из оппозиционных активистов в этом году был арестован.

88 Один год «Грузинской мечты»

ДЖУЛИЯ А. ДЖОРДЖ

Согласно новой конституции, в Грузии устанавливается парламентская система с сильным премьер-министром и напрямую избираемым президентом, обладающим меньшими полномочиями. Как политик новый прези-

дент Георгий Маргвелашвили был в Грузии относительно неизвестен, пока в 2012-м не стал министром образования в правительстве Иванишвили. Хотя на президентских выборах он победил в ходе прямого голосования, многие аналитики объясняют его успех популярностью Иванишвили, а не его собственной.

102 Россия, США и противодействие наркотрафику из Афганистана

ЕКАТЕРИНА СТЕПАНОВА

Вывод сил США и НАТО из Афганистана едва ли обернется для России обвальным увеличением масштабов наркотрафика. Иными словами, после 2014 года не следует ожидать катастрофы, но лишь потому, что она уже произошла: речь идет о «ползучей» катастрофе, связанной с резким ростом афганской опийной экономики и наркотрафика из Афганистана по «северному пути» — через Центральную Азию. Пик ее пришелся на начало XXI века, то есть на период присутствия в Афганистане военных контингентов США и НАТО.

РЕЦЕНЗИИ

120 *Алексей Миллер*. Украинский вопрос в Российской империи

АЛЕКСАНДР ПОЛЯНИЧЕВ

126 *Marlène Laruelle, Sébastien Peyrouse*. The Chinese Question in Central Asia: Domestic Order, Social Change and the Chinese Factor

Alexander Cooley. Great Games, Local Rules: The New Great Power Contest in Central Asia
Central Asia and Afghanistan: Insulation on the Silk Road, Between Eurasia and the Heart of Asia / A Report by Shahrbanou Tadjbakhsh

Philip Shishkin. Restless Valley: Revolution, Murder and Intrigue in the Heart of Central Asia

АХМЕД РАШИД

135 *Alexander Etkind*. Warped Mourning: Stories of the Undead in the Land of the Unburied

СТАНИСЛАВ ЛЬВОВСКИЙ

139 Наши авторы

140 Contents and Summaries

От стандарта выживания к ответственному выбору

В российском секторе домашних хозяйств сложились экономические предпосылки для развития по модели постиндустриального общества, но пока этому препятствует институциональное развитие и существенное неравенство | **ЛИЛИЯ ОВЧАРОВА, АЛИНА ПИШНЯК, ДАРЬЯ ПОПОВА, ЕЛЕНА ШЕПЕЛЕВА**

Экономисты, социологи и политологи в академических журналах и средствах массовой информации уже немало написали о том, как изменились уровень жизни российского населения и социальная структура общества за годы постсоветского развития. За это время динамика ключевых характеристик благосостояния была неоднозначной, и в результате общий вектор развития нашей страны с точки зрения теории человеческого капитала и перспектив модернизации оценивается довольно противоречиво. Мало кто не согласится с тем, что в период масштабных социально-экономических и политических реформ (1991–1998), который сопровождался существенным ростом доходного неравенства, падение реальных доходов населения было более значительным, чем падение ВВП. Основная дискуссия разворачивается вокруг оценки результатов восстановительного периода (1999–2007) и вопроса о том, как далеко Россия продвинулась по пути повышения уровня и качества жизни и что эти изменения означают. Можем ли мы сегодня

говорить, что объем материальных ресурсов уже таков, что стадия выживания осталась позади, а существенно расширившаяся материальная независимость большинства российских граждан формирует новую массовую потребительскую модель, в основе которой лежит ответственный выбор? Роналд Инглхарт, под влиянием работ которого подготовлена данная статья, отмечает, что утверждение ценностей самовыражения преобразует модернизацию в процесс человеческого развития¹. Правда, при этом он рассматривает в комплексе социально-экономический, ценностный и институциональный аспекты развития. В данной статье мы сконцентрируем внимание только на экономической составляющей, рассмотрев ее через призму показателей благосостояния.

Несмотря на непрекращающуюся дискуссию о проблемах российской статистики уровня жизни, которые в первую очередь связаны с тем, что надежные данные о доходах населения отсутствуют, публикуемая информация о доходах, расходах и потреблении позволяет оценить основные изменения в текущем жизненном стандарте. Важными дополнительными источниками эмпирических данных являются Обследование бюджетов домохозяйств (ОБДХ), которое ежеквартально проводит Росстат; Российский

СТАТЬЯ ПОДГОТОВЛЕНА ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ ФОНДА «ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ», ЦЕНТРА ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ НИУ ВШЭ, В РАМКАХ ПРОЕКТА «ОЦЕНКА ДИНАМИКИ БЛАГОСОСТОЯНИЯ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ И МОДЕЛИРОВАНИЕ ЭФФЕКТОВ ВЛИЯНИЯ НАЛОГОВОЙ, ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ НА СЕКТОР ДОМАШНИХ ХОЗЯЙСТВ».

мониторинг экономического положения и здоровья населения, ежегодно проводимый Высшей школой экономики (РМЭЗ-ВШЭ)²; панельное обследование «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (РиДМиЖ), проведенное Независимым институтом социальной политики в 2004-м, 2007-м и 2011 годах³; обследование «Москва и москвичи», проведенное Государственным автономным научным учреждением (ГАНУ) «Институт гуманитарного развития мегаполиса» в 2012 и 2013 годах⁴. Эти обследования позволяют подробно проанализировать характеристики и особенности российских домохозяйств с экономической, социальной и демографической точек зрения.

Динамика уровня и структуры доходов населения: от индустриальной модели к постиндустриальному обществу?

В постсоветском экономическом развитии России можно выделить три периода: масштабные структурные реформы на фоне глубокого падения экономики (1991–1998), ускоренный восстановительный рост (1999–2007) и незавершенный этап стагнации, начавшийся в 2008 году и совпавший по времени с мировым экономическим кризисом. Особенности доходной обеспеченности и потребления домашних хозяйств мы будем рассматривать с учетом названных тенденций макроэкономического развития.

На рисунке 1 (см. с. 8) представлена динамика среднего уровня реальных денежных доходов. В качестве исходной точки для сравнения используется 1991 год, который предшествовал радикальным структурным изменениям в экономике и в политической системе России. Однако надо отметить, что инфляционные процессы в российской экономике начались намного раньше и выражались не столько в росте цен, сколько в углублении дефицита товаров и услуг, а также в распространении теневой экономики. Тем

не менее в этот период номинальные доходы все еще росли быстрее, чем цены на товары и услуги.

Россия — одна из постсоциалистических стран, переживших наиболее тяжелую рецессию в 1990-х, которая была обусловлена обвалом цен на энергоносители и беспрецедентными по своему масштабу структурными экономическими и политическими реформами. Начало рецессии сопровождалось существенным сокращением ВВП, реальных денежных доходов населения, заработной платы и пенсий, при этом темпы снижения денежных доходов в два раза превышали экономический спад. Наиболее проблемной зоной оказалась заработная плата: рынок труда при сохранении высокой занятости населения подстраивался к кризисной ситуации за счет ценовой компоненты⁵, следствием чего стали более глубокое падение уровня реальных заработков и масштабное распространение механизмов неформальной оплаты труда. Заработная плата в рыночных секторах, предпринимательская деятельность и доходы от собственности пытались подтолкнуть экономику вперед, а бюджетный сектор и неконкурентоспособное производство стагнировали. В этих условиях приоритетом для правительства стала индексация пенсий, которые большую часть 1990-х, вплоть до кризиса 1998 года, индексировались лучше, чем заработная плата. Конец этого периода совпал с мировым финансовым кризисом, а в 1998-м был объявлен дефолт, когда реальная заработная плата (без учета скрытой части) упала до 27,2 проц. от уровня 1991 года, реальные доходы — до 42,6 проц., а реальная пенсия — до 29,1 процента.

Далее последовал этап быстрого восстановления и экономического подъема, главным образом вызванный ростом мировых цен на энергоносители и преимуществами рыночной конкуренции в монополизированных секторах экономики. Экономический

подъем продолжался до 2007 года включительно и был прерван очередным мировым кризисом. Что происходило с доходами населения за эти девять «тучных» лет экономического роста? В целом за 1998–2007 годы средние душевые реальные денежные доходы в ценах 1991-го выросли в 3 раза, и это при условии, что ВВП увеличился в 1,8 раза.

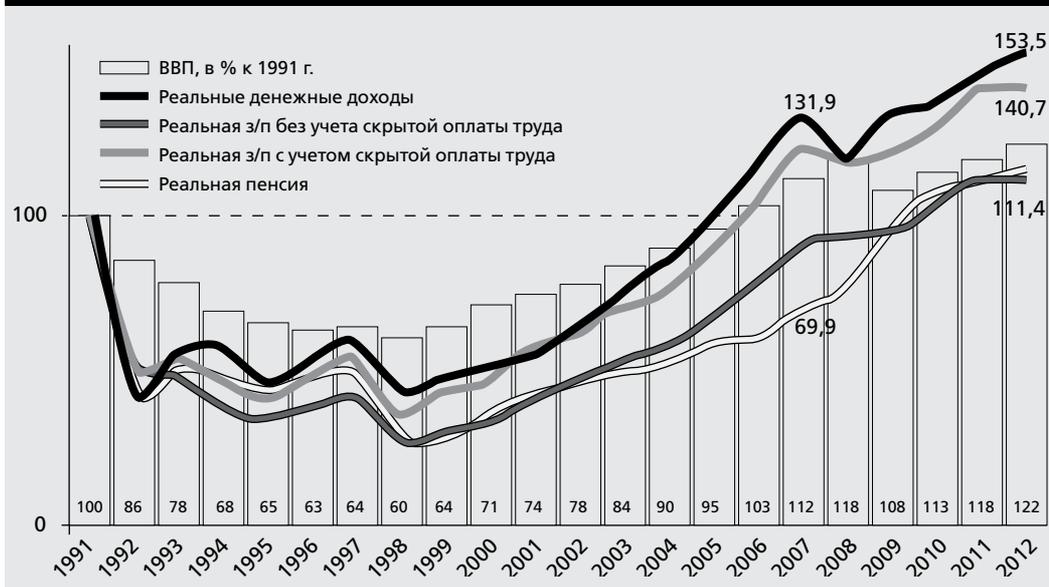
Подобные периоды бурного роста дают политикам шанс для инвестиций, способствующих повышению качества человеческого капитала и эффективности его использования. Судя по тому, что происходило с заработной платой и пенсией, этот шанс был использован, но лишь частично, поскольку две серьезные проблемы не были решены. Во-первых, возрастала доля скрытой от налогообложения части фонда оплаты труда, что подтверждается увеличением разрыва между двумя зарплатными кривыми на рисунке 1 (см. с. 8). Масштабная неформальная

занятость и по сей день остается отличительной особенностью российской экономики. В период структурных экономических реформ — это спасательный круг, который позволяет оставаться на плаву, но не более, поскольку его защитный ресурс достаточно ограничен по времени и силе действия. Во-вторых, темпы роста реального размера пенсии существенно отставали от роста заработной платы и доходов. Особенно очевидным это стало после начала пенсионной реформы 2002 года. Как результат, в 2007-м реальная средняя пенсия составляла только 69,9 проц. от уровня 1991 года, несмотря на семилетний период быстрого экономического роста и повышение реальных средних душевых доходов до 131,9 проц. от предреформенного уровня.

В 2008–2009 годах мир столкнулся с очередным масштабным экономическим кризисом, последствия, глубина и продолжитель-

Рисунок 1

ДИНАМИКА СРЕДНЕДУШЕВЫХ РЕАЛЬНЫХ ДЕНЕЖНЫХ ДОХОДОВ, ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ И ПЕНСИЙ, % (1991=100%)

Источник: расчеты авторов на основе данных Росстата.

ность которого неясны до сих пор. В 2008-м, впервые после 1999 года, реальные доходы населения упали на 11 проц., хотя в 2009-м это падение было полностью отыграно. Применительно к официальной заработной плате сокращения в реальном выражении не произошло, но темпы роста существенно снизились. Отметим, что от макроэкономического шока сильнее всего пострадала теневая часть зарплаты, однако этот провал был компенсирован в последующие три года. Если вернуться к графику на рисунке 1 (см. с. 8), то очевидно, что после 2007 года средняя пенсия ускоренно росла в основном за счет нетрадиционных мер антикризисной программы 2009–2010 годов, которая реализовывалась в преддверии парламентских и президентских выборов, и в результате в целом за два года реальная пенсия увеличилась на 41 процент. Возможно, это помогло выиграть выборы и решить политические вопросы, но не позволило преодолеть проблемы пенсионного обеспечения: средние за 20 лет темпы роста пенсии существенно ниже темпов роста заработной платы и доходов.

В итоге, за годы постсоветского развития средний размер реальных душевых доходов увеличился в 1,5 раза, несмотря на их двукратное падение в результате структурных экономических реформ начала 1990-х. Что это означает? Прежде всего, что сектор домохозяйств теперь располагает совсем другим объемом доходов, которые позволяют преодолеть стандарт выживания и перейти к новой модели благосостояния, основанной на ответственном выборе потребителя. Далее мы постараемся понять, в какую сторону смещается структура потребления, но сначала остановимся на системных особенностях оплаты труда и пенсионного обеспечения, поскольку в условиях распределительной пенсионной системы эти два основных источника доходов тесно связаны между собой: текущие пенсии формируются за счет

отчислений от текущих заработных плат работающего населения.

Как уже отмечалось, на российском рынке труда спрос и предложение балансируются не путем высвобождения рабочей силы, как это происходило в других постсоциалистических экономиках, а посредством сверхгибких механизмов оплаты труда, позволяющих сохранять высокий уровень занятости при существенном сокращении фонда оплаты труда⁶. На протяжении экономического спада 1991–1998 годов все агенты рынка труда шли по этому пути, резко сокращая оплату труда. Основными механизмами «зарплатной гибкости» стали изменение переменной и особенно скрытой части заработной платы, задержка ее выплаты, а также отсутствие индексации заработной платы с учетом инфляции. Несмотря на стремительное увеличение зарплаты на этапе экономического подъема, проблема неформальной занятости и низких зарплат в секторах экономики, связанных с формированием человеческого капитала, сохранила свою актуальность. На российском рынке труда хорошие рабочие места концентрируются в сегменте крупных и средних предприятий: в 2012-м там было занято 36,1 млн чел., что составило только 50,6 проц. от общей численности занятых. Исследования Росстата по количественному измерению скрытой заработной платы позволили оценить масштабы неформальной занятости (см. таблицу 1): в среднем около 40 проц. фонда оплаты труда в России скрыто от статистического наблюдения. Отметим, что не вся скрытая от наблюдения заработная плата классифицируется как теневые доходы, поскольку из поля зрения статистики исключены также и все заработки работников, занятых на малых предприятиях. Если принимать во внимание масштабы официальной занятости на предприятиях и в учреждениях данного типа и уровень официальной оплаты труда на них, по нашим

экспертным оценкам, примерно половина нерегистрируемого фонда оплаты труда складывается в рамках непрозрачных трудовых отношений. Это означает, что около 20 проц. фонда оплаты труда не участвует в формировании отчислений на выплату пенсий.

За двадцать постсоветских лет Россия прошла через три пенсионные реформы, результатом которых стало введение обязательного участия в пенсионных накоплениях для всех, кто родился после 1967 года, сохранение для всех права одновременного получения пенсии и заработной платы и самого низкого в Европе пенсионного возраста. В 2012-м была разработана четвертая реформа, сформулированная в Стратегии развития пенсионной системы до 2030 года, согласно которой:

- принято решение, что накопительная часть трансформируется из обязательной в добровольную, что практически блокирует ее развитие;
- предпринята попытка стимулирования более позднего выхода на пенсию при сохранении действующего нормативного пенсионного возраста и всеобщего права на получение пенсии и заработной платы в полном объеме для работающих пенсионеров;
- внесены изменения в пенсионную формулу, нацеленные на повышение дифференциации размера пенсии в зависимости от стажа работы, заработка в период трудовой деятельности и срока выхода на пенсию.

Эти преобразования направлены в первую очередь на сбалансированность доходов и расходов пенсионной системы, а не на повышение среднего размера пенсий и выравнивание уровня жизни на различных этапах жизненного цикла. Трудно предположить, что в добровольном режиме при высокой инфляции и кризисе фондового рынка накопительная часть пенсии будет значимой хотя

бы у представителей среднего класса. Для них более привлекательными являются инвестиции в собственное здоровье, что позволит сколь-либо длительное время совмещать занятость и получение пенсии, или в недвижимость, которая будет монетизирована при наступлении пенсионного возраста.

На примере пенсионного обеспечения мы можем увидеть одну из ловушек для устойчивого развития: рынок труда и демография не создают базы для эффективной солидарной распределительной пенсионной системы. Значит, у людей нет уверенности в том, что в пожилом возрасте у них будут высокие шансы на достойный уровень жизни, а если есть опасения относительно благосостояния в старости, то отсутствуют мотивы для преодоления поведенческих факторов высокой смертности. Мощным стимулом к жизнесохраняемому образу жизни может стать участие в накопительной пенсионной системе, и именно по такому пути пошло большинство экономически развитых стран: если в течение 20–30 лет накапливаешь ресурсы на старость, то хотелось бы дожить до того периода, когда сможешь их получать, и пожить некоторое время в условиях обеспеченной старости. В настоящее время в России успешность такого решения поставлена под сомнение из-за высокой инфляции, кризиса фондового рынка и низких темпов экономического роста. Проблема выравнивания жизненных шансов на различных этапах жизненного цикла решается при любой модели социально-политического устройства: в доиндустриальные периоды основной упор был на ресурсы семьи, но в последующих моделях усиливается роль семейных ресурсов, среди которых пенсионное обеспечение — главный инструмент.

Еще одним важным источником информации о реализованных, упущенных и все еще существующих возможностях развития представляется структура денежных доходов населения. В последние годы советского периода

она в основном соответствовала стандартам общества, прошедшего этап индустриального развития, хотя и демонстрировала ряд отличий от рыночных экономик, связанных со статусом доходов от собственности и предпринимательской деятельности (см. таблицу 1 на с. 11). Важно подчеркнуть, что в начале рыночных реформ предпринимательские доходы и развитие предпринимательства в значительной степени демпфировали для населения негативные последствия структурных экономических преобразований: в 1993-м доходы от предпринимательской деятельности составляли 18,6 проц. от общего объема доходов. Многие экономисты именно предпринимательство рассматривали как новую

возможность для сектора домохозяйств в условиях рыночной экономики. Однако в период высоких темпов экономического роста и на этапе стагнации данный вид экономической деятельности стал вносить все меньший вклад в доходы населения, и к 2011 году удельный вес предпринимательских доходов снизился до 9,1 процентов. Динамика структуры доходов населения позволяет рассматривать последние два анализируемых этапа экономического развития как период упущенных возможностей для активизации предпринимательской деятельности.

Формально в предпринимательскую деятельность вовлечено порядка 45 проц. всех российских домохозяйств, однако в

Таблица 1

СТРУКТУРА ДЕНЕЖНЫХ ДОХОДОВ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ, %							
Год	Всего денежных доходов	В том числе (в %)					
		доходы от предпринимательской деятельности	оплата труда, включая скрытую заработную плату	скрытая заработная плата	социальные выплаты	доходы от собственности	другие доходы
1985	100	2,7	74,8	–	16,4	1,5	4,6
1990	100	3,7	76,4	–	14,7	2,5	2,7
1992	100	8,4	73,6	–	14,3	1,0	2,7
1993	100	18,6	61,1	–	15,0	3,0	2,3
1994	100	16,0	64,5	–	13,5	4,5	1,5
1995	100	16,4	62,8	25,0	13,1	6,5	1,2
1996	100	13,1	66,5	25,8	14	5,3	1,1
1997	100	12,5	66,4	27,9	14,8	5,7	0,6
1998	100	14,4	64,9	26,2	13,4	5,5	1,8
1999	100	12,4	66,5	31,2	13,1	7,1	0,9
2000	100	15,4	62,8	24,7	13,8	6,8	1,2
2001	100	12,6	64,6	25,9	15,2	5,7	1,9
2007	100	10,0	67,5	26,1	11,6	8,9	2,0
2008	100	10,3	65,5	20,8	13,2	9,0	2,0
2009	100	9,7	65,2	24,0	14,9	8,2	2,0
2010	100	9,3	64,6	23,0	17,7	6,3	2,0
2011	100	9,1	67,1	25,5	18,3	3,6	2,0

Источник: данные Росстата.

основном речь идет о личном подсобном хозяйстве, с которым связана деятельность 40 проц. российских семей. Вместе с тем, согласно данным РМЭЗ–ВШЭ, только около 10 проц. домохозяйств получают доходы от личного подсобного хозяйства, и в большинстве случаев эти семьи не попадают в два верхних квинтиля распределения по доходам. Следовательно, предпринимательство в форме личного подсобного хозяйства представляет собой скорее модель выживания, нежели развития. Другая группа предпринимателей – это владельцы малых предприя-

ных оптовых сетях, закупающих продукцию у предпринимателей и производителей услуг и товаров для малого бизнеса.

Следующий индикатор качества развития – доходы от собственности и финансовых активов. В России в схемы получения такого рода доходов, которые составляют 5–10 проц. в общем объеме доходов населения, также включен достаточно ограниченный круг людей. Согласно авторским оценкам на основе данных обследования РидМиЖ, проведенного в 2007 году, только 2 проц. всех домохозяйств отмечают доходы

“Стратегии формирования доходов, основанных на новых источниках поступлений, доступны максимум 8 проц. российского населения”.

тий, нотариусы и адвокаты; они имеют высокие шансы попасть в два верхних квинтиля по доходам. Однако такая модель восходящей вертикальной мобильности на шкале доходной обеспеченности доступна не более чем 5 проц. российских семей, согласно данным РМЭЗ–ВШЭ.

Главным препятствием для развития предпринимательства, как правило, считаются административные барьеры: малые предприниматели – по одну сторону, а банки, чиновники, проверяющие органы – по другую сторону баррикад. В постиндустриальных странах институциональные правила позволяют малому и среднему бизнесу делегировать часть рисков более мощным структурам, способным противостоять административному давлению и создавать благоприятную среду для развития. Речь идет о банках, осуществляющих кредитование и услуги факторинга; страховых компаниях, страхующих основные риски; лизинговых компаниях, обеспечивающих доступ к дорогостоящим движимым материальным активам; владельцах недвижимости, сдающих в аренду помещения; круп-

от собственности и финансовых активов как значимый источник денежных поступлений. Среди тех, кто имеет текущие доходы, характерные для среднего класса, доля вышеназванных доходов составляет всего 3 проц., а в кругу домохозяйств, отнесенных к среднему классу на основе материальных признаков, характеристик занятости и возможностей контролировать свое социально-экономическое положение, их доля поднимается до 4 процентов.

Таким образом, стратегии формирования доходов, основанных на новых, по сравнению с советским периодом, источниках денежных поступлений, доступны максимум 8 проц. российского населения, и за последние годы каких-либо значимых институциональных или экономических изменений, расширяющих их круг, не происходило. Этот результат свидетельствует о том, что у среднего класса есть потенциал роста за счет преимущественно рыночных источников доходов населения, так как в развитых странах доходы от собственности и предпринимательской деятельности – зна-

чимый ресурс для 20–25 проц. населения. Пока все усилия, направленные на содействие развитию предпринимательства, не достигают желаемой цели, а в ряде случаев, наоборот, подталкивают его к «уходу в тень». Последний пример – это принятое в конце 2012-го решение о повышении нормативного ежемесячного дохода индивидуальных предпринимателей, с которого уплачиваются отчисления в Пенсионный фонд, до двух размеров минимальной оплаты труда. Первая реакция на такую политику стала заметна в I квартале 2013 года, когда 300 тыс. индивидуальных предпринимателей аннулировали свой юридический статус. В целом масштаб последствий мы сможем оценить по результатам 2013 года, но уже очевидно, что новые механизмы формирования пенсионных прав не способствуют повышению предпринимательской активности.

Еще одна важная тема, связанная со структурой доходов населения, – это динамика доли социальных трансфертов в общем объеме доходов населения. Данные таблицы 1 (см. с. 11) указывают на то, что в 2011-м удельный вес данного вида денежных поступлений в доходах населения поднялся до беспрецедентно высокого уровня (18,3 проц.), чего не наблюдалось даже в советский период. Нарастание удельного веса социальных выплат происходит как за счет роста пенсий, так и за счет увеличения социальных пособий. В структуре последних лидируют выплаты отдельным льготным категориям граждан и пособия на поддержку семей с детьми, но в общем объеме социальных выплат в различные годы пенсии составляли 67–70 проц. от всех социальных трансфертов. Тот факт, что сегодняшние масштабы перераспределения доходов в секторе домохозяйств выше, чем в советское время, – это тревожный сигнал. Его можно трактовать как руководство к тому, чтобы приостановить рост расходов консолидированного бюджета на соци-

альные выплаты. Однако средняя пенсия по-прежнему остается на достаточно низком уровне по сравнению с заработной платой: в феврале 2013-го она составила 9711 руб., то есть 36 проц. от средней заработной платы.

Возрастающая роль социальных трансфертов в доходах населения – это реакция правительства на высокое неравенство и попытка выровнять доходную обеспеченность на различных этапах жизненного цикла с помощью перераспределительных мер. При солидарной пенсионной системе и плоской шкале подоходного налога все возникающие в этой сфере риски государство принимает на себя. Недавно была предпринята попытка их диверсификации посредством введения налога на роскошь и развития накопительной компоненты пенсионного обеспечения путем добровольных и обязательных отчислений. Пока значимого результата запущенные механизмы не принесли, более того, развитие инструментов пенсионных накоплений практически заблокировано инициативами новой Стратегии пенсионного обеспечения. Если рассуждать о возможных развилках в будущем, то видится два варианта: либо придется признать, что распределительная пенсионная система гарантирует только защиту от бедности и не более того, что усложняет взаимоотношения со средним классом, либо придется увеличить налоговую нагрузку на богатых, что создает напряжение во взаимоотношениях с элитами. В этой связи резкий уход государства из системы пенсионных накоплений представляется ошибочным.

Дифференциация доходов и бедность: барьеры или драйверы развития?

Дифференциация населения по уровню благосостояния постоянно находится в поле зрения и периодически становится предметом острых социально-политических дискуссий. Исследователи считают, что рост неравенства доходов – один из основных

Таблица 2

ДИНАМИКА ИНДИКАТОРОВ НЕРАВЕНСТВА В 1991–2011 ГОДАХ				
Год	Дифференциация доходов		Дифференциация заработной платы	
	Коэффициент Джини	Коэффициент фондов, раз	Коэффициент Джини	Коэффициент фондов, раз
1991	0,260	4,5	0,317	7,8
1992	0,289	8,0	–	–
1993	0,398	11,2	–	–
1994	0,409	15,1	0,439	23,4
1995	0,381	13,5	0,454	26,4
1996	0,375	13,0	0,445	24,0
1997	0,390	13,6	0,447	25,0
1998	0,394	13,8	–	–
1999	0,399	13,9	0,480	32,1
2000	0,395	13,9	0,483	34,0
2001	0,397	13,9	0,508	39,6
2002	0,397	14,0	0,477	30,5
2003	0,403	14,5	0,481	30,0
2004	0,409	15,2	0,467	26,4
2005	0,409	15,2	0,456	24,9
2006	0,416	16,0	0,459	25,3
2007	0,423	16,8	0,447	22,1
2008	0,423	16,9	0,439	20,6
2009	0,422	16,7	0,418	14,7
2010	0,420	16,5	0,413	14,4
2011	0,416	16,1	0,425	16,1

Источник: данные Росстата.

социально-экономическим риском, порожаемых глобализацией⁷. Особое значение проблема неравенства приобрела в связи с рыночной трансформацией постсоциалистических стран, которая сопровождалась скачкообразным ростом дифференциации доходов. В конце 1980-х Россия наряду со скандинавскими странами входила в группу стран с низким уровнем дифференциации доходов⁸. Согласно официальным данным Росстата, в первые годы структурных реформ в России – на фоне рецессии и двукратного падения доходов – фондовый коэффициент дифференциации увеличился с 4,5 раз

в 1991-м до 15,1 раз в 1994 году (см. таблицу 2 на с. 14). Затем наблюдалось незначительное снижение, а период высоких темпов экономического подъема отличался ростом неравенства, который приостановился лишь на этапе стагнации.

Учитывая дифференциацию доходов в России, рассмотрим динамику роста доходов по 20-процентным группам (см. рисунок 2 на с. 17). Описанная выше динамика средних доходов в реальном выражении наиболее близка к динамике доходов четвертого квинтиля. Три нижние квинтильные группы (или 60 проц. населения

страны) имели более низкие темпы роста доходов на протяжении всего рассматриваемого периода. Так, по показателю реальных денежных доходов домохозяйства из третьей квинтильной группы лишь к 2007 году достигли уровня 1991-го, а доходы домохозяйств из двух нижних квинтильных групп по-прежнему находятся ниже данного уровня. Пятый квинтиль (с самыми высокими доходами), напротив, значительно оторвался от остальных домохозяйств, нарастив доходы более чем в два раза. Это означает, что гипотеза о массовой смене потребительской модели может не пройти тест на неравенство доходов, поскольку положительные изменения происходят лишь у высокодоходных групп.

В этой связи следует более подробно остановиться на трех аспектах, характеризующих неравенство. Первый связан с заработной платой, которая традиционно отличается большей дифференциацией, особенно в том случае, когда речь идет о коэффициенте Джини, учитывающем неравенство по всему ряду распределения, а не только на его «хвостах», что характерно для коэффициента фондов. Действительно, в период структурных реформ ярко проявилась именно эта тенденция, и она продолжалась в первые годы ускоренного экономического роста (см. таблицу 2 на с. 14). Начиная с 2002 года фиксируются ускоренные темпы снижения неравенства в оплате труда, и эта тенденция сохранилась и на этапе стагнации.

Дискуссия российского экспертного сообщества о корректном измерении неравенства

Как известно, в настоящее время источником первичных данных для оценки неравенства доходов российского населения служат данные проводимого Росстатом Обследования бюджетов домохозяйств (ОБДХ), выборка которого, по разным оценкам, репрезентирует от 80 до 97 проц. российского населения. Из выборки выпадают «крайние» слои населения: как самые бедные и социально уязвимые (бомжи, беженцы, вынужденные переселенцы и пр.), так и самые богатые. Для корректировки Росстат проводит дооценку денежных доходов (примерно на 20 проц., в соответствии с данными о розничном товарообороте) на основе ряда распределения, выравненного по двухпараметрической логнормальной модели. До 1992 года методика, по которой выстраивалось распределение по доходам, состояла в том, что

один из параметров этой модели — среднеквадратическое отклонение логарифмов — оценивался на основе данных ОБДХ, а другой параметр — уровень среднедушевого дохода — определялся по данным баланса денежных доходов и расходов. При этой методике оценки неравенства для всего населения практически совпадали с их значениями по бюджетной статистике. Начиная с 1992-го Росстат использует иной метод, который невозможно идентифицировать на основе официальных публикаций. Вопрос о том, насколько целесообразно использовать логнормальную модель для оценки неравенства в распределении доходов российского населения, в настоящее время вызывает большие споры в научном сообществе.

Многие исследователи считают и аргументированно доказывают, что официальная статистика занижает показатели неравен-

ства. Например, по мнению Анатолия Суворова, в условиях беспрецедентного роста дифференциации доходов «динамика средних показателей утрачивает свою представительность» и для характеристики уровня жизни следует использовать модальный доход как наиболее часто встречающийся, типичный для основной массы населения⁹. Таким образом, автор предлагает дополнить логнормальную модель еще одним параметром — модальным доходом, полученным из данных бюджетных обследований. По расчетам этой трехпараметрической логнормальной модели были получены альтернативные оценки фондовых коэффициентов дифференциации, которые в 1997—2000 годах составляли около 40 раз (в 1997-м — 38,3 раза, в 1998-м — 38,7 раза, в 1999 году — 38,8 раза, в 2000-м — 41,2 раза), что более чем в три раза превышает официальные оценки¹⁰.

Большой вклад в повышение точности практических измерений неравенства внесли методологические разработки Алексея Шевякова и Александра Кируты¹¹. Они доказывают, что занижение показателей неравенства в официальной статистике связано с несовершенством методики расчета оценок неравенства на основе логнормальной модели, которая неточно отражает фактическое распределение по доходам. В отличие от Суворова, который предлагает корректировать эту модель путем включения в нее дополнительного параметра — модального дохода, Шевяков и Кирута рекомендуют использовать принципиально новый методологический подход к моделированию распределения доходов, основанный на объединении разработанной ими методики взвешивания выборочных данных с непараметрическими методами оценки функции плотности распределения. По их расчетам, в 1991 году значение фондового коэффициента дифференциации составило 8,9 раза

против 4,5 раза по официальной методике Росстата, а в 1997-м — 23,3 против 13,5 раза. В целом рассчитанные авторами показатели неравенства в 1,5—2,0 раза превышают официальные оценки.

Результаты исследований, которые проводятся в Лаборатории распределительных отношений ИСЭПН РАН, продемонстрировали, что официальные показатели неравенства занижены по крайней мере в 1,5 раза. Например, была предпринята попытка пересчета коэффициента фондов в целом по России¹². С 1995 года коэффициент фондов оценивается по имитационной модели, игнорирующей региональные различия в стоимости жизни (что завышает реальный уровень неравенства) и региональные различия в неравенстве доходов (что занижает реальный уровень неравенства). Другими словами, в первую децильную группу российской выборки включаются все децильные группы региональных выборок, то есть

10 проц. самых бедных в Москве объединяются с 10 проц. самых бедных в Дагестане и пр., при этом считается, что покупательная способность доходов везде одинакова¹³. Официальный коэффициент фондов для России, рассчитанный таким образом, в 2000-м составил 13,9 раза. Оценки, полученные ИСЭПН РАН, показали, что если пересчитать официальное распределение численности населения по величине среднедушевых денежных доходов в среднем по населению РФ путем суммирования соответствующих численностей по регионам, то разрыв в денежных доходах 10 проц. самых бедных и 10 проц. наиболее богатых россиян составил бы не менее 16—17 раз. В целом имеющиеся оценки неравенства дают представление о его масштабах, однако необходимо подчеркнуть, что достоверных количественных данных уровня неравенства не дает ни одна из существующих в нашей стране форм статистического учета и методик расчета.

Как и в случае с неравенством по доходам, источники информации о дифференциации оплаты труда достаточно ограничены. Если обращаться к официальным публикациям, то в распоряжении исследователей имеются лишь данные обследования неравенства заработной платы, выплаченной работникам крупных и средних предприятий, которое проводится Росстатом в апреле каждого года. На данный сегмент занятости приходится примерно половина всех работников и порядка 60—70 проц. фонда оплаты труда. Кроме того, в данных за апрель практически вся переменная часть оплаты труда не наблюдается. По оценкам за разные годы переменная составляющая оплаты труда — это 30—50

проц. от годового фонда зарплаты. С высокой вероятностью можно предположить, что учет всех сегментов экономики и переменной части заработков приведет к росту зарплатного неравенства. Скорее всего, именно недоучет более чем половины трудовых доходов наемных работников объясняет различия в темпах изменений неравенства доходов и заработной платы, а также противоположную направленность динамики доходного и зарплатного неравенства в отдельные временные промежутки.

Несмотря на то что сравнение динамики индексов неравенства доходов и заработной платы не представляется корректным, мы можем сделать определенные выводы отно-

сительно того, какие факторы влияли на неравенство зарплаты на крупных и средних предприятиях. Для этого данные таблицы 2 (с. 14) сравним с данными рисунка 3 (с. 18), который показывает динамику средней заработной платы в данном сегменте экономики, выделяя отдельно минимальную заработную плату и среднюю заработную плату в преимущественно бюджетных секторах экономики (образование и здравоохранение). На этапе экономического роста, когда минимальная заработная плата росла достаточно низкими темпами, неравенство снижалось за счет повышения зарплат низкооплачиваемого рыночного сегмента экономики. В частности, в 2002–2003 годах этот эффект в основном обеспечивали сельское хозяйство, пищевая промышленность, строительство и розничная торговля. В период стагнации существенный вклад в снижение неравенства

внесли ускоренный рост минимальной оплаты труда и зарплаток в бюджетном секторе экономики. Снижение неравенства преимущественно за счет более высоких темпов роста зарплаток в низкооплачиваемом сегменте — это еще один аргумент в пользу того, что Россия преодолевает стандарт выживания как массовую модель потребительского поведения.

Второй вопрос, который заслуживает внимания при обсуждении динамики доходного неравенства в постсоветской России, это сравнение результатов альтернативных исследований. С этой целью обратимся к данным обследования РМЭЗ–ВШЭ, позволяющего охарактеризовать динамику дифференциации в 1992–2010 годах, используя единую методологию на протяжении всего рассматриваемого периода. Ранее уже отмечалось, что эмпирической основой для

Рисунок 2

Источник: рассчитано по данным Росстата.

Рисунок 3

**ДИНАМИКА ХАРАКТЕРИСТИК ОПЛАТЫ ТРУДА НА КРУПНЫХ И СРЕДНИХ ПРЕДПРИЯТИЯХ,
В РЕАЛЬНЫХ ЦЕНАХ 1991 ГОДА (1991=100%)**

Источник: рассчитано по данным Росстата.

официальных оценок неравенства являются данные ОБДХ. На рисунке 4 (с. 14) представлены абсолютные значения двух индексов неравенства, которые используются в официальных публикациях Росстата, — коэффициента Джини и коэффициента фондов. Поскольку официальные оценки распределения по доходам выводятся из данных о расходах, при работе с данными РМЭЗ мы также оперировали показателем *душевых денежных расходов*¹⁴. Данные о расходах считаются более надежным показателем для оценки неравенства на основе результатов выборочных обследований населения, особенно в период структурных реформ, и более устойчивым к случайным колебаниям в сравнении с доходами¹⁵.

О чем свидетельствуют результаты при сравнении официальных оценок неравенства и оценок, полученных на данных РМЭЗ—ВШЭ? Во-первых, последние фиксируют

гораздо большую степень дифференциации в период рецессии 1990-х: в 1992 году значение коэффициента Джини по данным РМЭЗ—ВШЭ составило 0,453, что в 1,6 раза выше официального показателя, а разрыв в значении коэффициента фондов составлял более трех раз. Во-вторых, в отличие от официальных, данные РМЭЗ—ВШЭ показывают, что на этапе экономического роста неравенство существенно снижалось. Начиная с 2007 года официальные оценки и оценки по данным РМЭЗ—ВШЭ практически совпадают.

В политической риторике стало модным негативное отношение к неравенству, хотя именно благодаря неравенству формируются модели трансформации образования и занятости в доходы, а доходов — в инвестиции. Региональное и поселенческое неравенство в доходах — это сигнал для перемещения трудовых ресурсов к точкам экономического роста, хотя население в целом негативно

относится к территориальному неравенству в доходах. Изучение факторов дифференциации доходов на микроуровне позволит, во-первых, определить лифты восходящей доходной мобильности, во-вторых, оценить их эффективность.

На неравенство доходов могут влиять как различия в доходах между группами населения с разными демографическими характеристиками (возраст, структура домохозяйства), так и изменения демографической структуры. Возраст индивида отражает его положение на карьерной лестнице и стадию жизненного цикла семьи. Заработная плата, как правило, растет с возрастом за счет накопленного опыта работы и/или большего соответствия между навыками работника и требованиями работодателей. Стадия жизненного цикла семьи также оказывает влияние на доходы домохозяйства: последние, как правило, снижаются, когда в семье есть

дети. Демографические изменения, такие как старение населения и снижение рождаемости, также влияют на неравенство доходов. Увеличение продолжительности жизни и пенсионного возраста тех, кто родился в период послевоенного «бэби-бума», привели к изменениям в возрастной структуре населения: доля пожилых растет, тогда как доля детей и трудоспособных сокращается. Снижение рождаемости и увеличение вероятности распада союзов ведут к сокращению среднего размера домохозяйств.

Поскольку доходы от занятости являются основным источником существования для большинства обычных семей, доходы домохозяйств в значительной степени определяются статусом членов домохозяйства на рынке труда. Как краткосрочные флуктуации уровня безработицы, так и более фундаментальные изменения (например, рост занятости женщин или все большая сегментация

Рисунок 4

Источник: рассчитано по данным РМЭЗ—ВШЭ и Росстата.

рынка труда) влияют на статус занятости домохозяйств. Таким образом, изменения на рынке труда – важные драйверы неравенства. Образование – существенный фактор, определяющий перспективы индивида на рынке труда. В соответствии с теорией человеческого капитала индивидуальная производительность растет вместе с числом лет обучения, что находит отражение в более высокой зарплате людей с высоким уровнем образования. Следовательно, уровень образования влияет на доходы индивидов и домохозяйств. Изменение структуры образования (например, расширение доступности высшего образования) и рост доходных различий в зависимости от уровня образования становятся важными факторами неравенства доходов на микроуровне.

Перспективы индивида на рынке труда могут также зависеть от пространственных аспектов рынка труда: доступность занятости и оплата труда может быть выше в более урбанизированных районах. Экономическая активность часто концентрируется в крупных городах, и это приводит к большему спросу на труд на урбанизированных территориях. Если существуют препятствия для мобильности населения, пространственное неравенство может стать источником застойного неравенства и бедности домохозяйств, проживающих в экономически неразвитых районах.

Таким образом, мы исходим из того, что уровень экономического благосостояния домохозяйств определяется их демографической структурой (число взрослых и детей, пол и возраст членов домохозяйства), социально-экономическим статусом (уровень образования и статус занятости членов домохозяйства) и «внешними» факторами, связанными с местом проживания. В отличие от традиционного подхода к агрегированию индивидуальных признаков до уровня домохозяйства, когда используются характеристики главы семьи, мы строим типологию домохозяйств на основе доминирования определенного признака¹⁶. Финальный набор факторов включает следующие характеристики домохозяйств: (1) *размер домохозяйства*, (2) *гендерный состав* (соотношение числа взрослых женщин и мужчин), (3) *возрастная структура* (соотношение числа индивидов в возрасте 65 лет и старше и индивидов в возрасте 18–64 лет), (4) *детская нагрузка* (соотношение числа детей до 18 лет и работающих взрослых), (5) *уровень образования* (соотношение числа взрослых с высшим и без высшего образования), (6) *статус занятости* (соотношение числа занятых и незанятых взрослых¹⁷), (7) *тип населенного пункта*, (8) *регион*¹⁸ (см. рисунок 5 на с. 22).

Демографические факторы достигают 5-процентного порога лишь в отдельные

Метод декомпозиции неравенства

Изучить факторы дифференциации доходов на микроуровне позволяет декомпозиция агрегированных индексов неравенства. Если рассматривать весь имеющийся набор доходов как совокупность, где в качестве подгрупп выступают группы индивидов, выделенные на основе какого-либо признака, можно разложить общее нера-

венство доходов на неравенство между этими подгруппами и неравенство внутри подгрупп. Некоторые индексы неравенства, например меры, принадлежащие к классу Обобщенной Энтропии, без остатка раскладываются на внутри- и межгрупповую компоненты неравенства¹⁹. Внутригрупповая компонента равна сумме индексов неравен-

ства всех подгрупп, перевзвешенных по доле населения в подгруппах; межгрупповая компонента неравенства рассчитывается так же, как сам индекс неравенства, за тем исключением, что индивидуальные доходы заменяются средними доходами подгрупп. Последняя интерпретируется как вклад данного фактора в общее неравенство.

годы, и ни один из них не преодолевает этого порога в течение всего периода 1994–2010 годов. Например, вклад фактора «размер семьи» приближался к 5 проц. в 1995–1996-м и к 4 проц. в 2003–2004 годах. В 2009-м его значение вновь стало расти, перешагнув порог в 5 проц. в 2010 году. На протяжении 1998–2007 годов наиболее значимый вес среди демографических факторов (около 4–5 проц.) имела «возрастная структура», в последние годы утратившая свое влияние.

Стабильно высокий вес на протяжении всего рассматриваемого периода имели оба фактора, связанные с местом проживания домохозяйства. Значение фактора «тип поселения» находилось около 5-процентного порога с середины 1990-х и до начала 2000-х. В 2003 году вес фактора достигал максимального уровня (7,2 проц.), а начиная с 2004-го фактор стал терять свою значимость, приблизившись к значению 4 проц. в 2008–2010 годах. Значимость региональных различий

“Пространственное неравенство может стать источником застойного неравенства и бедности домохозяйств, проживающих в экономически неразвитых районах”.

Фактор «высшее образование» не входил в число значимых в начале переходного периода (в 1992 году его вклад в неравенство составлял менее 2 проц.), и хотя его вес начал расти уже в середине 1990-х, заметный скачок вверх произошел лишь в 1998–2000 годах. В первой половине 2000-х вклад фактора колебался на уровне 7–8 проц. с одно-моментным снижением до 6 проц. в 2003–2004 годах. В 2006–2007 годах он набрал максимальный вес (10 проц.), опережая все остальные факторы неравенства, помимо регионального. С началом кризиса в 2008-м удельный вес «образования» снизился до 6–7 проц., однако по данным за 2010 год вновь фиксируется прирост веса данного фактора.

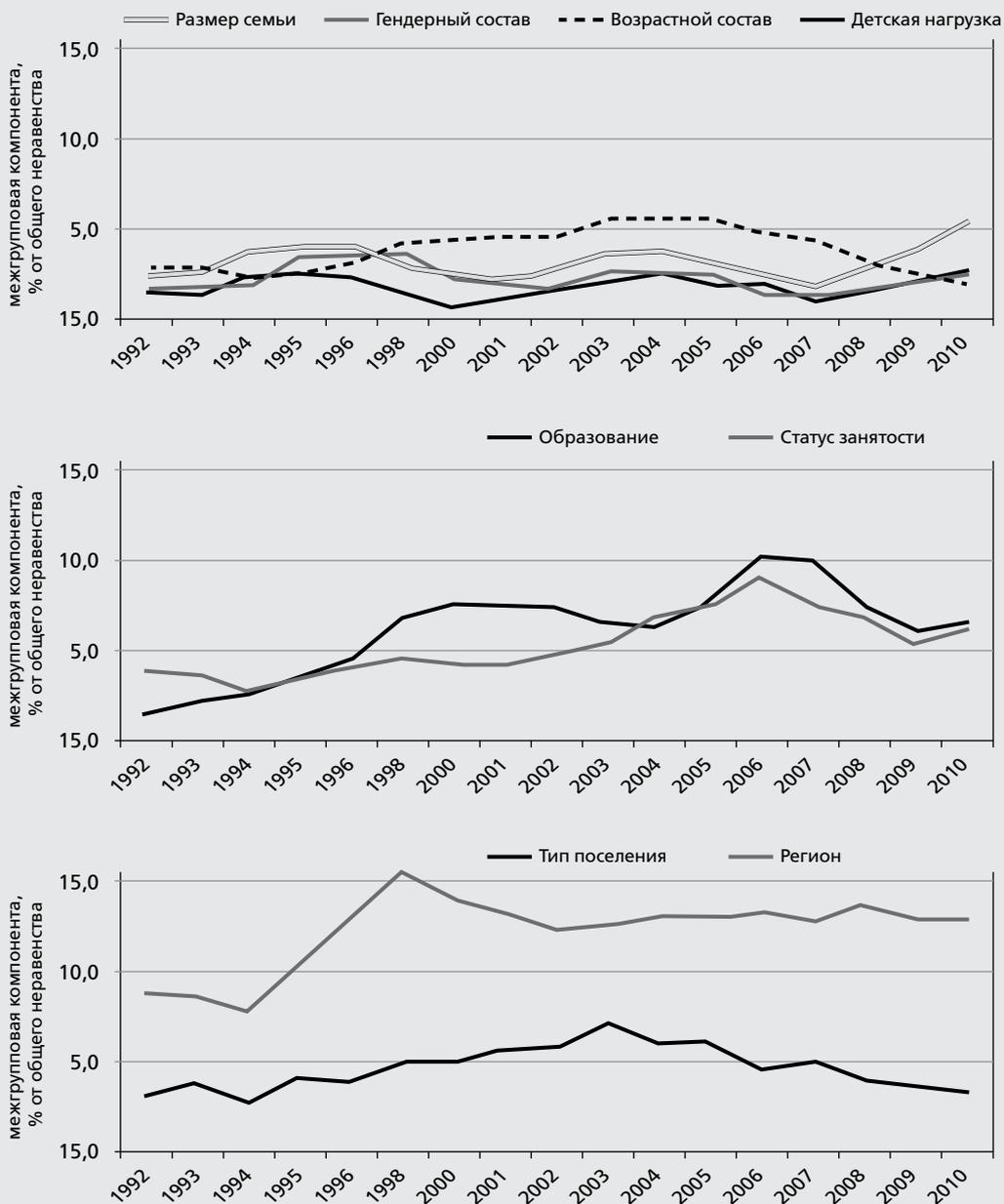
Динамика фактора «статус занятости» в значительной степени повторяет кривую фактора «образование». В начале 1990-х вклад этого фактора в неравенство не превышал 5 процентов. В дальнейшем он непрерывно возрастал, достигнув максимума в 2006 году (9 процентов). В 2008–2009 годах значение фактора снижалось, а в 2010-м вновь наблюдается положительная тенденция роста, однако насколько она устойчива, покажут дальнейшие наблюдения.

Для объяснения общего неравенства была высокой уже в 1992 году (9 проц.), но особенно весомым данный фактор стал во второй половине 1990-х, когда его значение выросло до 15 процентов. Учитывая, что используемый нами показатель душевых расходов сглажен по регионам, можно предположить, что вклад регионального фактора, на самом деле, еще выше. В начале 2000-х межрегиональные различия стали уменьшаться, и в 2002 году значение регионального фактора опустилось до 12 процентов. В последние несколько лет значение данного фактора замерло на уровне 13 проц., что как минимум в два раза выше веса любого из рассматриваемых факторов.

В целом за годы постсоветского развития значимость всех тестируемых факторов межгруппового неравенства, за исключением возрастной структуры, увеличилась, что позволяет сделать вывод о том, что для населения стали очевиднее пути продвижения к более высоким доходам. Однако самые высокие темпы роста наблюдались у фактора «уровень образования», вес которого увеличился почти в 5 раз, а если исключить из рассмотрения кризисные годы (2008–2010), то в 7 раз. Следовательно, несмотря на все

Рисунок 5

ФАКТОРЫ НЕРАВЕНСТВА В 1992—2010 ГОДАХ (ВКЛАД МЕЖГРУППОВОЙ КОМПОНЕНТЫ В ОБЩЕЕ НЕРАВЕНСТВО, СРЕДНЕЕ ЛОГАРИФИЧЕСКОЕ ОТКЛОНЕНИЕ)

Примечание: для данного размера выборки значимыми считаются факторы, вес которых превышает 5 процентов.
 Источник: рассчитано по данным РМЭЗ.

особенности экономического развития, проведенный анализ подтверждает, что инвестиции в человеческий капитал дают высокую отдачу, а новая модель развития связана именно с человеческим потенциалом. С другой стороны, на протяжении всего рассматриваемого периода наиболее весомым фактором дифференциации российских домохозяйств по уровню расходов оставалось региональное неравенство, что отражает закономерности экономического развития, в котором ставка сделана на крупные города и сырьевую экономику.

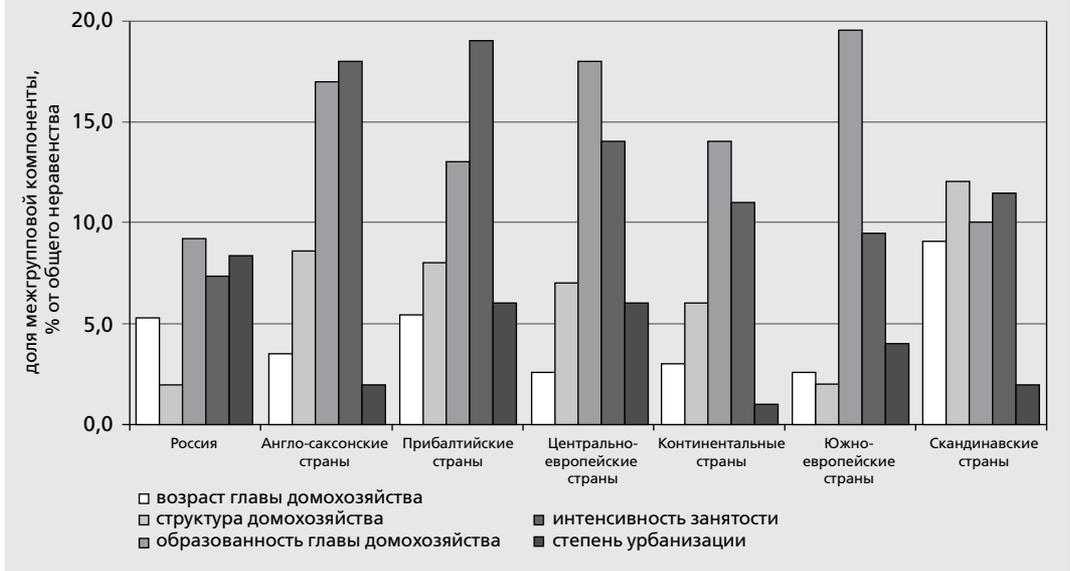
Насколько хорошо работают обозначенные лифты доходной мобильности? Для ответа на этот вопрос обратимся к методу межстрановых сопоставлений. Отличается ли Россия от других стран по набору и весу факторов неравенства? Метод декомпозиции неравенства неоднократно использовался

различными авторами, которые изучают влияние индивидуальных и домохозяйственных характеристик на неравенство доходов в Европе и странах ОЭСР²⁰. Последние результаты с использованием данного метода для стран Европейского Союза приведены в годовом отчете Обсерватории социальных процессов, существующей при поддержке Европейской комиссии²¹. Для сравнительного анализа при расчете российских показателей мы опирались на методологию расчета доходов и типологий домохозяйств, примененную именно в этом докладе.

Рисунок 6 (на с. 23) показывает, как эффект различных факторов неравенства (средние невзвешенные значения межгрупповых компонент неравенства) варьируется в кластерах стран с разными моделями государства благосостояния. В сравнении с европейскими странами в России наблюдается

Рисунок 6

СРЕДНИЙ ВКЛАД СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ В ОБЪЯСНЕНИЕ НЕРАВЕНСТВА ПО КЛАСТЕРАМ СТРАН С РАЗНЫМИ РЕЖИМАМИ ГОСУДАРСТВА БЛАГОСОСТОЯНИЯ, 2006 ГОД

Источник: для стран ЕС — Annual Monitoring Report of Social Situation Observatory (Brussels, 2009); для России рассчитано по данным РМЭЗ-ВШЭ 2006 года.

более низкий вклад межгрупповых различий в общее неравенство: ни один признак из нашего набора не имеет веса выше 10 процентов. Это означает, что обусловленные неравенством лифты восходящей доходной мобильности, включая образование, работают слабо и только поселенческий фактор является исключением из этого правила. Этот вывод подтверждается и тем фактом, что в России значения межгрупповых компонент неравенства ниже европейских при условии, что общий уровень неравенства в нашей стране как минимум в 1,5 раза выше европейского.

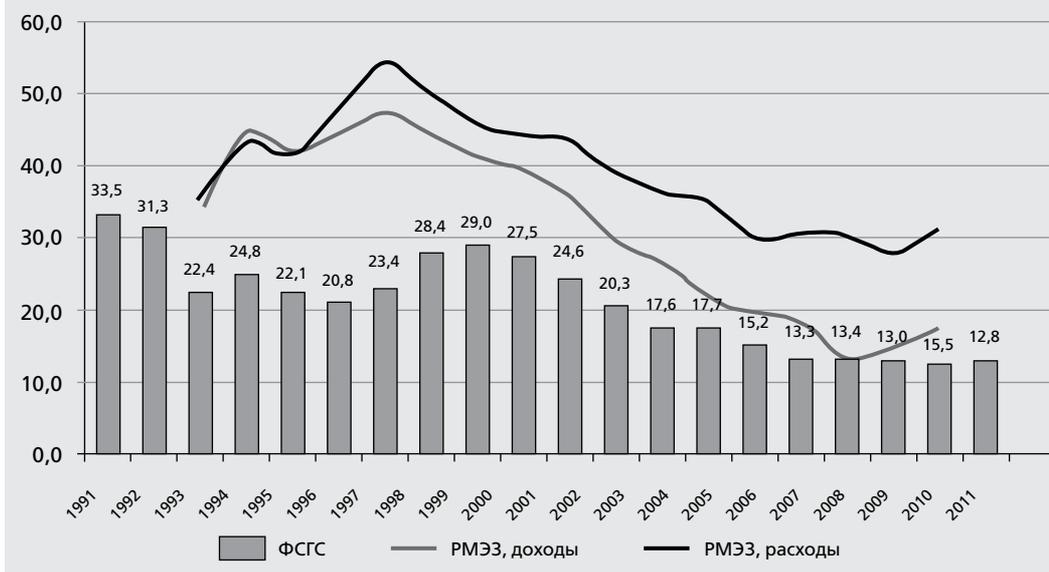
По структуре факторов неравенства Россия не похожа ни на одну из европейских моделей. В нашей стране различия по уровню образования — более значимая причина неравенства, чем интенсивность занятости. Такая же ситуация характерна для стран Центральной Европы, континенталь-

ных и южноевропейских стран, тогда как в англо-саксонских странах образование и интенсивность занятости имеют примерно одинаковое значение, а в балтийских странах интенсивность занятости является самым важным фактором неравенства. В среднем по всем кластерам демографические переменные менее значимы в сравнении с эффектом образования и интенсивности занятости. Лишь скандинавские страны демонстрируют другую модель с практически равным весом демографических характеристик и характеристик, связанных с положением на рынке труда.

Динамика бедности служит одним из основных маркеров преобладающего национального стандарта потребительского поведения. В России официальное определение бедности базируется на абсолютной концепции ее измерения, а основным индикатором является доля населения с доходами

Рисунок 7

ДИНАМИКА УРОВНЯ БЕДНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ В 1992—2011 ГОДАХ

Источник: данные Росстата и расчеты по данным РМЭЗ—ВШЭ.

Таблица 3

ДИНАМИКА УРОВНЯ МОНЕТАРНОЙ БЕДНОСТИ ДОМОХОЗЯЙСТВ В 1994—2010 ГОДАХ						
Год	Все домохозяйства	Домохозяйства с детьми до 18 лет	Домохозяйства без детей до 18 лет			
			все	состоящие только из пенсионеров	состоящие только из трудоспособных	смешанного типа
1994	33,8	39,9	12,4	0,4	23,9	18,4
1995	44,5	54,2	18,4	3	31	27,7
1996	41,9	49,2	21,9	10,5	29,6	29,1
1998	47,4	56	22,4	4,6	37,3	33,5
2000	41,3	51,2	18,5	1,7	32,2	30,2
2001	39,3	47,5	18,5	3	28,8	29
2002	35,3	44,1	14,7	1,4	25	23,1
2003	29,7	38,6	11,8	0,5	21,6	18
2004	26,1	36,6	10,8	0,4	20,8	15,9
2005	21,5	30,8	8,6	0,6	16	12,6
2006	19,4	26,7	8,9	0,7	17	12,1
2007	18,2	23,9	9,3	0,9	15,2	13,9
2008	13,2	18,8	5,4	0,4	12,6	6,7
2009	14,7	20,9	7	2,5	13,5	8,2
2010	17,8	21,6	6,3	0,5	13,1	5,6

Источник: расчеты по данным РМЭЗ-ВШЭ.

ниже стоимости прожиточного минимума. По идеологическим соображениям категория «бедность» в Советском Союзе не использовалась, а ее аналогом служило понятие «малообеспеченность», которое впервые стало применяться в начале 1970-х при разработке программы помощи детям в малообеспеченных семьях. Однако, регулируя минимальную оплату труда, государство опиралось на категории «минимального потребительского бюджета». После либерализации цен в 1992 году доходы 70 проц. российских граждан опустились ниже уровня прожиточного минимума советского периода²². Для того чтобы выявить наиболее нуждающихся в социальной поддержке в новых экономических условиях, пришлось изменить границу бедности, и подход к определению прожиточного минимума был пересмотрен: минимальная потребительская корзина 1992 года оказалась в два раза

дешевле аналогичной корзины советского периода.

По пересчитанной минимальной потребительской корзине в 1992 году в число бедных попала треть российского населения (см. рисунок 7 на с. 24). В период экономического роста, согласно официальным данным, наблюдалась устойчивая тенденция снижения доли бедного населения, и за 2000—2007 годы она сократилась более чем в два раза. Данные РМЭЗ-ВШЭ показывают большие масштабы бедности на этапе структурных реформ и более высокие темпы ее снижения в период экономического роста. В 2008—2009-м кризис не повлиял на динамику показателей бедности, однако далее, на этапе стагнации, микроданные фиксировали рост бедности. В любом случае, по результатам всех авторитетных исследований, в 2011 году доля населения с доходами ниже прожи-

точного минимума — а именно этот уровень ассоциируется со стандартом выживания — составляла не более 17 процентов²³. Это означает, что Россия действительно вышла на преобладающую модель потребления, более высокую, чем стандарт выживания.

Определить, какие социально-демографические группы населения отличаются повышенным риском оказаться в категории бедных, можно только на основе микроданных. В данном случае мы обращаемся к обследованию РМЭЗ—ВШЭ, позволяющему проанализировать домохозяйственный профиль бедности. Представленные в таблице 3 результаты (см. с. 25) свидетельствуют о том, что максимальные риски бедности характерны для семей с детьми, а домохозяйства пенсионеров, наоборот, отличаются низким уровнем бедности. В настоящий момент среди домохозяйств, состоящих только из пенсионеров, практически нет бедных.

Отличительная особенность российской бедности проявляется в том, что в структуре бедного населения преобладают работающие люди, а в остальном профиль российской бедности стандартен: доля молодых групп в составе бедных выше, чем в составе населения в целом; наличие высшего образования существенно понижает вероятность оказаться в числе малоимущих; с точки зрения типа поселения максимальные риски бедности у сельских жителей.

Отметим, что даже потребление бедных слоев населения выходит за пределы стандарта выживания. Например, согласно официальным данным Росстата, бедные по доходам домохозяйства серьезно оснащены теми видами имущества, которые дают импульс для развития, в частности, автомобилями, компьютерами и сотовыми телефонами: в расчете на 100 домохозяйств небедные домохозяйства имеют 52 автомобиля и 66

Рисунок 8

Источник: данные Росстата.

персональных компьютеров, а бедные — 32 и 47 соответственно; и бедные, и небедные одинаково оснащены сотовой связью.

Динамика уровня и структуры расходов: в чем особенности новой потребительской модели?

Для того чтобы понять, что происходило в области потребления, обратимся к данным об объеме розничной торговли и предоставлении платных услуг. В статистике розничная торговля учитывается с точки зрения продовольственных и непродовольственных товаров, и доля продовольственных товаров в рассматриваемый период колебалась в пределах 42–48 процентов. Динамика оборота потребительских товаров и услуг, приведенная к сопоставимому виду в ценах 1990 года, представлена на рисунке 8 (с. 26).

В 1992 году все рассматриваемые показатели достигли «дна», затем последовало восстановление, причем оборот услуг восстановился практически в полном объеме, но эта тенденция была прервана кризисом 1998-го. Этап экономического роста, как и в случае с доходами, сопровождался высокими темпами восстановления рынка потребительских товаров и услуг, а объем услуг рос опережающими темпами. В целом за постсоветский период объем платных услуг, предоставляемых населению, вырос в реальном выражении почти в два раза, тогда как объем розничной торговли увеличился в 1,2 раза. Настораживает то, что темпы роста продовольственного товарооборота увеличиваются быстрее, чем объемы розничной торговли непродовольственными товарами. Но тот факт, что это происходит на фоне сокращения объемов потребления из личного подсобного хозяйства (которое в годы структурных реформ стало важным ресурсом выживания для многих российских домохозяйств), свидетельствует о формировании более современной потребительской модели. Можно отме-

тить явное смещение потребления в сторону услуг, что косвенно подтверждает движение от модели выживания к модели устойчивого развития, в рамках которой есть возможности для инвестиций в образование и здоровье, что формирует совсем другое качество человеческого капитала.

Если посмотреть на структуру денежных расходов через призму укрупненных агрегированных видов расходов, то становится очевидно, как изменилось финансовое и потребительское поведение домохозяйств. За последние 20 лет россияне пережили дефолт по советским сбережениям, столкнулись с финансовыми пирамидами в начале 1990-х, вышли на рынок купли-продажи жилья и массово включились в валютные операции. Согласно данным обследования финансового поведения населения, проведенного в 2011 году Независимым институтом социальной политики, более 70 проц. населения имеют опыт получения и обслуживания кредитов или формирования сбережений. Вместе с тем в 2011-м, за исключением расходов на жилье, структура расходов стала аналогичной 1990 году (см. таблицу 4 на с. 28), правда, теперь речь идет об объеме расходов, который в сопоставимых ценах в 1,5 раза выше. Цифры, характеризующие прирост финансовых активов, подразумевают разделение данного вида расходов на увеличение наличных денег на руках, включая иностранную валюту, и накопление сбережений во вкладах и ценных бумагах. Расходы на покупку жилья частично входят в раздел «Обязательные платежи и разнообразные взносы», поскольку именно здесь фиксируются платежи по ипотечным кредитам. В настоящее время около 1 млн домохозяйств (что соответствует 1,8 проц. от общего числа домохозяйств) участвуют в ипотечном кредитовании.

Наиболее значительные изменения наблюдаются в структуре потребительских

расходов населения²⁴ (см. рисунок 9 на с. 29). (Материал Марины Красильниковой о том, что собой представляет современный российский потребитель, см. на с. 35–47 этого номера *Pro et Contra*. – Прим. ред.) Здесь особенно показательна динамика доли расходов на питание: чем она выше, тем ниже материальный достаток, и наоборот. Накануне рыночных реформ доля расходов на питание (по показателю «расходы на покупку продуктов для домашнего питания и питания вне дома») составляла 36,1 проц., а к 1999-му она поднялась до 53,7 процентов. Этап устойчивого экономического роста сопровождался ее снижением до 32 проц., а последние три года она удерживается на уровне 33 процентов. Несмотря на существенное снижение доли расходов на питание за последние десять лет, по структуре потребления домохозяйств Россия все еще далека от развитых стран Европы, где расходы на питание составляют не более 10–15 процентов.

Сокращение доли расходов на питание, как правило, сопровождается ростом расходов на непродовольственные товары и наоборот. Среди расходов на непродовольственные товары наиболее заметно выросли расходы на транспортные средства и топливо, медицинские изделия и предметы личной гигиены. Но самое большое изменение – это снижение доли расходов домашних хозяйств на одежду, обувь, белье и ткани: с 26 до 10 процентов.

Таблица 4

СТРУКТУРА ДЕНЕЖНЫХ РАСХОДОВ, %									
Денежные расходы и сбережения, в том числе:	1980	1990	1995	2000	2007	2008	2009	2010	2011
– покупка товаров и услуг	84,3	75,3	70,5	75,5	69,6	74,1	69,8	69,6	73,5
– обязательные платежи и разнобразные взносы	11,9	11,8	5,6	7,8	11,8	12,3	10,5	9,7	10,3
– приобретение недвижимости	0,2	0,3	0,1	1,2	3,9	4,7	2,9	3,4	4,0
– прирост финансовых активов	3,6	12,6	23,8	15,5	14,7	8,9	16,8	17,3	12,2
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Источник: данные Росстата.

Наконец, основная тенденция – это значительный рост доли расходов на оплату услуг (с 14,9 проц. в 1997-м до четверти общего объема расходов в 2006–2011 годах). Данный показатель продолжал расти и в период стагнации: по отношению к дореформенному периоду (1990) расходы на услуги выросли в два раза, по отношению к 1991-му – в три раза.

Расходы на услуги возрастали в основном за счет жилищно-коммунальных платежей, которые в начале 1990-х опустились до символических 0,7 проц., а сегодня составляют почти 10 проц. потребительских расходов домохозяйств. Вторая отличительная черта нашего времени – высокая развитость и распространенность услуг связи, за которые населению также приходится платить. Медицинские услуги, бесплатные на заре постсоветского периода, теперь составляют 1,5 проц. потребительских расходов. Доля расходов на услуги в системе образования формально не изменилась (1,5 проц., как и в 1991 году), однако 20 лет назад они целиком состояли из расходов на услуги только дошкольного образования, а в настоящее время платное обучение присутствует на всех уровнях системы образования. Кроме того, можно отметить возросшую долю расходов на оплату услуг учреждений культуры. Следует указать и на небольшой рост расходов домашних хозяйств на услуги пассажирского транспорта, но если сюда же включить

вышеупомянутое увеличение расходов на топливо (до 3 проц.), на ремонт и покупку транспортных средств, то совокупный рост расходов населения на транспорт за последние 20 лет составит более 10 процентов.

Представляется интересным подробнее остановиться на анализе динамики различий в потреблении более обеспеченных слоев населения. Для репрезентативности обратимся к базе данных ОБДХ, а в качестве контрольной группы возьмем 8-ю децильную группу распределения по доходам. Наш выбор обусловлен тем, что в данных ОБДХ покупки товаров длительного пользования и движимого имущества городскими семьями концентрируются в 10-м дециле, а сельскими – в 9-м дециле. Если речь идет о текущих расходах, то наиболее устойчивую картину потребления показывает именно 8-я децильная группа. Более того, именно эта доходная группа по текущему потребительскому пове-

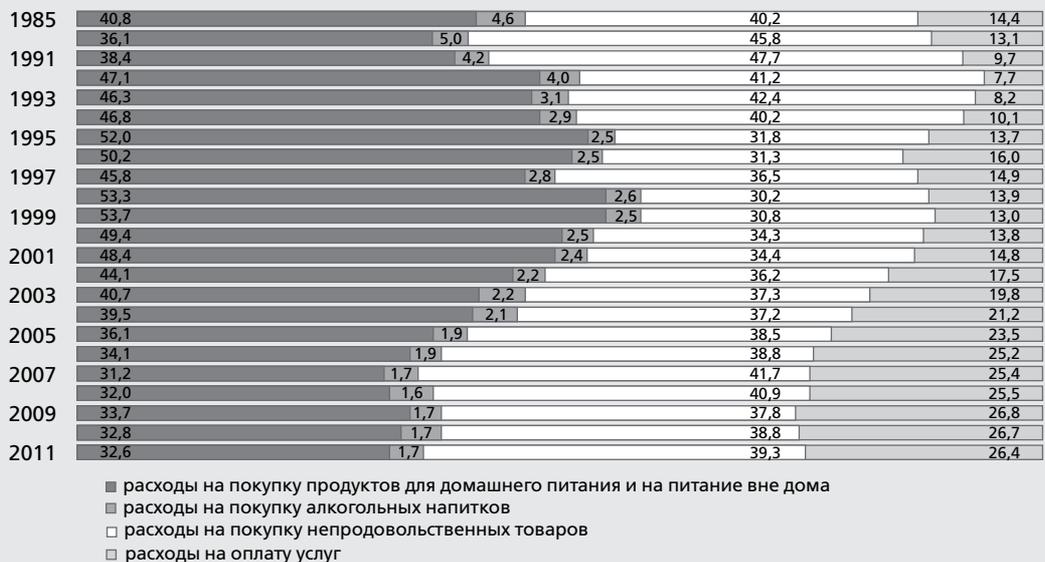
дению может рассматриваться как контрольная группа для оценки потребительского поведения среднего класса ²⁵.

Данные таблицы 5 (см. с. 31) свидетельствуют о том, что в модели потребления 8-го дециля существенно – почти на треть – сократилась доля расходов на питание (при росте расходов на питание вне дома), на одежду и обувь. С другой стороны, примерно в два раза возросли расходы на оплату жилищно-коммунальных услуг. Потребление сместилось в сторону расходов на культуру и отдых, на связь, на покупку и эксплуатацию транспортных средств. Очевидно, данная группа населения миновала период, когда преобладал стандарт жизни бедных, и находится на этапе формирования новой потребительской модели, характерной для среднего класса.

В развитых экономиках основную часть общества составляют представители средне-

Рисунок 9

ДИНАМИКА СТРУКТУРЫ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ РАСХОДОВ НАСЕЛЕНИЯ В 1990–2011 ГОДАХ, %

Источник: рассчитано по данным Росстата.

го класса, и именно их повседневные потребительские практики оказываются наиболее популярными. Какова ситуация в России? Мы применили подход, который позволяет выделить средний класс по трем основным критериям: материальная обеспеченность, социально-профессиональный статус и самоидентификация²⁶. Согласно данным обследования РидМиЖ, в 2011 году по этим трем критериям к среднему классу относилась примерно пятая часть российского общества. Для данной группы характерна не только материальная обеспеченность, но и

центром России, Москва предоставляет условия для высокого заработка, а инфраструктурное устройство столицы позволяет развиваться всевозможным повседневным практикам. И именно здесь, пожалуй, наиболее ярко проявляется специфика образа жизни отдельных групп населения. Но даже в Москве средний класс не стал самым массовым элементом стратификационной композиции общества и составляет примерно 30 проц., а характеристики его образа жизни и социального самочувствия не позволяют говорить об общепринятом стандарте.

“Даже в Москве **средний класс** не стал самым массовым элементом стратификационной композиции общества и составляет примерно 30 проц.”

высокая профессиональная компетентность (основанная, в частности, на высоком уровне образования). Ее представители добиваются успехов в карьере, а вследствие этого их ресурсная обеспеченность выше, и при этом они осознают, что располагают относительно более высокими возможностями. Но приводит ли синергия трех «о» — обеспеченность, образованность и ответственность — к формированию в России специфических стандартов поведения, которые можно было бы назвать образом жизни среднего класса? И могут ли соответствующие стандарты стать массовыми для россиян? Однозначный ответ на эти вопросы дать нельзя. Тем не менее некоторые различия в повседневных практиках и восприятии реальности, свойственные среднему классу и остальному населению, удается зафиксировать на уровне микроданных социологических опросов населения.

Чтобы подтвердить этот тезис, обратимся к результатам обследования «Москва и москвичи», проведенного в столице в 2012 году²⁷. Будучи финансово-экономическим

Тем не менее представители среднего класса в столице в большей степени, чем остальные, оказываются вовлечены во всевозможные досуговые практики. Это справедливо как с точки зрения их включенности в культурные, развлекательные мероприятия, социальные интеракции, так и в спорт. Например, среди представителей среднего класса вдвое больше тех, кто регулярно посещает театры и концерты (16 против 7 проц. в среднем по населению, и 18 против 8 проц. в среднем по населению, соответственно), и в полтора раза больше тех, кто ходит в кино (32 против 21 проц. в среднем), музеи и на выставки (16 против 10 проц. в среднем). Представители среднего класса более регулярно встречаются с друзьями и гораздо чаще находят возможность сделать это за пределами дома: доля посещающих рестораны и кафе несколько раз в неделю в три раза выше, чем по населению в среднем (10 против 3 процентов).

Московский средний класс в большей степени вовлечен в массовую коммуникацию: как доля тех, кто ежедневно слушает радио,

пользуется интернетом, так и доля тех, кто ежедневно читает прессу и книги, среди представителей среднего класса превосходят аналогичные показатели по остальным респондентам. При этом представители этого слоя общества основным источником новостей для себя считают интернет, тогда как остальные по-прежнему ориентируются на телевидение. Средний класс в Москве отличается большей лояльностью к власти, чем остальное население столицы. Его представители активнее принимают участие в выборах: 66 проц. из них отмечают, что обычно ходят голосовать (среди других жителей столицы таких 58 процентов). При этом удовлетворенность результатами последних президентских выборов выше, чем среди других опрошенных (52 против 45 процентов).

Что касается социального самочувствия московского среднего класса, здесь также просматриваются некоторые расхождения с представителями других слоев общества. В целом, средний класс чувствует себя более защищенным во всех отношениях, чем остальные. Улицы города представляются ему более безопасными, проблемы безработицы, коррупции, преступности заботят меньше, чем остальных. Реже среди представителей среднего класса встречаются и обеспокоенные невозможностью улучшить жилищные условия и получить медицинскую помощь, что косвенно свидетельствует о более высоком качестве жизни у среднего класса, нежели у остальных слоев российского населения. И только две темы из повседневной жизни современного мегаполиса волнуют средний класс больше, чем остальных, — качество дорог и пробки на дорогах²⁸.

Таблица 5

СТРУКТУРА ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ РАСХОДОВ КОНТРОЛЬНОЙ ДЕЦИЛЬНОЙ ГРУППЫ ДЛЯ СРЕДНЕГО КЛАССА, 8-Я ДЕЦИЛЬНАЯ ГРУППА, %		
Структура потребительских расходов, 8-я децильная группа	2000 год	2011 год
Потребительские расходы:	100	100
продукты питания и безалкогольные напитки	46,1	28,3
одежда и обувь	17,4	11,5
жилищные услуги, вода, электроэнергия, газ и другие виды топлива	5,9	11,3
расходы на покупку непродовольственных товаров	35,1	-
здравоохранение, в том числе	-	4,6
медикаменты, медицинское оборудование	-	1,9
амбулаторные услуги и услуги стационаров	0,6	2,7
транспорт, в том числе	-	11,4
покупка транспортных средств	1,3	2,1
эксплуатация транспортных средств	-	6,1
транспортные услуги	2,6	3,1
связь	1,1	3,8
отдых и культурные мероприятия	3,7	7,5
образование	1,3	1,5
гостиницы, кафе и рестораны, в том числе	-	3,4
общественное питание	2,1	3,3
другие товары и услуги	-	8,9

Источник: рассчитано по данным Росстата (ОБДХ).

Эти проблемы считают очень актуальными 56 проц. и 62 проц. представителей среднего класса соответственно (против 45 и 53 проц. среди остального населения).

Приведенное описание, разумеется, носит обобщенный характер. Но надо заметить, что сам средний класс неоднороден, и внутри него можно выделить различные подгруппы, значительно отличающиеся друг от друга. Например, при детальном изучении рейтинга актуальных для представителей этого слоя проблем обнаруживается, что одни обеспокоены сменой условий жизни, экономической и политической обстановкой, другие — личной безопасностью, а третьих и вовсе ничего не волнует.

Заключительные выводы

Подводя итоги анализу, какие изменения произошли в доходах и потреблении населения за двадцать лет постсоветского развития, можно отметить, что объем доходов населения, структура потребления и динамика бедности свидетельствуют о переходе к стандарту потребления более высокого порядка, в рамках которого ресурсов достаточно не только для покупки предметов и услуг первой необходимости, но и для организации досуга, инвестиций в человеческий капитал и покупки товаров, существенно расширяющих возможности для развития.

В наибольшей степени эти тенденции проявляются, когда речь идет о городском населении и еще более ярко, когда оценивается потребление наиболее обеспеченных

жителей крупных городов. Однако говорить о том, что в России сложился новый жизненный стандарт, характерный для городского среднего класса, еще рано. Повседневные практики данной группы хотя и обладают некоторыми отличительными особенностями, не могут быть названы новым стандартом и на данном этапе характеризуют не столько приверженность среднего класса к принципиально иному образу жизни, сколько его большую платежеспособность по сравнению с остальными слоями населения.

Дальнейшее развитие в этом направлении ограничено высоким неравенством в распределении доходов и неэффективностью лифтов восходящей доходной мобильности. Другими словами, проживание в благополучных регионах и типах поселения, доступ к рынку труда и высокий уровень образования вносят существенный вклад в неравенство, но мощности этих социальных лифтов недостаточно для снижения общего неравенства. Если лифты восходящей доходной мобильности работают плохо, необходимо запустить другие, более эффективные перераспределительные механизмы — повысить налоги и расширить платность в социальной сфере для обеспеченных слоев населения.

Таким образом, в российском секторе домашних хозяйств сложились экономические предпосылки для дальнейшего развития по модели постиндустриального общества, но институциональное развитие и существенное неравенство пока создают серьезные барьеры для этого. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ См.: *Инглхарт Р., Вельцель К.*

Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011.

² <http://www.hse.ru/r/ms/>

³ <http://www.socpol.ru/gender/RIDMIZ.shtml>

⁴ Обследование реализуется ГАНУ «Институт гуманитарного развития мегаполиса», на данный момент проведены два раунда обследования (подробно см.: www.igt.m.info).

⁵ *Капелюшников Р.И.* Российский рынок труда: Адаптация без реструктуризации. М.: ГУ–ВШЭ, 2001; *Капелюшников Р.И.* Конец российской модели рынка труда? // *Polit.ru* (<http://www.polit.ru/lectures/2009/04/23/kapeljushnikov.html>).

⁶ *Капелюшников Р.И.* Российский рынок труда: адаптация без реструктуризации; *Суворов А.В.* Доходы и потребление населения: Макроэкономический анализ и прогнозирование. М.: МАКС Пресс, 2001; *Шевяков А.Ю., Кирута А.А.* Экономическое неравенство, уровень жизни и бедность населения России и ее регионов в процессе реформ: Методы измерения и анализ причинных зависимостей. М.: РПЭИ, 2001.

⁷ *Berger R.* et al. *The Inequality Puzzle: European and US Leaders Discuss Rising Income Inequality.* Springer Press, 2010; *Firebaugh G.* *The New Geography of Global Income Inequality.* Cambridge: Harvard Univ. Press, 2003; *Firebaugh G., Goessling B.* Accounting for the Recent Decline in Global Income Inequality // *American Journal of Sociology.* 2004. Vol. 110. No. 2 (Sept.). P. 283–312.

⁸ *Growing Unequal? Income Distribution and Poverty in OECD Countries.* OECD Publishing, 2008.

⁹ *Суворов А.В.* Указ. соч.

¹⁰ Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2002 г. М.: ИнтерДиалект, 2003.

¹¹ *Шевяков А.Ю., Кирута А.А.* Указ. соч.; *Шевяков А.Ю., Кирута А.А.* Измерение экономического неравенства. М.: Лето, 2002.

¹² Дифференциация экономического благосостояния и возможные пути ее снижения (итоговый доклад) // Программа фундаментальных исследований Отделения общественных наук РАН «Россия в глобализирующемся мире». М.: ИСЭПН, 2003.

¹³ *Великанова Т., Колмаков И., Фролова Е.*

Совершенствование методики и моделей распределения населения по среднедушевому доходу // Вопросы статистики. 1996. № 5.

¹⁴ Последние включают все виды денежных расходов за месяц, предшествующий интервью, в том числе расходы на питание (и вне дома тоже), расходы на непродовольственные товары и услуги, трансферты другим домохозяйствам или организациям (займы, финансовая помощь, сбережения). Наконец, показатель душевых расходов был скорректирован с учетом различий в стоимости жизни в разных регионах страны: для этого душевые расходы умножались на коэффициент, равный соотношению стоимости общероссийского и регионального прожиточного минимума в соответствующем году. Показатели за 1997 и 1999 годы отсутствуют, так как в эти годы обследование РМЭЗ не проводилось.

¹⁵ Превышение расходов над доходами, особенно в 1990-х, было зафиксировано в работе, выполненной на данных обследования РМЭЗ 1994–2005 годов. См.: *Gordnichenko Y., Sabirianova Peter K., Stolyarov D.* *Inequality and Volatility Moderation in Russia: Evidence From Micro-Level Panel Data on Consumption and Income* // *Review of Economic Dynamics.* 2010. Vol. 13. Iss. 1. P. 209–237.

¹⁶ Традиционный подход имеет серьезные ограничения, учитывая, что идентификация главы домохозяйства основана на субъективных критериях. Как правило, статус главы автоматически приписывается мужчине, или самому старшему члену домохозяйства, или индивиду с самым высоким доходом. Менее спорный подход заключается в случайном отборе индивида внутри домохозяйства. Последнее вносит некоторый элемент риска, например, мы можем ошибочно отобрать мужчину в качестве представителя домохозяйства, состоящего из трех женщин и одного мужчины. Тем не менее в больших выборках эта ошибка будет незначительной, тогда как в небольших выборках метод, основанный на доминировании признака, предпочтителен.

¹⁷ Категория «незанятый» включает безработных и экономически неактивных.

¹⁸ Выборка РМЭЗ нерепрезентативна в региональном разрезе, поэтому она не может быть использована для оценки неравенства внутри отдельных регионов, однако это не является препятствием при оценке межгрупповой компоненты неравенства.

¹⁹ *Shorrocks A.* *Inequality Decomposition by Population Subgroups* // *Econometrica.* 1984. Vol. 52. Iss. 6. P. 1369–1386; *Theil H.* *Economics and Information Theory.* Chicago: Rand McNally and Company, 1967; *Shorrocks A.* *The Class of Additively*

Decomposable Inequality Measures // *Econometrica*. 1980. Vol. 48. Iss. 3. P. 613–625.

²⁰ Förster M. F. Trends and Driving Factors in Income Distribution in the OECD Area // OECD Labour Market and Social Policy Occasional Papers. 2000. No. 42; Mitra P., Yemtsov R. Increasing Inequality in Transition Economies: Is There More to Come? // World Bank Policy Research Working Paper No. 4007. Wash. D. C., 2006; Equity and Development: World Development Report 2006. Oxford: World Bank; Oxford Univ. Press, 2006.

²¹ Annual Monitoring Report of Social Situation Observatory. Brussels, 2009.

²² Ovcharova L., Popova D. What Kind of Poverty Alleviation Policy Does Russia Need? // *Russian Economic Trends*. 2001. Vol. 10. Iss. 1. P. 7–14.

²³ Дмитриев М.Э., Мисухина С.Г. Прошай, нищета! // *Вестник Европы*. 2012. № 34–35; Ясин Е.Г. и др. Уровень и образ жизни населения России в 1989–2009 годах. М.: ГУ–ВШЭ, 2011.

²⁴ Потребительские расходы являются частью денежных расходов, направленных на приобретение потребительских товаров и услуг. Учет производится по полной стоимости товаров и услуг, независимо от того, полностью или частично они были оплачены на момент приобретения и для каких целей они предназначались (для личного потребления или передачи на сторону). В составе потребительских расходов не учитываются расходы на покупку произведений искусства, антиквариата и ювелирных изделий, приобретенных в качестве капиталовложений, оплата материалов и работ по строительству и капитальному ремонту жилых или подсобных помещений.

²⁵ При выборе методологии анализа, нам пришлось идти на компромиссы, обусловленные

изменениями в агрегировании потребительских расходов, которые возникают в связи с переходом Росстата на новые методологические принципы: с одной стороны, хотелось сохранить более длинный период для ретроспективного анализа, с другой – нужно было добиться сопоставимости данных. В условиях подобных ограничений было принято решение перейти к анализу структуры потребительских расходов за период с 2000-го по 2011 год, для которого характерны максимальные изменения в потребительском поведении.

²⁶ Аврамова Е.М. и др. Средние классы в России: Экономические и социальные стратегии / Под ред. Т.М. Малевой. М.: Гендальф, 2003.

²⁷ Обследование реализуется ГАНУ «Институт гуманитарного развития мегаполиса», на данный момент проведены два раунда обследования (подробнее см.: <http://www.igrm.info/>).

²⁸ В список проблем, значимость которых оценивалась в ходе обследования, вошли следующие: безработица, взятки, коррупция, митинги, народные волнения, изменение курсов валют, инфляция, рост цен, экологическая обстановка, чистота и ухоженность города, приток мигрантов из других городов России, стран СНГ и бывшего СССР, возможность эмиграции, личная безопасность, наркомания и алкоголизм, свобода слова, бездомные животные, преступность и терроризм, улучшение жилищных условий, качество дорог, пробки на дорогах, капитальный ремонт и расселение ветхого жилья, вопросы организации или ликвидации ТСЖ, возможность получить образование, возможность получить медицинские услуги.

Современный российский потребитель

Среди наиболее обеспеченных массовых групп российских граждан модель «нормальной жизни» наименее четко определена | **МАРИНА КРАСИЛЬНИКОВА**

Пятнадцать лет назад, в августе 1998 года, в России начался глубокий экономический кризис, который стал первым широкомасштабным рыночным кризисом в новейшей истории нашей страны, то есть произошло системное нарушение экономических пропорций рыночной экономики, что в значительной мере было спровоцировано и затем вновь сбалансировано самими рыночными закономерностями. Для большей части населения случившийся кризис проявился прежде всего в том, что выросли потребительские цены на товары массового спроса, в результате чего обесценились и без того невысокие денежные доходы большинства семей, увеличилась безработица, а те, кто хранил деньги в национальной валюте, к тому же потеряли свои сбережения. Собственно, обвальная девальвация рубля и стала для россиян точкой отсчета, с которой начался кризис, и основным маркером этого события.

Кризис 1998-го стал своего рода рубежом, после которого изменилась динамика многих экономических процессов в нашей стране. Довольно быстро экономика начала восстанавливаться, а последовавшее затем почти десятилетие непрерывного роста стало новым «золотым веком», в течение которого

были восполнены многие потери не только кризисного 1998-го, но и предшествующего периода шоковой терапии начала 1990-х. Более чем трехкратный рост реальных (то есть скорректированных с учетом темпов инфляции на потребительском рынке) личных денежных доходов населения страны не мог не отразиться на уровне жизни, он вызвал сдвиги в структуре потребления и потребительском поведении частных граждан. По существу, образ современного отечественного потребителя формировался именно в рассматриваемый период. Забегая вперед, скажем, что начавшийся в 2008 году еще один экономический кризис не внес существенных изменений в потребительское поведение благодаря активному вмешательству государства, что позволило избежать масштабного ухудшения уровня жизни российских граждан.

Так каков же он — современный российский потребитель? Как далеко он ушел от советского образца и насколько приблизился к рыночным стандартам?

Прежде чем обсуждать штрихи к портрету современного российского потребителя, нужно уточнить, о какой части российского общества идет речь. Одним из важнейших результатов общественно-экономических

трансформаций начала 1990-х стало рас-
слоение общества по уровню материаль-
ного достатка, личных денежных доходов.
Дифференциация личных денежных
доходов стремительно нарастала в течение
буквально нескольких лет в первой полови-
не 1990-х годов. Более поздние изменения
этого показателя были на порядок менее
масштабными и только усиливали различия
между бедными и богатыми. Процесс оказал-
ся настолько стремительным, что за очень
короткое время Россия из страны «всеобще-
го равенства» превратилась в одно из наи-
более дифференцированных обществ (если
судить по показателям личных денежных
доходов).

В данной статье мы будем анализиро-
вать российского потребителя, представ-
ляющего численное большинство. Но на
это численное большинство приходится
непропорционально меньшая доля плате-
жеспособного спроса, поскольку в руках
наиболее обеспеченной, десятой части
российского населения сосредоточено
более трети личных денежных доходов, а
на 5 проц. самых обеспеченных приходит-
ся примерно четверть совокупных личных
денежных доходов¹. Потребительское
поведение как раз этой относительно
немногочисленной группы обеспечен-
ных и наиболее активных потребителей
часто принимается за массовый образец,
но в действительности дело пока обстоит
иначе. Как и всякая крайняя группа, наи-
более богатые люди плохо представлены
в массовых опросах населения, особенно
когда речь идет о верхних пяти процентах.
Точно также в массовых опросах плохо
представлены самые бедные, правильнее
будет сказать — нищие, слои населения, но
при изучении потребительского спроса это
представляет собой несопоставимо мень-
шую проблему, чем трудности учета высоко-
доходных групп.

Потребительский *background*

В советское время важнейшие компоненты
жизнеобеспечения российских семей — жили-
ще, образование, здравоохранение — были
практически полностью выведены из сферы
денежного потребления, то есть не входили
в круг личных потребностей, удовлетворяе-
мых за счет семейных бюджетов. Это озна-
чало, среди прочего, что с семей была снята
ответственность за обеспечение столь важных
сторон жизни каждого человека. Эта ответ-
ственность была возложена на государство,
что способствовало широкому распростра-
нению иждивенческих и патерналистских
настроений. Соответственно, сформирова-
лись и глубоко укоренились модели потребле-
ния, не связывающие личные денежные дохо-
ды с уровнем удовлетворения выше названных
потребностей. Таким моделям потребления
в советское время соответствовала и систе-
ма денежных доходов населения. Уровень
заработной платы и пенсий определялся с
учетом ограниченного круга преимуществен-
но тех личных потребностей, удовлетворять
которые нужно было с помощью денежных
средств, — в основном питание и одежда. Все
остальные товары и услуги либо вообще были
бесплатными, либо дотировались государ-
ством, то есть уровень платежеспособного
спроса на них задавался централизованно.

В позднесоветских условиях (в период
застоя, сопровождавшийся консервацией соци-
ально-политических структур советского обще-
ства) индивидуальные возможности советских
людей законным путем существенно увеличить
личные денежные доходы и улучшить свой
уровень жизни были весьма ограниченными,
поскольку дифференциация формальных
заработков и пенсий была незначительна.
Кроме того, советская идеология равенства
не предполагала — и не позволяла — легальных
значимых различий в моделях потребления.
В связи с этим реализация демонстративной
функции потребления была жестко ограниче-

на. Демонстративное потребление не только осуждалось с моральной точки зрения, оно и не могло развивать свои формы, поскольку сфера личного денежного потребления была сфокусирована на обеспечении нужд в питании и одежде. Тем самым искусственно ограничивалось развитие новых, высокостатусных моделей потребления, на которые могли бы ориентироваться нижестоящие (по уровню дохода) слои населения. Фактически культура личного потребления была зафиксирована на самом нижнем уровне иерархии потреби-

в соответствии с которыми можно было бы продемонстрировать личные достижения, связанные с материальным преуспеванием, через потребительское поведение. Да и сама идея личных материальных достижений была порицаема. Потребности в самоуважении и признании, естественным образом присущие людям и представляющие собой потребности более высокого уровня, чем простое выживание, реализовывались исключительно через коллективные формы, причем в условиях господства идеологии равенства. Социальная

“Дифференциация личных денежных доходов стремительно нарастала в течение буквально нескольких лет в первой половине 1990-х годов”.

тельских моделей: удовлетворение базовых потребностей в питании и одежде. Советская модель потребительского поведения в рыночных терминах являлась культурным образцом потребления бедного населения. Расходование личных денежных доходов преимущественно на питание и одежду свойственно именно бедным слоям населения в обществе, где существует частная собственность, а удовлетворение личных потребностей опосредовано в первую очередь имеющимися личными денежными доходами, которые потребители свободно используют в соответствии со своим индивидуальным выбором. Из этого не следует, что советское общество было бедным, просто речь идет о том, что удовлетворение многих жизненно важных потребностей (прежде всего жилье, образование и здравоохранение) миновало денежный оборот (полностью или практически полностью, поскольку существовавшие частные практики и кооперативные формы были исключением из правил).

Это означает, что в советском обществе отсутствовали модели потребления, соответствующие различным уровням материального достатка людей. Не было системы образцов,

функция личного потребления материальных благ была искусственно ограничена.

Отсутствие моделей потребления, связанных с различными уровнями достатка, создает труднопреодолимые проблемы, «разрывы», «нормативный вакуум» в процессах реализации социальной функции потребления. Во всех современных обществах, где присутствует личная собственность и существуют различия между отдельными социальными группами, «нормы приличествующих расходов, как и остальные нормы благопристойности, практически устанавливаются теми, кто занимает следующую ступень почтенности ... все установки на определенные уровни потребления восходят постепенным образом к обычаям... самого высокого в социальном и денежном отношении класса»².

В рамках советского общества такие важные элементы высокостатусного набора, как «квартира, машина и дача», были в большей степени связаны не с деньгами, а с иными формами общественных отношений: доступом к специализированным сетям распределения, которые регламентировались партийно-хозяйственными отношениями.

Речь идет именно о системе потребительских моделей, то есть о взаимосвязанном наборе разных структур потребительских расходов и стилей жизни, соответствующих различным уровням материального достатка. В структурированном обществе, где присутствуют различные, иерархически организованные слои населения, образцом потребительского поведения для нижних слоев является образ жизни тех, кто стоит на ступеньку выше по социальной (и имущественной) лестнице. Именно такой системы моделей потребления практически не было в советском обществе, а массово распространенной моделью была модель бедности (напомним, что ее не следует путать с определением советского образа жизни как образа жизни бедного населения), когда денежных ресурсов хватает только на базовые потребности.

В процессе перехода к рыночному обществу, в результате легального (но нелегитимного, по мнению многих) появления массовых слоев населения, существенно различающихся по уровню материального достатка, стала постепенно выработываться иерархическая система потребительских моделей поведения. При этом — разумеется, в ускоренном темпе — повторяются все этапы перехода от бедности к достатку со своими гримасами демонстра-

тивного поведения. Однако данный процесс идет очень медленно и затрагивает относительно малую часть российского населения, поскольку у большинства уровень материального достатка по-прежнему едва соответствует выработанной в советское время модели потребительского поведения бедности.

Потребительские горизонты современных российских семей ³

За годы экономического роста, которые сопровождались улучшением уровня жизни всех слоев российского населения, произошли существенные изменения в субъективных представлениях людей о своем материальном достатке. В начале 2000-х большинство россиян описывали потребительский статус своей семьи как: «на продукты денег хватает, но покупка одежды вызывает серьезные затруднения» (44 процента). Сейчас наиболее часто встречающейся характеристикой стало другое описание: «денег хватает на продукты и одежду, но покупка товаров длительного пользования является для нас проблемой» (49 процентов). К концу первого десятилетия 2000-х Россия превратилась из общества «наевшихся» в общество «одевшихся» (см. таблицу 1 на с. 38). Но на этом, похоже, изменения пока закончились.

Таблица 1

К КАКОЙ ГРУППЕ ВЫ СКОРЕЕ ВСЕГО ОТНЕСЛИ БЫ СВОЮ СЕМЬЮ? (% ПО СТОЛБЦУ)			
	Сентябрь 2001 года	Июнь 2008 года	Октябрь 2012 года
Мы едва сводим концы с концами, денег не хватает даже на продукты	22	12	9
На продукты денег хватает, но покупка одежды вызывает серьезные затруднения	44	29	22
Денег хватает на продукты и одежду, но покупка товаров длительного пользования является для нас проблемой	27	42	49
Мы можем без труда приобретать вещи длительного пользования. Однако для нас затруднительно покупать такие вещи, как автомобиль, квартира и т.п.	7	17	19
Мы можем позволить себе достаточно дорогие покупки: квартиру, дачу и многое другое	0	1	1

Источник: опросы Левада-Центра по выборке, репрезентирующей мнение городского и сельского населения России в возрасте 18 лет и старше, N=2100 (2001 и 2008 гг.), N=1600 (2012 г.)

Таблица 2

КАКИЕ ЦЕЛИ ВЫ (ВАША СЕМЬЯ) СТАВИТЕ СЕЙЧАС ПЕРЕД СОБОЙ? (% ПО СТОЛБЦУ)	
Выжить, пусть на самом примитивном уровне	10
Жить не хуже, чем большинство семей в Вашем городе	49
Жить лучше, чем большинство семей в Вашем городе	30
Жить так, как живет средняя семья в Западной Европе, США	7
Жить лучше, чем живет средняя семья в Западной Европе, США	2
Затрудняется ответить	3

Источник: опрос Левада-Центра по заказу ЦМИ Сбербанка РФ, проведенный в октябре 2012 года по выборке, репрезентирующей мнение городского (свыше 100 тыс. жителей) населения России в возрасте 18–65 лет, N=6000.

Большая часть российских семей, составляя свой жизненный план, ориентируется непосредственно на образ жизни окружающих. В среднем половина (49 проц.) всех опрошенных считают, что их жизненная цель может быть сформулирована как «жить не хуже, чем большинство семей в нашем городе» (см. таблицу 2 на с. 39). Сложившийся вокруг образ жизни, во-первых, представляется достойным и достижимым ориентиром, и, во-вторых, для большинства он еще полностью не реализован, поскольку формулируется как «цель», а не как достигнутый результат. Более амбициозные цели: «жить лучше, чем большинство семей в нашем городе» — ставит перед собой заметно меньше опрошенных — в среднем 30 процентов. Среди молодых людей в возрасте 18–24 лет, живущих в семьях и имеющих достаточно финансовых средств, чтобы необременительно для семейного бюджета приобретать как минимум предметы домашнего обихода, 39 проц. ставят своей целью «жить не хуже» окружающих, а 44 проц. заявляют о том, что хотели бы «жить лучше». Из числа опрошенных, относящихся к той же группе по уровню материального достатка, но более старших по возрасту, 36 проц. ставят своей целью «жить не хуже», а «жить лучше» — 45 процентов.

Мечты о западном образе жизни пытаются претворить в жизнь в среднем чуть менее 10

проц. респондентов. Примерно столько же вынуждены ограничиваться прямо противоположной задачей — «выжить, пусть на самом примитивном уровне существования».

Сложившийся образ жизни в российских городах задает рамки потребительских запросов большей части населения. На вопрос о том, что такое «нормальная жизнь», в среднем 38 проц. отвечают, что это жизнь обычной городской семьи. Примерно в полтора раза выше (57 проц.) доля тех, кто не согласен с таким определением и считает, что «жить нормально — это жить лучше, чем обычная семья в городе».

Однако, по сути, образ «лучшей жизни» принципиально не отличается от представлений о жизни обычных горожан. И подобная модель стиля жизни свидетельствует о весьма ограниченных потребительских запросах массового российского обывателя, который предпочитает удовлетворить свои текущие запросы и не загадывать на будущее, то есть не формулировать потребительские цели, требующие продолжительного периода и значительных объемов семейных накоплений.

Уровень ежемесячных денежных доходов, обеспечивающих возможность нормальной жизни, оценивается сторонниками жизни «как все» в 27 тыс. рублей, а желающими «жить лучше» — в 39 тыс. рублей. Однако средние оценки во втором случае имеют существенно большую дисперсию.

Большинство людей и в первой, и во второй группах были бы удовлетворены доходами в пределах одной тысячи евро в месяц ⁴. Ежемесячные доходы до 40 тыс. рублей на члена семьи назвали девять из десяти (88 проц.) из числа тех, кто определяет нормальную жизнь как ту, которой живут обычные люди в их городе, и три четверти (76 проц.) тех, кто считает, что нормальная жизнь должна быть лучше, чем в среднем у их соседей.

Предложенное респондентам в ходе опроса довольно обширное и не слишком амбициозное описание образа жизни, повседневных хлопот современной городской семьи включает как текущие потребности, начиная с питания, так и обеспечение жильем, поддержание и развитие того, что именуется «человеческим капиталом» (образование, здоровье и отдых).

Прежде всего отметим отсутствие значимых различий в представлениях людей, по-разному рисующих себе образ «нормальной жизни» («как все» или «лучше большинства»). И для тех, и для других большая часть из предложенных характеристик образа жизни городской семьи пока недостижимы, поскольку они воспринимаются как элемент образа жизни «богатой семьи». А большинство наших соотечественников никак не считают себя богатыми.

Безусловными признаками богатства для российского горожанина являются наличие в семье более двух автомобилей, второе жилье, уровень доходов главы семьи, позволяющий не работать другим ее членам, и денежные сбережения в размере более полумиллиона рублей. Более 80 проц. опрошенных отнесли эти характеристики к образу жизни бога-

Таблица 3

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СТИЛЕ ЖИЗНИ ГОРОДСКИХ СЕМЕЙ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ОПРЕДЕЛЕНИЯ «НОРМАЛЬНОЙ» ЖИЗНИ: НОРМА — «КАК ВСЕ» ИЛИ НОРМА — «ЛУЧШЕ ДРУГИХ» (ЧТО МОЖЕТ ПОЗВОЛИТЬ СЕБЕ ОБЫЧНАЯ СЕМЬЯ, А ЧТО — ТОЛЬКО БОГАТАЯ СЕМЬЯ; КАКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ ОБРАЗА ЖИЗНИ НЕ ЗАВИСЯТ ОТ УРОВНЯ МАТЕРИАЛЬНОГО ДОСТАТКА (% ПО СТОЛБЦУ, ЛЮБОЕ ЧИСЛО ОТВЕТОВ) ⁵						
Элементы образа жизни	Обычная семья		Богатая семья		Не зависит от достатка	
	как все	лучше других	как все	лучше других	как все	лучше других
	N = 1716	N = 2428	N = 2280	N = 3420	N = 1230	N = 1638
квартира оборудована современной техникой	38	42	60	58	20	24
качественное питание	67	65	31	35	34	38
есть садовый участок, летний домик	63	67	29	28	43	47
регулярно проводить досуг вне дома	24	26	65	68	26	26
у каждого члена семьи есть отдельная комната	26	29	65	67	24	21
сбережения свыше 500 тыс. рублей	5	7	93	91	6	6
есть второе жилье, не для сдачи внаем	9	9	82	85	18	15
два и более автомобиля в семье	9	12	87	86	11	10
достаточно доходов только главы семьи	11	12	80	84	14	9
качественное медицинское обслуживание	17	18	77	77	16	15
регулярные поездки на отдых	19	23	74	73	20	20
следят за своим здоровьем, занимаются спортом	33	37	50	51	44	45
качественное образование детей	28	28	59	64	32	29

Источник: опрос Левада-Центра по заказу ЦМИ Сбербанка РФ, проведенный в октябре 2012 года по выборке, репрезентирующей мнение городского (свыше 100 тыс. жителей) населения России в возрасте 18—65 лет.

чей, и только каждый десятый (и менее) считает, что обычная семья тоже может себе это позволить. Практически все остальные признаки (кроме качественного питания и садового домика) также воспринимаются как признаки богатства, что свидетельствует о низком уровне удовлетворения соответствующих потребностей.

Другие данные исследования подтверждают приведенный выше размер «достойных», приличествующих состоятельным людям личных сбережений. Эта цифра примерно

схой семьи. Такого мнения придерживается максимальная доля респондентов (примерно 65 процентов). Все остальные признаки реже признаются характерными для обычной семьи.

Граница между тем, что воспринимается как устоявшийся образ жизни, и тем, что считается богатством, сейчас пролегает по признаку обустройства жилья современной бытовой техникой. Примерно 40 проц. опрошенных полагают, что большинство городских семей уже могут себе позволить приобретение бытовой техники, но тех, кто

“Нормальное питание и летний домик — вот единственные безоговорочные признаки жизненного уровня обычной городской семьи”.

вдвое выше, чем усредненное представление о минимальной сумме средств, которые можно расценивать как сбережения — примерно 270 тыс. рублей (суммы равные или меньше этой назвали три четверти опрошенных). Указанные 500 тыс. рублей примерно вдвое превышают уровень среднедушевого годового дохода жителей нашей страны (если ориентироваться на данные Росстата РФ⁶). Таким образом, речь идет о значимых суммах, но только если говорить об удовлетворении текущих потребностей. Этих средств может хватить на «бюджетный» автомобиль или на первый ипотечный взнос для покупки скромного жилья (на грани «спартанских» официальных норм обеспеченности общей площадью жилья). Это и есть рамки потребительских запросов большинства российских семей.

Но по большей части актуальны текущие потребности, которые и регулируют фактическое массовое потребительское поведение. Нормальное питание и летний домик (чаще оставшийся от «прошлой жизни», но об этом позже) — вот единственные безоговорочные признаки жизненного уровня обычной город-

по-прежнему видит признаки богатства в наличии автоматических домашних помощников (около 60 проц.), пока все же больше. В оценке данного вида товаров как характеристики обычной или богатой жизни наблюдается наименьший разрыв, что дает возможность рассматривать потребительские расходы на эти цели как наилучший объект для *демонстративного потребления, наиболее массовый инструмент для обозначения социального статуса*. Современная технологическая оснащенность домашнего быта уже доступна многим, но далеко не всем. Ее можно обеспечить за счет приемлемых материальных затрат (что делает ее массовой, а не элитарной), но все же она связана с определенными финансовыми трудностями (что является необходимым условием того, чтобы конкретный вид расхода приобрел признаки престижности). Все эти обстоятельства приводят к тому, что оснащение домашней техникой становится основной, наиболее актуальной заботой большинства российских семей и задает практические рамки финансового поведения.

Приведенные в таблице 3 (см. с. 40) данные свидетельствуют о том, что второй по

важности приоритет массового российского потребителя – это затраты на организацию отдыха. В настоящее время три четверти опрошенных (77 проц.) воспринимают регулярные поездки на отдых как прерогативу богатых людей, и лишь каждый пятый (19–23 проц.) считает, что такой возможностью располагает большинство семей.

Опрошенные часто не связывают некоторые виды потребления и направления потребительских расходов с уровнем материального достатка. Помимо прочего, это означает, что подобные виды потребления не рас-

оставшемуся в наследство от советских времен (43–47 проц. считают, что этот признак не связан с доходами семьи). Отчасти по этой причине наличие просторного жилья («у каждого члена семьи есть отдельная комната») не стало одним из лидирующих признаков богатства, а значительная часть опрошенных (21–24 проц.) полагает, что этот признак не зависит от материального достатка. До сих пор весьма распространена ситуация, когда обретенное еще в советское время жилье, сохраняется во владении бедных семей, которые по разным причинам отказываются

“Возможность получения качественного образования люди также весьма часто не ставят в зависимость от материального достатка”.

считаются как элементы престижности, в той или иной мере они лишены социальной функции, подтверждающей общественный статус их носителя. Происходит это по разным причинам.

Первая причина, представляющая собой универсальное условие, при котором утрачиваются качества/свойства престижности, – это настолько полный и всеобщий уровень удовлетворения некоторой потребности, что создается ситуация «равенства» – «это есть у всех». Именно таким образом респонденты относятся к возможности обеспечить себе качественное питание: 38 проц. полагают, что данный элемент образа жизни не зависит от уровня материального достатка.

Вторая причина связана с тем, что тот или иной вид потребления может «прийти из прошлого», может быть унаследован от предшествующих структур потребления и социальной гратификации, и потому он уже не связан с современными потребительскими целями и возможностями их удовлетворения. Наличие «садового участка и летнего домика» как раз и относится к такому типу,

конвертировать его в денежные доходы (сдавать внаем, продать) и тем самым поставить в соответствие текущие денежные доходы и унаследованное имущество. Однако возможно, что отношение населения к приобретению жилья связано и с третьей группой причин.

Эта третья группа причин, по которым потребительское поведение перестает служить признаком социального статуса индивида, представляет наибольший интерес. В отличие от первых двух, отражающих либо полное удовлетворение потребности (первая группа причин), либо смену механизмов ее удовлетворения (вторая группа причин), здесь речь идет о потребностях, до которых общество еще «не доросло». К такого рода потребностям в данном случае относятся те, что еще не стали массовыми, в том числе из-за их дороговизны. При этом неактуализированность подобной неразвитой потребности, как правило, не осознается массовым потребителем как результат недостижимо высокой цены. Тот факт, что люди отказываются удовлетворять ту или иную потреб-

Таблица 4

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СТИЛЕ ЖИЗНИ ГОРОДСКИХ СЕМЕЙ СРЕДИ ТЕХ, КТО СТАВИТ СЕБЕ ЦЕЛЬ «ЖИТЬ, КАК СРЕДНЯЯ СЕМЬЯ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ, США» ИЛИ ЛУЧШЕ. (ЧТО МОЖЕТ ПОЗВОЛИТЬ СЕБЕ ИМЕТЬ ОБЫЧНАЯ СЕМЬЯ, А ЧТО — ТОЛЬКО БОГАТАЯ СЕМЬЯ, КАКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ ОБРАЗА ЖИЗНИ НЕ ЗАВИСЯТ ОТ УРОВНЯ МАТЕРИАЛЬНОГО ДОСТАТКА) (% ПО СТОЛБЦУ, ЛЮБОЕ ЧИСЛО ОТВЕТОВ) ⁷			
Элементы образа жизни:	Обычная семья	Богатая семья	Не зависит от достатка
	N = 365	N = 511	N = 262
квартира оборудована современной техникой	48	52	26
качественное питание	62	34	40
есть садовый участок, летний домик	62	30	47
регулярный проводить досуг вне дома	35	62	25
у каждого члена семьи есть отдельная комната	28	66	20
сбережения свыше 500 тыс. рублей	11	84	11
есть второе жилье, не для сдачи внаем	11	84	13
два и более автомобиля в семье	14	82	12
достаточно доходов только главы семьи	17	77	14
качественное медицинское обслуживание	20	73	17
регулярные поездки на отдых	27	67	24
следят за своим здоровьем, занимаются спортом	44	43	48
качественное образование детей	36	55	33

Источник: опрос Левада-Центра по заказу ЦМИ Сбербанка РФ, проведенный в октябре 2012 года по выборке, репрезентирующей мнение городского (свыше 100 тыс. жителей) населения России в возрасте 18—65 лет.

ность, они объясняют ее «ненужностью», «нецелесообразностью», «отсутствием привычки», «достаточностью того, что есть», в конечном счете — «не хочу». В этом случае такого рода потребность даже не учитывается при структурировании семейного бюджета и перестает «зависеть от материального достатка» ⁸.

Помимо жилья, в рассматриваемом списке к подобным элементам стиля жизни относится все, что связано с понятием «здорового образа жизни». Едва ли не половина опрошенных (44—45 проц.) уверены в том, что привычка «следить за своим здоровьем, регулярно заниматься спортом, посещать фитнес-клубы» не зависит от материального достатка. Возможность получения качественного образования люди также весьма часто не ставят в зависимость от материального достатка (32—29 процентов).

Приоритеты потребительских запросов большей части российских семей, на которые они ориентируются, формируя свои семейные бюджеты, сосредоточены на удовлетворении текущих потребностей, а не на более ресурсоемкой задаче, к примеру, обеспечении жильем. Что же касается сохранения и наращивания человеческого капитала, то задачи подобного рода отодвигаются на самый дальний план.

Российские городские семьи достаточно редко заявляют о своем стремлении жить по западному образцу. В среднем только каждый десятый респондент сообщил, что ставит перед собой цель — «жить так, как живет средняя семья в Западной Европе, США» (в данном случае речь идет о стремлении жить «лучше, чем у нас») (7 проц.) или еще лучше (2 процента). Потребительские горизонты таких респондентов принципиально не отли-

чаются от среднероссийских (см. таблицу 4 на с. XX), хотя 80 проц. из них считают, что нормальная жизнь — это жизнь лучше, чем в среднем живет семья в российском городе.

Сторонники западного образа жизни предлагают примерно те же типичные характеристики богатой и обычной семьи. При этом оборудование жилья современной бытовой техникой почти не рассматривается как признак богатства: примерно половина опрошенных относит этот признак и к обычной семье (48 проц.), и к богатой (52 процента). В этой группе опрошенных «регулярные поездки на отдых» заметно чаще воспринимаются как обычное поведение (27 процентов).

Среди семей, ориентирующихся на западный образ жизни, удовлетворение запросов на здоровый образ жизни и качественное образование по-прежнему часто не ставится в зависимость от уровня материального

достатка. Но существенно увеличивается доля тех, кто считает это нормой, стилем жизни обычной семьи. Особенно это касается заботы о здоровье (44 проц. полагают, что регулярные занятия спортом и т. п. входят в образ жизни обычных городских семей). Эта западная тенденция (мода) быстро закрепляется в структуре потребностей семей по мере возникновения необходимых условий (прежде всего материальных). Ценность качественного образования с большим трудом проникает в массовое сознание и пока не находит в нем четкого отражения. Те потребители, которые ориентируются на западный образ жизни, более чем в половине случаев (55 проц.) уверены, что качественное образование труднодоступно (и относят его к признакам образа жизни богатой семьи).

Из-за того что структура потребностей развивается медленно, купируется чувство

Рисунок 1

СУБЪЕКТИВНЫЕ ОЦЕНКИ ЧАСТОТЫ ЭКОНОМИИ НА ТЕКУЩИХ РАСХОДАХ (ЗА ТРИ МЕСЯЦА ДО ОПРОСА ПРИХОДИЛОСЬ ИЗ-ЗА НЕДОСТАТКА ДЕНЕГ ОТКАЗЫВАТЬСЯ ОТ ...)

Источник: опрос Левада-Центра по заказу ЦМИ Сбербанка РФ, проведенный в октябре 2012 года по выборке, репрезентирующей мнение городского (свыше 100 тыс. жителей) населения России в возрасте 18—65 лет, N=6000.

ущербности, социальной эксклюзии, возникающее в связи с постоянной необходимостью экономить деньги, невозможностью удовлетворить сформировавшиеся потребности. Поскольку запросы в основном сосредотачиваются на текущих целях, как уже неоднократно говорилось выше, это дает возможность в довольно полной мере удовлетворять свои текущие потребности. По субъективным оценкам, примерно три четверти городских жителей считают, что их денежных доходов *достаточно* для текущих нужд (см. рисунок 1 на с. 44). В среднем реже чем один из десяти опрошенных сообщает о том, что вынужден из-за недостатка денег постоянно ограничивать свою семью в питании, одежде, товарах повседневного обихода, общении с друзьями и родственниками, а также в возможности поддерживать здоровье и получать необходимое лечение.

Средняя городская семья значительно чаще (в одном случае из четырех) вынуждена экономить на бытовых услугах и развлечениях. Наибольшая доля семей постоянно экономит (а отсюда стойкое ощущение неудовлетворенной потребности) на организации отдыха (в том числе отпуска). Доля таких ответов составляет в среднем 30 процентов. Но все же больше тех, кому очень редко или вообще никогда не приходится отказываться от поездки на отдых из-за недостатка средств — таких 38 процентов. Более половины городских жителей практически не чувствуют финансовых ограничений в удовлетворении прочих текущих расходов.

Итак, в результате того, что актуальные потребительские запросы ограничены рамками потребностей в питании, одежде, товарах домашнего обихода, возникает ситуация, при которой все имеющиеся денежные доходы направляются в первую очередь на текущее потребление. Экономия на текущих расходах ради более дорогостоящих приобретений (например, жилья) не входит в число широ-

ко распространенных моделей поведения. Долгосрочное планирование семейных бюджетов остается идеальным пожеланием, пока редко реализуемым на практике.

Заключение

Несмотря на то что в «нулевые» годы, до кризиса, уровень благосостояния массовых слоев населения нашей страны неизменно возрастал, переход к более высоким стандартам потребления, необходимым для того, чтобы реализовать либеральную модель удовлетворения личных потребностей семей за счет собственных средств, по-прежнему блокируется. Эта блокировка связана с тем, что широким слоям населения недоступны высокие заработки, а также с пенсионной системой, которая все в большей степени превращается в систему социального обеспечения для бедных. Вместо того чтобы стимулировать высокую трудовую активность, которая позволяла бы увеличивать личные денежные доходы большей части российских граждан, укрепляется система государственного распределения минимальных социальных стандартов, а как только возникают те или иные возможности заработков, превышающих достигнутый средний уровень, сразу же включается механизм административных барьеров и коррупции.

Среди наиболее обеспеченных массовых групп российских граждан модель «нормальной жизни» наименее четко определена, или, скорее всего, здесь начинают складываться разные модели потребления, связанные со свободным выбором образа и стиля жизни. Образцом здесь служит стоящая выше по уровню доходов группа, которая уже не является массовой и образ жизни которой можно лишь реконструировать по телесериалам и слухам. Отсутствие зримых образцов существенно затрудняет реализацию демонстративной функции потребления, вносит элемент дезориентированности. В резуль-

тате представители сегодняшней массовой высокодоходной группы продолжают либо воспроизводить образцы потребления нижестоящих по уровню доходов групп, либо пытаются заимствовать доступные элементы стиля жизни тех, кто стоит не на одну, а на несколько ступенек выше — «богатых людей из телевизора» (или, точнее, следующая ступенька столь высока, что на практике трудно преодолима). А чаще — и то и другое.

В любом случае и без того скудные материальные ресурсы используются явно неэффективно. Дело в том, что стили жизни, которые вырабатывает любое иерархически организованное общество, модели потребления социальных слоев населения с разным уровнем дохода устроены таким образом, что на каждом этапе в качестве ориентира выступает достигнутый обществом в целом средний уровень экономического и социального развития. Торстейн Веблен, рассматривая причины усиления роли демонстративного потребления, которое по мере социально-экономического развития становится более популярным свидетельством социального статуса и постепенно замещает демонстративную праздность, вводит понятие «инстинкт мастерства», определяя его как врожденный фактор,

регулирующий человеческое поведение и удерживающий человека от неэффективных трат и тщетных усилий. Инстинкт мастерства «склоняет к резкому осуждению расточительных затрат времени и сил... как бы ни было расхождение расточительным в действительности, оно должно иметь благовидное оправдание, что-нибудь вроде показной цели»⁹. Это накладывает практические ограничения на виды потребительских расходов, которые наилучшим образом реализуют функцию демонстративного потребления. Демонстративное потребление должно быть одобрено обществом как способствующее его развитию.

Современный мировой уровень социально-экономического развития выдвигает на первый план значимость человеческого капитала. Таким образом, потребительские расходы, которые способствуют наращиванию человеческого капитала (образование, культурное развитие, здравоохранение в широком смысле, с упором на здоровый образ жизни), становятся модными и, следовательно, наиболее пригодными для демонстративного расточительства, демонстративного потребления. В массовое сознание современного российского общества эти идеи еще не проникли. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ См.: Суворов А.В. Проблемы оценки дифференциации доходов населения современной России // Проблемы прогнозирования. 2008. № 2.

² Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984. С. 135.

³ Приведенные ниже результаты анализа потребительских ориентаций российских городских семей опираются на данные исследования, выполненного Левада-Центром в 2012 году по заказу ЦМИ Сбербанка РФ. В рамках этого исследования по репрезентативной выборке было опрошено 6 тыс. респондентов в возрасте от 18 до 65 лет, представляющих мнение жителей российских городов с численностью населения свыше 100 тыс. жителей.

⁴ Именно этот уровень дохода, согласно последним данным Росстата РФ, соответствует нижней границе самой обеспеченной децильной группе: доходы свыше 45 тыс. рублей в месяц (до вычета налогов) в июне 2013 года имели 10,5 проц. населения России. См.: Краткосрочные экономические показатели // Бюллетень Росстата РФ. Июнь 2013.

⁵ Представленные в таблице переменные, характеризующие различные элементы образа жизни семей, построены на основании ответов на серию индивидуальных вопросов о каждом отдельном элементе с просьбой указать, подходит ли данное описание к обычной семье (код 1) или это может себе позволить только богатая семья в том городе (код 2), где живет респондент. Далее все упоминания кода 1 или кода 2 были объединены в две отдельные переменные — «обычная семья» и «богатая семья». Третью переменную — «не зависит от материального достатка» — составили коды 3, то есть ответы, что соответствующий элемент не зависит от материального достатка. Способ построения расчетных переменных предполагает, что если респондент не упомянул ни один из элементов как относящийся, например, к описанию образа жизни «обычной» семьи, то его мнение вообще не учитывается в приведенных распределениях ответов. Например, опрошенный считает, что все перечисленные элементы образа жизни относятся только к богатым семьям или только к обычным семьям. Вне рассмотрения остаются случаи, когда ни одно из описаний не соответствует либо обычным семьям, либо богатым семьям,

либо не может служить признаком материального достатка семьи. Но это очень важная характеристика, которая описывает, условно говоря, «нулевую точку отсчета». Расчеты показали, что практически все респонденты (99 проц.) отметили принадлежность хотя бы одного признака к описанию богатых семей, и только примерно три четверти (71–75 проц.) считают, что в лучшем случае одно из предлагаемых описаний доступно обычной городской семье (остальные, соответственно, скорее всего только богатым). Последнее означает, что четверть опрошенных уверена в том, что все приведенные характеристики образа жизни недоступны обычным городским российским семьям. Не более половины опрошенных (48–54 проц.) хотя бы однажды упомянули, что перечисленные описания не имеют прямого отношения к уровню материального достатка, следовательно, вторая половина придерживается мнения, что все определяется доходами семей.

⁶ В третьем квартале 2012 года средняя заработная плата составила 26 127 рублей в месяц, а среднемесячные доходы — 22 627 рублей (см.: Краткосрочные экономические показатели РФ. Окт. 2012). Если ориентироваться на эти данные, годовой доход жителя России составляет в среднем примерно 270 тыс. рублей.

⁷ Как и в среднем по всем опрошенным, среди ориентирующихся на западный образ жизни также примерно четверть респондентов считают, что обычная российская городская семья не может себе позволить ничего из перечисленного, а половина — что указанные элементы образа жизни не зависят от уровня материального достатка.

⁸ Такое положение дел поддерживается социальным механизмом «моды». Всегда и везде модными становятся виды потребления и отдельные товары, которые наилучшим образом позволяют решать две взаимосвязанные задачи: с одной стороны, доступны по цене, но с другой — требуют напряжения финансовых усилий (то есть обладают свойством роскошности). Пока тот или иной вид потребления не окажется финансово доступным массовому потребителю, он не станет обязательным элементом образа жизни. Зато, став таковым, он обретает свойства «очевидности», «естественной необходимости».

⁹ Веблен Т. Указ. соч. С. 127.

Неравенство доходов населения: пространственная проекция

Территориальное неравенство является не только проблемой, но и фактором развития | **НАТАЛЬЯ ЗУБАРЕВИЧ**

Помимо колоссального социального расслоения по доходам для России характерны заметные территориальные различия. Это видно невооруженным глазом, достаточно отъехать от Москвы на сотню-другую километров. Масштабы территориального неравенства в уровне жизни велики, с этим трудно спорить. Насколько они объективны и что с этим делать?

Начнем с того, что неравенство доходов населения регионов и муниципалитетов — следствие экономического неравенства. Международные исследования показывают, что в странах догоняющего развития, к которым относится и Россия, территориальное экономическое неравенство не только велико, но и растет, поскольку быстрее развиваются регионы с конкурентными преимуществами, что ускоряет развитие всей страны. В таких странах приоритеты выравнивания находятся на втором плане: важнее догонять, делая ставку на сильные регионы. Территориальное неравенство прежде всего рассматривается как угроза целостности страны и социально-политической стабильности, но если эти риски невелики, то смягчение неравенства не входит в число первоочередных задач.

В развитых странах рост экономического неравенства регионов замедляется и даже прекращается по объективным причинам: везде высок уровень человеческого капитала и качества институтов, развита инфраструктура. Возможно даже некоторое смягчение территориальных различий благодаря тому, что появляются новые центры роста, поддерживается и стимулируется развитие более слабых регионов¹. Однако даже при масштабной выравнивающей региональной политике, которая проводится в странах ЕС, ее успешность весьма относительна, что доказано рядом исследований².

Социальное неравенство, измеряемое разницей в доходах населения, зависит не только от различий в экономическом развитии регионов, но и от перераспределительной политики. В развитых странах с сильной социальной политикой, нацеленной на поддержку бедных групп населения, доля которых всегда выше на менее развитых территориях, межрегиональное неравенство доходов населения сокращается. Примером может служить Франция³, Швеция и другие страны континентальной Европы. Однако в развитых странах англосаксонского мира (США, Великобритания)

смягчения межрегиональных различий по доходам населения не происходит, поскольку приоритет социального выравнивания в этих странах менее значим, а масштабы перераспределения и социального выравнивания не столь велики. Ставка делается на самостоятельную мобильность населения: люди перемещаются из депрессивных районов туда, где есть работа и больше возможностей зарабатывать.

По масштабам экономического и социального неравенства Россия относится к странам догоняющего развития, но задача территориального выравнивания остается для нее одной из важнейших. В основном это продолжение советских традиций выравнивания, но кроме того, сейчас мы ориентируемся и на страны континентальной Европы, на их модель государства всеобщего благосостояния. К каким результатам это приводит в нашей стране и как их измерить?

Проблемы измерения межрегионального неравенства доходов

Начнем с того, что качество российской статистики доходов и уровня жизни низкое. Она дает весьма приблизительное представление о том, как живет население в разных регионах и городах. Существует несколько причин, почему возникают трудности, связанные с измерением уровня и структуры доходов домохозяйств в регионах и муниципалитетах:

- при наличии значительного теневого сектора экономики все статистические измерения доходов населения дополняются дооценками и в целом недостаточно точны, прежде всего на региональном уровне;
- проблемой региональных измерений является недостаточная выборка бюджетных обследований домохозяйств, проводимых Росстатом, что также приводит к искажениям;

- на муниципальном уровне (по городам и районам) доходы населения вообще не измеряются статистикой, собираются только данные о заработной плате по крупным и средним предприятиям и организациям, без учета малого предпринимательства;
- сложно измерить натуральные поступления от личного подсобного хозяйства, немаловажные для горожан и критически важные для сельского населения, особенно в регионах с благоприятными почвенно-климатическими условиями;
- цены на товары и услуги различаются в регионах России более чем в три раза, поэтому доходы населения необходимо корректировать с учетом стоимости жизни*, при этом разные способы корректировки дают разную региональную дифференциацию цен; особенно велики различия в оценке удорожания жизни в северо-восточных субъектах РФ и в федеральных городах.

Проблемы качества региональной статистики доходов усугубляются сложностью совокупного учета всех компонентов, влияющих на положение домохозяйств, а не только текущих доходов. Помимо денежных доходов домохозяйства получают различные социальные трансферты в виде льгот и бесплатных общественных благ, которые также нужно учитывать в оценках совокупного потребления. Кроме того, уровень жизни домохозяйств зависит от наличия сбережений, накопленного недвижимого и движимого имущества: жилья, дач, автомобилей и других предметов длительного пользования.

Статистические проблемы велики, поэтому к измерениям и оценкам неравенства

* Для этого используются показатели стоимости прожиточного минимума в регионе или стоимости фиксированного набора товаров и услуг для межрегиональных сопоставлений, измеряемые Росстатом.

денежных доходов населения регионов нужно относиться с осторожностью. Тем не менее работать с этими данными необходимо, ведь даже неточная статистическая информация позволяет выявить тренды, если методика измерений не менялась.

Вторая трудность — методическая: как точнее измерить неравенство? Чаще всего используется коэффициент фондов (соотношение доходов 10 проц. населения с самыми высокими доходами и 10 проц. населения с самыми низкими доходами), но он измеряет только неравенство «по краям». Коэффициент вариации показывает разброс характеристик всего массива данных «от середины». Индекс Джини (коэффициент Лоренца) оценивает равномерность распределения, и он более чувствителен к неравенству и подвижкам в средней части ранжированного ряда.

В данной статье расчеты неравенства проводились разными способами: коэффициент фондов применялся для измерения неравенства доходов населения внутри регионов, а адаптированный индекс Джини — для измерений межрегионального и межгородского неравенства **. Индекс Джини рассчитывался с процедурой «взвешивания» показателей регионов по численности населения, поскольку невзвешенные измерения искажают степень неравенства из-за очень дробного административно-территориального деления России и неравноценности субъектов РФ по численности населения. Такая же процедура применялась и для городов.

Межрегиональное неравенство: масштабы и динамика

Измерение масштабов межрегионального неравенства по доходам населения требует, чтобы учитывался ценовой фактор. В ниже-

** Расчеты индекса Джини проведены доцентом географического факультета МГУ Сергеем Сафоновым, которому автор выражает искреннюю благодарность.

приведенных расчетах среднедушевые денежные доходы населения соотнесены со стоимостью регионального прожиточного минимума. Лидером была и остается Москва: в 2000-х годах среднедушевые доходы населения столицы превышали прожиточный минимум в 5–6 раз (в среднем по России — в 3,2 раза в 2012 году). Однако уровень среднедушевых доходов москвичей завышен: в методике измерения доходов населения Росстат применяет дооценки, учитывая объем товарооборота розничной торговли и покупки валюты, хотя в российской столице покупки делают не только ее жители, но и многочисленные приезжие. В 1990-е и начале 2000-х сопоставимыми с Москвой лидерами были богатые нефтегазодобывающие округа Тюменской области — Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий. Однако в 2012 году соотношение доходов и прожиточного минимума в них составило только 3,5–4 раза, поскольку доходы населения росли медленнее из-за изъятия нефтяной ренты в федеральный бюджет. Появились новые лидеры: соотношение среднедушевых денежных доходов населения и прожиточного минимума в Санкт-Петербурге (4,5 раза) превысило показатели важнейших нефтегазодобывающих регионов. Произошло это вследствие перевода во вторую столицу штаб-квартир крупных компаний и в результате увеличения числа высокооплачиваемых рабочих мест в других секторах экономики. Заметно выросло соотношение доходов и прожиточного минимума в Московской и Свердловской областях (3,7 раз). Еще примерно в десятке развитых регионов соотношение душевых доходов и прожиточного минимума выше среднего по стране, в основном это регионы с экспортными отраслями промышленности и относительно невысоким прожиточным минимумом (республики Татарстан, Башкортостан, Белгородская, Кемеровская области и др.).

Почему лидеров так мало? Дело в том, что среднероссийский показатель завышен из-за доходов москвичей: на жителей столицы приходится почти 20 проц. всех денежных доходов россиян. Медианное соотношение для регионов России в 2011 году составляло 2,7 раз (при среднем показателе по РФ 3,2 раза), то есть 83 проц. от среднего. В России по доходам населения больше всего «средняков», более чем в половине субъектов РФ соотношение доходов и прожиточного минимума составляет 75–99 проц. от среднероссийского.

Экономический рост 2000-х и перераспределительная политика сделали свое дело: регионов с низким уровнем доходов населения стало намного меньше (см. рисунок 1 на с. 51). К 2011 году в России остались только два региона с минимальным соотношением доходов и прожиточного минимума (менее 2 раз), это республики Тыва и Калмыкия. Для

сравнения, в 2002-м такие показатели имели более 75 проц. субъектов РФ, в 2005 году – более трети. Отчасти изменилась и география аутсайдеров: в их числе по-прежнему депрессивные регионы Европейской России (Ивановская, Владимирская области) и востока страны (Алтайский край, Амурская область, Еврейская автономная область), менее развитые республики Поволжья (Мари Эл, Мордовия и Чувашия) и Сибири (Тыва и Алтай). Однако большинство республик Северного Кавказа покинули группу аутсайдеров (данные о доходах населения Чечни не публикуются). Отчасти это свидетельствует об особом внимании со стороны федеральных властей к проблемной территории, но не меньший вклад внесли методические ухищрения Росстата: статистические дооценки скрытой оплаты труда в Дагестане и Ингушетии составляют до половины всех доходов населения (в среднем по России – 27 процентов).

Рисунок 1

Источник: Расчеты автора по данным Росстата

В конце 2000-х экономический рост и особенно рост цен на нефть затормозились, поэтому межрегиональный выравнивающий эффект все менее заметен: распределение регионов по соотношению среднедушевых денежных доходов населения и прожиточного минимума за 2008–2011 годы почти не изменилось (см. рисунок 1 на с. 51).

Важный фактор межрегионального неравенства доходов населения — дифференциация заработной платы. За 2000–2012 годы межрегиональные различия в заработной плате сократились с 10,2 до 4,6 раз (в регио-

венство снижалось (см. рисунок 2 на с. 53). Изменение тенденции вполне объяснимо. Получив огромные дополнительные доходы, федеральные власти резко увеличили масштабы перераспределительной политики и финансовой помощи менее развитым регионам. Социальные расходы бюджета субъекта РФ учитываются в ВРП как производство социальных услуг, поэтому душевой ВРП слабых регионов рос быстрее, поскольку доля оплачиваемых из бюджета социальных услуг в их ВРП максимальна. Кризис 2009 года почти не затронул высокостандартные

“Смягчению неравенства способствовал опережающий рост оплаты труда в бюджетной сфере и в сельском хозяйстве”.

нах с крайними показателями), а для пятерки регионов с максимальными и минимальными показателями — с 6,8 до 3,8 раз. Смягчению неравенства способствовал опережающий рост оплаты труда в бюджетной сфере и в сельском хозяйстве, именно в этих отраслях концентрируются занятые в менее развитых регионах.

Помимо простейших методов оценки неравенства по доходам путем сопоставления статистических показателей, есть и более строгие математические методы измерения. Количественных исследований межрегионального неравенства в России пока немного, в основном это измерение экономического неравенства⁴ или анализ методик таких измерений⁵. Результаты неоднозначны, поскольку тренды межрегионального экономического неравенства в последние два десятилетия менялись: после кризиса 1998 года и до бума нефтяных цен оно росло, быстрее развивались регионы с конкурентными преимуществами. На пике нефтяных цен в середине 2000-х и затем в период нового кризиса 2009 года межрегиональное нера-

венство снижалось (см. рисунок 2 на с. 53). Однако в целом за весь постсоветский период экономическое неравенство российских регионов по душевому ВРП усилилось⁶.

Сравнение России с другими крупными странами СНГ показывает, что с конца 1990-х общим трендом для России, Украины и Казахстана был рост экономического неравенства. В двух последних странах он продолжался до начала кризиса 2008–2009 годов. В России этот тренд был менее устойчивым и раньше сменился небольшим снижением неравенства под влиянием масштабной перераспределительной политики государства (см. рисунок 2 на с. 53). В двух других крупных странах СНГ тенденции экономической дивергенции регионов были более явными вплоть до кризиса. В Казахстане это стало следствием доминирования сырьевой экономики, что усиливает региональное неравенство, и меньших масштабов перераспределения в пользу бедных регионов, так как огромный объем средств направлялся

на строительство и развитие новой столицы – Астаны. На Украине рост неравенства обусловлен значительно меньшей централизацией и слабой выравнивающей политикой государства в условиях политической нестабильности. Таким образом, две крупные страны СНГ вписываются в общий для стран догоняющего развития тренд, предполагающий рост экономического неравенства, а Россия – не совсем.

Исследований неравенства регионов по более широкому кругу индикаторов, включая доходы населения и заработную плату, еще меньше ⁷. Расчеты межрегионального неравенства по доходам населения и заработной плате с помощью адаптированного индекса Джини показывают, что в России оно было максимальным среди крупных стран СНГ (см. рисунок 2 на с. 53). Однако это неравенство устойчиво сокращалось, особенно быстро – на пике нефтяных цен в 2005–2008

годах. Как уже говорилось выше, причина этого заключалась в возросших масштабах перераспределительной политики государства. Рост заработной платы бюджетников и увеличение социальных выплат низкодоходным группам населения, доля которых выше в слаборазвитых регионах, попутно сокращали и межрегиональное неравенство по доходам. Неравенство по доходам уменьшалось и благодаря опережающему росту пенсий, что повлияло на душевые доходы в средне- и менее развитых регионах Центра и Северо-Запада с наиболее постаревшим населением и максимальной долей пенсионеров.

Неравенство российских регионов по заработной плате сокращалось только с 2002 года, когда было проведено первое значительное повышение заработной платы бюджетникам. И в дальнейшем зарплатки в бюджетной сфере росли быстрее, чем в частном секторе экономики. Это способствовало сни-

Рисунок 2

Источник: расчеты по данным Росстата, статистических органов Украины и Казахстана (на Украине в 2002 году резкое сокращение межрегионального неравенства по доходам населения обусловлено изменением методики статистического измерения доходов)

жению межрегионального неравенства, так как доля занятых в отраслях бюджетного сектора в слаборазвитых регионах выше по причине дефицита иных рабочих мест. Расчеты показывают, что межрегиональное неравенство по уровню бедности также сокращается, но медленно. Это следствие двух факторов: существенной внутрирегиональной дифференциации населения по доходам и недостаточной нацеленности социальной политики

на поддержку бедного населения (на адресные пособия бедным приходится только четверть всех социальных выплат).

В целом за 1998–2011 годы различия регионов России сократились по всем индикаторам уровня жизни: доходам, заработной плате и уровню бедности. Сокращается и неравенство в потреблении, измеряемое душевым оборотом розничной торговли. Смягчение региональных различий в дохо-

Таблица 1

РЕГИОНЫ С МАКСИМАЛЬНЫМИ И МИНИМАЛЬНЫМИ ЗНАЧЕНИЯМИ КОЭФФИЦИЕНТА ФОНДОВ (СООТНОШЕНИЯ ДОХОДОВ 10 ПРОЦ. НАСЕЛЕНИЯ С САМЫМИ ВЫСОКИМИ ДОХОДАМИ И 10 ПРОЦ. НАСЕЛЕНИЯ С САМЫМИ НИЗКИМИ ДОХОДАМИ), РАЗ					
	2002	2007	2009	2010	2011
Российская Федерация	14	16,8	16,7	16,5	16,2
Регионы с максимальными значениями					
г. Москва	51	41,7	32,9	28,2	27,3
Тюменская область	20,3	22,8	21,6	20,1	19,7
г. Санкт-Петербург	9,8	19,9	19,7	19,8	19,4
Самарская область	16,9	20,9	20,7	20,6	19,4
Ненецкий АО	16,3	22,2	19,8	19,8	19,3
Ямало-Ненецкий АО	18,2	19,8	18,2	17,8	18,1
Пермский край	14	18,3	17,9	17,9	17,3
Красноярский край	13,9	18,1	17,4	17,4	17,3
Башкортостан	11,3	17,6	18,6	17,6	17,2
Свердловская область	10,4	18,3	17,9	18	17,2
Ханты-Мансийский	18,7	18,7	17,3	17	17,1
Регионы с минимальными значениями					
Республика Тыва	9,8	10,9	11,8	11,4	11,3
Алтайский край	10,8	12	10,7	10,9	11,3
Республика Северная Осетия	8,6	11,7	10,9	11,2	11,2
Владимирская область	7,1	9,5	10,5	10,8	11,1
Рязанская область	8,8	10,9	11,4	11,5	11,1
Карачаево-Черкесская республика	10,1	11,3	12	11	11
Чувашская республика	7,5	10,4	10,9	11,2	11
Костромская область	9,2	10,8	10,7	10,9	10,9
Кировская область	7,4	10,1	11,1	11,3	10,9
Волгоградская область	8,6	11,5	11,5	11,2	10,8
Ивановская область	7,4	9	10,2	10,4	10,7
Республика Карелия	8,8	10,4	10,4	10,7	10,6
Тверская область	7,3	9,4	10,1	10,5	10,2

Источник: данные Росстата.

дах и потреблении населения — результат «тучных лет» экономического роста, сверхцентрализации и возросшего перераспределения огромных нефтяных доходов.

Как выглядят российские тенденции на фоне других крупных постсоветских стран? В России региональное неравенство по доходам населения и заработной плате сократилось заметнее всего, что явилось результатом социальной политики государства, перераспределявшего огромную нефтяную ренту. В Казахстане процесс смягчения дифференциации регионов по душевым доходам населения начался только во второй половине 2000-х, а затем застопорился. Что касается заработной платы, то здесь этот процесс был выражен еще слабее. Такое положение дел связано с менее масштабной перераспределительной политикой и концентрацией высокооплачиваемых рабочих мест в новой столице, а также с низким уровнем жизни сельского населения, преобладающего в южных регионах Казахстана. Украина отличалась устойчивым ростом межрегионального неравенства доходов населения из-за слабой перераспределительной политики государства, однако неравенство по заработной плате, как ни странно, смягчалось. Такие расхождения объясняются низким качеством статистики и объективными трудностями: на Украине высока теневая занятость, массовый характер приобрели трудовые миграции в другие страны, особенно из западных регионов, а статистические измерения заработной платы фактически фиксируют межрегиональное выравнивание оплаты труда занятых в легальном секторе экономики, преимущественно в бюджетных отраслях.

Даже с учетом всех статистических искажений Россия выглядит «чемпионом СНГ» по сокращению межрегиональных диспропорций в доходах населения, хотя по-прежнему остается страной с сильной межрегиональной дифференциацией доходов и уровня жизни.

Внутрирегиональное неравенство доходов населения

Внутрирегиональное неравенство можно измерить с помощью коэффициента фондов — отношения доходов 10 проц. населения с самыми высокими доходами к доходам 10 проц. населения с самыми низкими доходами. Этот показатель оценивает различия только «по краям». Точность измерений невысока, но все же позволяет выявить диспропорции и динамику. Во-первых, внутрирегиональное неравенство населения по доходам максимально в наиболее развитых регионах: Москве, Санкт-Петербурге, в автономных округах Тюменской области и в Самарской области; коэффициент фондов в этих регионах достигает 18–27 раз (в среднем по России — 16 раз). Во-вторых, в период экономического роста во всех российских регионах, за исключением Москвы, внутрирегиональное неравенство доходов населения росло. Проще говоря, «платой за развитие» регионов стало усиление неравенства их населения по доходам.

Только в последние 2–3 года внутрирегиональное неравенство доходов населения стало сокращаться, для большинства регионов основную роль здесь сыграл экономический кризис. Но есть и другие факторы: снижение неравенства раньше началось там, где оно было максимальным — в Москве и нефтегазодобывающих автономных округах Тюменской области (см. таблицу 1 на с. 54) с самым высоким уровнем экономического развития и с сильной социальной политикой. Фантастические темпы изменения коэффициента фондов по доходам москвичей (с 51 раза в 2002-м до 41 раза в 2007-м и до 27 раз в 2011 году) вызывают очень большие вопросы. Однако сама тенденция снижения внутрирегионального неравенства по доходам населения, которая в последние годы наблюдалась в наиболее развитых регионах, вполне объяснима. Растущие доходы бюд-

жетов этих регионов позволяли проводить более масштабную выравнивающую социальную политику. Наиболее яркий пример — это московские надбавки к пенсии, на которые в 2011 году расходовалось почти 10 проц. огромного бюджета столицы. Автономные округа Тюменской области при относительно небольшой численности населения имеют возможность проводить активную перераспределительную политику в виде доплат к заработной плате занятым в бюджетных отраслях, многочисленных пособий и льгот. Эти примеры ничем не отличаются от федеральной социальной политики, когда снижение неравенства по доходам обеспечивается масштабным перераспределением. Однако только в бюджетах самых «богатых» регионов — Москвы, Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского автономных округов — есть средства на масштабную выравнивающую политику. Их опыт невозможно распространить на всю страну, так как у других регионов таких возможностей нет.

Неравенство российских городов по заработной плате

Неравенство городов России анализировалось в исследованиях Татьяны Нефедовой и Андрея Трейвиша⁸, но целью этих работ была интегральная оценка неравенства. Статистически неравенство городов по уровню жизни можно измерить только по показателю заработной платы, показатель доходов населения на муниципальном уровне не рассчитывается. Более доступны статистические данные по большим городам (по градостроительной классификации это города с населением свыше 100 тыс. жителей), они ежегодно публикуются в статистическом сборнике «Регионы России». В расчетах использована и полная база данных по всем городам страны, хотя она имеет много дефектов. Расчеты неравенства проведены для всех городов и отдельно — для больших

городов, чтобы выявить, как размер города влияет на дифференциацию заработков населения. Предполагалось, что в больших городах ощутимее преимущества агломерационного эффекта (концентрации населения и экономической активности, а также разнообразия видов деятельности), что способствует снижению неравенства. Очевидно, что в максимальной степени преимущества агломерационного эффекта проявляются в крупнейших городах страны — Москве и Санкт-Петербурге, где живет каждый девятый российский горожанин. Чтобы выявить влияние федеральных городов, неравенство по заработной плате измерялось и для всех городов, и с исключением федеральных.

Расчеты показали, что неравенство по заработной плате, измеряемое индексом Джини, для всех городов сопоставимо с межрегиональным неравенством по этому показателю (0,200–0,220). Динамика неравенства городов менялась: оно росло в период выхода из кризиса 1998 года, а в 2002-м, когда прошло первое значительное повышение заработной платы бюджетникам, заметно сократилось (см. рисунок 3 на с. 57). В последующие годы неравенство всех городов стабилизировалось, а в больших городах вновь росло. Почему дифференциация больших городов по заработной плате увеличилась в отличие от всего массива российских городов? Причину этого следует искать в том, что в федеральных городах, которые обладают максимальными преимуществами агломерационного эффекта и статуса, заработная плата существенно выше. При исключении федеральных городов отмечается устойчивое снижение неравенства и для всех городов, и для больших. Они становятся более однородными по заработной плате, но заметнее отстают от Москвы и Санкт-Петербурга.

Неравенство по заработной плате, измеряемое коэффициентом вариаций, снижалось более устойчиво за весь рассматриваемый

период благодаря опережающему росту заработной платы бюджетников, доля которых среди занятых выше в менее крупных городах. Но тенденции смягчения неравенства по заработной плате в городах в целом выражены слабее по сравнению с регионами России. Объяснение здесь простое: на динамику неравенства городов сильнее влияют две российские столицы.

Каковы последствия этих трендов для мобильности населения? Как уже отмечалось, большие российские города становятся все более однородными по заработной плате и одновременно все заметнее отличаются от Москвы и Санкт-Петербурга, поэтому федеральные города становятся более привлекательными для мигрантов. Любые попытки снизить миграционный приток в две российские столицы будут разбиваться о «скалы» серьезного неравенства по заработной плате, которое и стимулирует миграционный приток. До тех пор пока большие российские города, в первую очередь миллионники, не начнут сокращать отставание в заработной

плате от федеральных городов, перераспределение миграционных потоков вряд ли произойдет.

Еще один важный ракурс – динамика неравенства заработной платы в городах внутри каждого региона. Расчеты Георгия Куликова для больших городов Уральского и Приволжского федеральных округов⁹ показывают, что в период экономического роста 2000-х различия в заработной плате в региональных центрах и прочих городах региона менялись в пользу региональных «столиц». Это означает, что преимущество в заработной плате «богатых» городов экспортной промышленности, таких как Магнитогорск и Альметьевск, сокращалось, а отставание от региональных центров всех городов обрабатывающей промышленности и городов, утративших промышленные функции, нарастало. В период нового кризиса 2009 года, больше всего ударившего по промышленным городам, эти тенденции только усилились.

Опережающий рост заработной платы в региональных центрах объясняется не только

Рисунок 3

Источник: расчеты по данным Росстата

политикой государства (такое повышение заработной платы занятых в бюджетном секторе, особенно в госуправлении, за которым не может угнаться индустриальный бизнес), но и объективными тенденциями, связанными с более быстрым развитием сервисных функций в крупных городах — региональных центрах, с созданием в них новых, более высокооплачиваемых рабочих мест. В итоге привлекательность промышленных городов снижается, что стимулирует миграцию молодежи в региональные центры, которые все активней притягивают мигрантов из менее крупных городов своего региона наряду с мигрантами из депопулирующей сельской местности. Этому способствует экономический фактор миграций — усиление внутрирегионального неравенства городов по заработной плате.

Что будет дальше и что делать?

В современном мире есть два типа государств, способных снижать территориальное неравенство:

- экономически развитые социальные государства с сильной адресной социальной политикой;
- авторитарные и сверхцентрализованные политические режимы, получающие и перераспределяющие огромную сырьевую ренту.

И хотя по тенденциям смягчения межрегиональных различий доходов населения Россия похожа на развитые страны континентальной Европы, которые отличаются сильной социальной политикой, факторы смягчения неравенства иные: вместо увеличения адресной социальной поддержки бедных основным инструментом стало опережающее повышение заработной платы в бюджетном секторе, пенсий и социальных выплат населению, основанное на перераспределении нефтегазовой ренты. Но если рента перестает расти, сокращаются и возможности смягчать территориальное неравенство.

Еще один фактор, который способствует смягчению территориального неравенства доходов населения, — кризисные спады экономики. В России они в большей степени затрагивают развитые промышленные регионы, поскольку слабо развитые субъекты РФ получают немалые и стабильные трансферты из федерального бюджета. Однако «запас прочности» федерального бюджета снижается, а с ним уменьшаются и возможности перераспределения. В 2013 году экономика вновь забуксовала, нефтяные сверхдоходы не росли, поступления налога на прибыль — а это один из основных источников доходов бюджетов регионов, особенно развитых, — сократились на 20 проц. (январь—июль 2013-го к соответствующему периоду 2012 года). Кроме того, в последние годы резко замедлился и рост доходов населения.

Третий фактор — политика федеральных властей. С 2012 года, в соответствии с указами вновь избранного президента Путина, началось очередное повышение заработной платы работникам социальной сферы, теперь уже до средней зарплаты по региону. Основные расходы легли на региональные бюджеты. С одной стороны, реализация этих мер будет способствовать дальнейшему смягчению межрегионального неравенства доходов населения, но цена слишком велика: бюджеты большинства регионов, не имеющих средств на выполнение обещаний президента, утратят свою стабильность (произойдет разбалансировка доходов и расходов).

Данные Минфина подтверждают названные риски. Трансферты из федерального бюджета сократились на 15 проц. (январь—июль 2013-го к соответствующему периоду 2012 года), регионам все труднее найти финансовые источники для повышения заработной платы занятым в социальной сфере. Бюджеты регионов перегружены социальными обязательствами; в 2013 году доля соци-

альных расходов достигла почти двух третей всех расходов. В результате растет дефицит бюджетов, регионы все больше залегают в долги, рушится стабильность бюджетной системы субъектов РФ. Когда у бюджетов нет денег, выполнить президентские указы можно только существенно сократив занятость в бюджетном секторе, что негативно отразится на политической стабильности и уровне поддержки власти. Сокращение занятости в бюджетном секторе повышает спрос на альтернативные рабочие места, осо-

Что же можно предложить взамен? С одной стороны, Россия уже достигла того уровня развития, с которого в большинстве развитых стран началось замедление роста или даже смягчение межрегионального неравенства. По данным Мирового банка¹⁰, ресурсы для выравнивающей политики появляются при душевом ВВП свыше 10–15 тыс. долларов по паритету покупательной способности (ППС). В России он уже достиг 19 тыс. долларов ППС. С другой стороны, для снижения межрегионального неравенства по

“Бюджеты регионов перегружены социальными обязательствами; в 2013 году доля социальных расходов достигла почти двух третей всех расходов”.

бенно в менее развитых регионах, где таких рабочих мест мало. Прогнозируемый рост безработицы усилит межрегиональное неравенство по доходам населения.

Суммируя все вышеперечисленные факторы, можно ожидать, что в ближайшей перспективе тенденция смягчения межрегиональных различий доходов населения и заработной платы, скорее всего, приостановится. Основной причиной станет ухудшение экономической ситуации в стране и сокращение финансовых ресурсов для перераспределения. Политическая составляющая также сыграет свою роль: федеральные власти постепенно отказываются от прежнего общественного договора, подразумевавшего рост доходов населения в обмен на политическую стабильность (пассивность населения). Региональной проекцией такой модели управления страной стало территориальное выравнивание, проводимое авторитарной сверхцентрализованной системой управления с помощью перераспределения сырьевой ренты. Данная модель оказалась вполне успешной на коротком временном отрезке, но постепенно теряет актуальность.

доходам нужна эффективная и таргетированная социальная политика, нацеленная на поддержку бедных. Однако российские власти и общество пока не готовы ни к контролю доходов населения, без чего невозможна адресная поддержка бедных, ни к усилению перераспределения в пользу маргинальных групп населения, доля которых среди бедных растет по мере снижения уровня бедности. Эти барьеры выглядят еще более неприступными, чем тип политического режима, основанный на перераспределении ренты.

Неравенство городов по заработной плате можно рассматривать не только как социальный риск, но и как «мотор» территориальной мобильности городского населения. Если смотреть на проблему под таким углом зрения, становятся более очевидными и необходимые меры. Для развития городов нужна двухэтапная децентрализация, в результате которой полномочия и бюджетные ресурсы передаются из центра в регионы, а из регионов — в муниципалитеты. Она обязательно должна дополняться дерегулированием, то есть расширением самостоятельности регионов и муниципалитетов в принятии решений.

От этих мер в первую очередь выиграют крупные города, имеющие более значительные собственные (налоговые и неналоговые) доходы. Кроме того, возрастает конкуренция городов за инвестиционные и человеческие ресурсы. Те города, в которых быстрее реформируется институциональная среда, улучшаются условия и качество жизни населения, выигрывают. При децентрализации и усилении конкуренции население будет концентрироваться не только в федеральных, но и в других успешных больших городах с опережающим ростом заработной платы. Такая политика расширяет количество городов, способных стать «точками роста», что, в итоге, способствует модернизации всей страны.

Основной вывод банален, но непривычен для многих российских политиков: территориальное неравенство является не только

проблемой, но и фактором развития. Какой стороной оно ляжет — «орлом или решкой», зависит не только от политики российских властей, но и от готовности территориальных и городских сообществ к переменам. А с этим в России большие трудности. На всех уровнях преобладает старый революционный принцип — все отнять и поделить. И чем быстрее уйдет в прошлое генерация «отнимающих и делящих», тем эффективнее экономическое территориальное неравенство будет стимулировать развитие всей страны. Но в социальной политике приоритеты иные: необходимо инвестировать в человеческий капитал и модернизацию институтов в менее развитых регионах. Разумная власть пытается найти оптимальный баланс экономических и социальных приоритетов, что очень непросто, а власть неразумная шарахается из одной крайности в другую. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ World Development Report 2009: Reshaping Economic Geography. World Bank, 2009. (Мировой доклад о развитии 2009: Пересматривая экономическую географию. Мировой банк, 2009).

² См., например: *Martin P.* The Geography of Inequalities in Europe // *Swedish Economic Policy Review*. 2005. No. 12. P. 83–108.

³ Op. cit.

⁴ См., например: *Михеева Н.Н.* Анализ дифференциации социально-экономического положения российских регионов // *Проблемы прогнозирования*. 1999. № 5. С. 91–102; *Дробышевский С., Луговой О., Астафьева Е.* и др. Факторы экономического роста в регионах РФ. М.: ИЭПП, 2005; *Луговой О.* и др. Экономико-географические и институциональные аспекты экономического роста в регионах. М.: ИЭПП, 2007; *Лавровский Б.Л., Шильцин Е.А.* Российские регионы: сближение или расслоение? // *Экономика и математические методы*. 2009. Т. 45. № 2. С. 31–36.

⁵ *Глуценко К.П.* Методы анализа межрегионального неравенства по доходам: Учебное пособие / Новосибир. гос. ун-т. Новосибирск, 2010.

⁶ *Zubarevich N., Safonov S.* Regional Inequality in Large Post-Soviet Countries // *Regional Research of Russia (RRR)*. 2011. Vol. 1. No. 1. P. 15–26.

⁷ Обзор социальной политики в России: начало 2000-х / Под ред. Т.М. Малевой, Н.В. Зубаревич, Д.Х. Ибрагимов и др. М.: НИСП, 2007; *Зубаревич Н.В.* Мифы и реалии пространственного неравенства // *Общественные науки и современность*. 2009. № 1. С. 38–53; *Зубаревич Н.* Регионы России: Неравенство, кризис, модернизация. М.: НИСП, 2010.

⁸ *Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И.* «Сильные» и «слабые» города России // *Полюса и центры роста в региональном развитии* / Под ред. Ю. Г. Липеца. М.: ИГ РАН, 1998; *Они же.* Города и сельская местность: Состояние и соотношение в пространстве России // *Региональные исследования*. 2010. № 2 (28). С. 42–57.

⁹ *Куликов Г.К.* Крупные города — точки роста Урало-Поволжья // *Региональные исследования*. 2008. № 6. С. 42–53.

¹⁰ World Development Report 2009: Reshaping Economic Geography. World Bank, 2009.

Разрушение малого бизнеса

Прекращение роста малого бизнеса стало результатом серии непреднамеренных, но точечных ударов государства и его упорной работы по ухудшению делового климата | **БОРИС ГРОЗОВСКИЙ**

Малый бизнес (МБ) едва ли может служить мотором современной экономики. Ему трудно дается выход на экспортные рынки. В Евросоюзе производительность труда одного работника на малых и микропредприятиях на 32–45 проц. ниже, чем на крупных. В России подобной статистики нет. Редким малым предпринимателям доступны иностранные кредиты, о реализации серьезных инвестпроектов приходится лишь мечтать. Так стоит ли печься о малом бизнесе?

МБ проигрывает более крупным игрокам по причине эффекта масштаба: с ростом производства издержки на единицу продукции снижаются. С переходом к индустриальной экономике этот эффект многократно усилился. Хотя развитие интернета и социальных сетей дало малому бизнесу «вторую жизнь», упростив возможность поиска удаленных поставщиков и потребителей, интернет не отменил экономию на масштабе — скорее, наоборот. Крупные торговые сети вытесняют МБ из сферы торговли точно так же, как век назад индустриальные производства вытесняли кустарные. Может быть, поддержка малого бизнеса — вчерашний день?

Нет. Уровень развития малого бизнеса — не второстепенный, а важнейший индикатор, характеризующий развитие конкурентной капиталистической экономики. Малый бизнес особенно чувствителен к деловому кли-

мату. Барьеры для входа на рынок, трудности в получении кредита, несправедливые суды, бюрократия при выдаче лицензий, высокие налоги, привилегии при госзаказе — любые дефекты делового климата малый бизнес ощущает раньше и острее, чем средний и крупный. Поэтому развитие МБ может служить индикатором того, насколько в стране развита конкуренция, насколько она вообще пригодна для ведения бизнеса. Любого бизнеса.

От роста к спаду

Развитие малого бизнеса реагирует не только на деловой климат, но и на изменение размеров рынка, на общие перспективы роста в стране. Поэтому в 1990-е годы, когда, как теперь кажется, время для малого бизнеса было почти идеальным, занятость в нем практически не менялась, составляя около 6 млн человек (менее 10 проц. от числа занятых в экономике ¹). Затяжной спад экономики не способствовал росту МБ, даже несмотря на либеральное по нынешним меркам регулирование.

Зато первая половина 2000-х годов стала для малого бизнеса «золотым» временем. Экономика прибавляла по 6–8 проц. в год, бурно увеличивался спрос во всех секторах. Только за 2003–2004 годы число малых предприятий выросло на 16 проц., занятость на них — на 8 проц., а выручка — на 57 проц. (с поправкой на инфляцию) ². Число индиви-

дуальных предпринимателей (ИП) достигло 4,8 млн (6,7 проц. экономически активного населения). За девять лет уверенного экономического роста (1999–2007) занятость в МБ выросла на треть, почти до 13 проц. от числа занятых в экономике. На этом уровне она остается и сейчас (13,7 процента).

В начале 2000-х развитие малого бизнеса с успехом поддерживалось снижением налогов и улучшением регулятивного климата в стране – упрощением процедуры регистрации, уменьшением количества лицензируемых видов деятельности, ограничением числа проверок и т. д. Мощный восстановительный рост захватил все сектора экономики – в равной мере развивались производство, сфера деловых услуг, строительство и торговля.

Малый бизнес относительно неплохо пережил кризис 2008–2009 годов. После падения на 17 проц. в 2009-м рост выручки в 2010 году составил 7 проц. (с учетом инфляции). Затем рост остановился, и сейчас о таких темпах роста приходится только мечтать. Прекращение роста стало результатом серии непреднамеренных, но точечных ударов госу-

дарства и его упорной работы по ухудшению делового климата. Разумеется, никаких особых мер, специально направленных против МБ, никто не принимал. Остановка роста МБ – классическое «непредвиденное последствие» множества политических решений, направленных на ужесточение регулирования в различных сферах экономики.

Стагнация малого бизнеса продолжается уже второй год. В 2012 году выручка малых предприятий (с учетом инфляции) сократилась на 2,4 проц., перестали расти занятость и число малых предприятий. За апрель 2012 – март 2013-го число малых предприятий в расчете на 100 тыс. населения сократилось на 2,8 процента³. Оборот малого бизнеса в первом полугодии 2013-го оставался на уровне предыдущего года⁴ (с учетом инфляции это означает фактическое снижение выручки). Уменьшилось и число предпринимателей, видящих новые возможности для организации компании. В 2011 году таковых было, согласно «Глобальному мониторингу предпринимательства» (*GEM*), 40 проц., а в 2012-м – всего 30 процентов⁵.

Таблица 1

ВКЛАД МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА (МСБ) В ЭКОНОМИКУ			
	Доля МСБ в занятости в рыночных секторах экономики *, кроме финансов	Доля МСБ в занятости в обрабатывающих производствах	Доля МСБ в обороте обрабатывающих производств
Корея	88	80	-
Венгрия	71	60	28
Норвегия	70	60	49
Польша	68	55	37
Чехия	68	52	38
Франция	61	52	36
Германия	60	46	28
Финляндия	60	48	28
Россия	42	21	16
Казахстан	29	21	9
Украина	26	12	8

*Производство и рыночные услуги

Источник: «Опора», по данным Евростата и национальных статистических ведомств⁶

Деловой климат

Низкое качество делового климата, которое стало основной причиной замедления роста МБ, обусловлено, в частности:

- предпочтениями, которые оказывает госорган «своим» предпринимателям при размещении госзаказа;
- беспределом со стороны силовых структур и несправедливыми судами;
- коррупцией;
- постоянным ростом тарифов естественных монополий;
- политикой чиновников по закрытию рынков, сносу ларьков, повышению ставок аренды помещений и земли;
- трудностью подключения к энергосетям и прочей инфраструктуре (в последнее время для МБ он упростился, но предприниматели еще этого не почувствовали) и т. д.

Предприниматели могли мириться с издержками плохого регулирования в период бурного роста бизнеса. Но когда бурный рост доходов от экспорта нефти и газа прекратился, издержки дурного регулирования дали о себе знать. Стагнация не заставляет чиновников снижать «расценки» за выделение предпринимателям земельных участков или выдачу лицензий. На фоне снижающейся рентабельности вмененные плохим деловым

климатом издержки становятся для бизнеса непосильным грузом.

По данным опроса, проведенного Высшей школой экономики (ВШЭ), в 2009 году средняя официальная стоимость госуслуг для бизнеса (например, получение аккредитации, разрешения и т. п.) составляла около 190 тыс. руб., а неформальные платежи за те же госуслуги превышали ее более чем вчетверо (828 тыс. рублей) ⁷. Речь идет о навязанных госуслугах: аккредитации, получении профильных разрешений, проверке безопасности труда, получении лицензий на разные виды деятельности, выдаче картографических материалов и т. д. Время предоставления госуслуг составляло год–полтора. Суммарные затраты малого бизнеса на преодоление административных барьеров составляют, по опросу «Опоры», порядка 6 проц. выручки.

Все это без учета строительства, где неформальные платежи особенно высоки, а сроки предоставления «госуслуг» дольше, чем в других секторах. Затраты на получение госуслуг, без которых невозможно строительство жилого многоквартирного дома, в разных городах России составляли в 2009-м 0,5–4,9 млн руб., а с учетом неформальных платежей – 0,8–7,6 млн рублей ⁸. Иногда поборы чиновников находятся в весьма

Таблица 2

НАИБОЛЕЕ ОСТРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДЛЯ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА ПО ДАННЫМ «ОПОРЫ»	
Проблема	Доля опрошенных предпринимателей *, считающих ее острой, в % **
Низкая доступность персонала	47
Высокий уровень налогов	36
Низкая доступность финансов	22
Общий спад производства в отрасли	18
Несправедливая конкуренция	17

* Сумма превышает 100 проц.: можно было выбрать до 3 вариантов ответа.

** В рамках параллельно проводившегося «ОПОРой» опроса руководители предприятий называли также серьезными проблемами высокие тарифы на электричество и сложность подключения к энергомощностям, доступ к земельным участкам и производственным помещениям, обременительность таможенных процедур, высокие административные барьеры, коррупцию при доступе к госзаказу.

Источник: «Опора», 2012

условном соотношении с навязанной услугой. Например, застройщик из Петербурга рассказывал исследователям из ВШЭ, что для получения в ГИБДД согласования на установку строительных лесов при возведении дома, стоящего на правительственной трассе, он был вынужден оплатить дежурство машины ГИБДД перед стройплощадкой в течение двух недель из расчета 40 тыс. руб. в день.

Стоимость платежей государству и госчиновникам в расчете на один кв. м типового жилья варьируются в диапазоне 701–8 502 руб. на один квадратный метр и в среднем составляли 2 604 руб. Государство стало слишком дорогим: покупатели нового жилья не в состоянии оплачивать навязанные бизнесу госуслуги. От плохого регулирования страдает весь бизнес, но у МБ меньше ресурсов сопротивляться такому давлению.

Малый бизнес и статистика

Росстат исправно собирает данные о количестве малых предприятий, их обороте, инвестициях и занятости. Но статистика малого бизнеса в России находится в ужасающем положении. В сущности ее вообще нет: публикуемые Росстатом данные с большим трудом поддаются содержательному осмыслению.

Во-первых, росстатовские критерии отнесения бизнеса к микро-, малому и среднему в разные периоды времени не совпадали с критериями Федеральной налоговой службы (ФНС). Поскольку предпринимателям, как правило, выгодно получать право на льготные режимы налогообложения («упрощенка» и налог на вмененный доход), они дробят бизнес на части. В результате неподалеку от пороговых значений ФНС (чуть ниже их) в демографии малого бизнеса «собирается» непропорционально большое количество малых предприятий. Это похоже на результаты голосования «по Чурову», которые тоже стремятся к круглым значениям, предписанным голосующим властями. Данные о динамике развития МБ нужно было бы корректировать с учетом этого, но такой возможности статистика не предоставляет.

Во-вторых, пороги для отнесения предприятий к микро-, малым и средним установлены в номинальных величинах. Они не индексируются ежегодно (например, вместе с ростом потребительских, промышленных цен или динамики ВВП), а меняются раз в пять лет. Это делает ряды данных несопоставимыми. Между индексами официальные данные дают преувеличенно радужную картину.

Таблица 3

ОСНОВНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА (2012)

	Индивидуальные предприниматели*	Микро-предприятия**	Малые предприятия***	Средние предприятия****	Всего
Количество действующих, млн	2,6	1,8	0,238	0,016	4,6
Средняя численность работников, млн	2,2	4,6	6,8	2,1*****	15,7
Выручка, трлн руб.	8,7	8,3	15,1	3,9	36,1

* Без учета ИП, зарегистрированных до 2004 года (около 1,4 млн)

** До 15 человек занятых, выручка до 60 млн руб.

*** До 100 человек занятых, выручка до 400 млн руб.

**** До 250 человек занятых, выручка до 1 млрд руб.

***** За 2011 год

Источник: Росстат, НИСИПП

ну роста МБ, а индексация делает несопоставимой показатели до и после ее проведения.

В-третьих, в 2008 году правительство радикально изменило критерии отнесения предприятий к малым и средним. До этого действовал совершенно нелогичный порядок, по которому в разных отраслях пороговое число работников у малого бизнеса было разным, а выручка не учитывалась вообще. Фактически в 1995–2007 годах к «малым предприятиям» статистики относили группу фирм, выделенных из общей совокупности по совершенно

малом бизнесе еще имеют статистическую достоверность, но сравнивать результаты за разные годы практически бессмысленно.

В-пятых, из-за того что для индивидуальных предпринимателей действует особый порядок регистрации, статистика их деятельности не интегрируется в отчеты о работе малых предприятий. Так, нерегулярно появляются данные о числе работников, нанимаемых индивидуальными предпринимателями (ИП), и эти данные не вполне достоверны. Это важно: в 2011 году индивидуальные пред-

“От плохого регулирования страдает весь бизнес, но у малого бизнеса меньше ресурсов сопротивляться такому давлению”.

случайным, нерелевантным критериям. Однако перемена критериев разрушила все временные ряды: о какой бы то ни было сопоставимости данных можно говорить лишь после 2009-го и — отдельно — до 2007 года включительно. Данные переходного 2008-го стоят особняком.

В-четвертых, показатели малых предприятий (оборот до 400 млн руб. в год) Росстат оценивает ежеквартально, а микропредприятий (до 60 млн руб.) и средних предприятий — раз в год. В результате внутри каждого года число и оборот малых предприятий меняются закономерным образом, а на переходе от одного года к другому каждый раз происходят «необъяснимые» флуктуации — то в одном, то в другом направлении. Они обусловлены переходом микропредприятий в группу малых, а малых — в средние и наоборот. Эту динамику Росстат не отслеживает. Например, за 2010 год число средних предприятий выросло с 15,5 тыс. до 25,2 тыс., а за 2011-й — снова уменьшилось до 15,9 тыс.⁹ Но делать из этой динамики какие-либо выводы было бы большой ошибкой. Получается, что в рамках одного года данные Росстата о

приниматели обеспечивали 22 проц. суммарной выручки микро-, малого и среднего бизнеса.

Впервые целостную картину ситуации в малом и среднем бизнесе удалось получить за счет обследования¹⁰, проведенного Росстатом в 2011-м. Такие обследования будут проходить раз в пять лет.

За 2008–2011 годы количество микропредприятий выросло с 1,1 до 1,6 млн, а малых — с 1,4 до 1,8 миллионов. Число индивидуальных предпринимателей с максимального уровня три млн (2010) уменьшилось до 2,5 млн человек. При этом Росстат не учитывает, считая недействующими, около трети ИП (1 млн) и 29 проц. микропредприятий (0,4 млн).

ИП и микропредприятия составляли в последние четыре года 94–96 проц. от общего числа предприятий малого и среднего бизнеса. Всего на малый и средний бизнес (95 проц. предприятий страны) приходится 25,2 проц. занятых в российской экономике (19 млн человек), 28,5 проц. совокупной выручки и 10 проц. инвестиций. Это существенно ниже аналогичных показателей в европейских странах (см. таблицу 4 на с. 67).

Основным пороком российской статистики малого бизнеса является ее зависимость от меняющихся правительственных критериев разбиения бизнеса по группам. Неадекватность и переменчивость этих критериев делают российскую статистику малого бизнеса практически бессмысленной. В ней можно увидеть лишь основные качественные тренды последних полутора десятилетий: бурный рост до 2008-го, спад в 2009-м, восстановление роста в 2010–2011 и стагнация 2012–2013 годах. Эта динамика совпадает с динамикой развития экономики в целом (только в усиленном диапазоне и с некоторым опережением). Количественные данные принимать во внимание невозможно — настолько они недостоверны и нелогичны.

Региональная структура малого бизнеса

Российский МБ сконцентрирован в крупных городах — только на Москву и Петербург приходится около 30 проц. малых предприятий страны. В двух столицах на исходе периода бурного роста, в 2006–2007 годах, то есть перед кризисом 2008-го, в малом бизнесе работали 26–29 проц. занятых. В среднем по стране эта доля была более чем вдвое ниже.

Можно выделить несколько типов регионов, где МБ развит по среднероссийским меркам относительно неплохо.

Первый тип — крупные рынки. Кроме петербургской (первое место по распространенности малого бизнеса в стране) и московской агломераций, это, например, Екатеринбургская, Самарская и Нижегородская области, Ростов-на-Дону и т. д. На московскую и петербургскую агломерации в начале 2013 года приходилось 33,5 проц. общероссийской выручки МБ и 20,1 проц. занятости в МБ.

Второй тип — регионы, выделяющиеся приграничным положением и/или налоговыми льготами (Калининградская,

Магаданская области). Третий тип — регионы с относительно богатым промышленным или научным потенциалом, неплохим предпринимательским климатом (Калужская и Томская области). Четвертый тип — регионы с повышенной долей теневой экономики, где почти любой бизнес принимает форму малого ради уклонения от налогов (Северный Кавказ). При этом в расчете на душу населения оборот малого бизнеса в Центральном федеральном округе почти в пять раз выше, чем в Северокавказском.

Сначала думай о малом

Даже с учетом бурного роста в начале 2000-х российский МБ примерно в четыре раза слабее европейского. В Евросоюзе в малых (10–49 занятых, оборот до 50 млн евро) и микропредприятиях (до 10 работников) трудится более 50 проц. занятых¹¹ (см. таблицу 1 на стр. 62). А в средних (персонал не превышает 250) — еще 17 процентов. Малые и микропредприятия создают более 37 проц. добавленной стоимости, производимой всей экономикой и генерируют около 58 проц. оборота¹².

Малый бизнес в Европе — хороший антикризисный буфер. За 2008–2010 годы занятость в МБ выросла, даже немного перевалив за 50 процентов. Но увеличилось и отставание микро- и малых предприятий от крупных по прибыльности и производительности труда.

Впрочем, чрезмерное развитие МБ может быть и признаком слабости экономики. В южных странах Европы — в Италии, на Кипре, в Греции, Португалии, Испании, где экономика менее эффективна, по сравнению с северной Европой занятость в МБ превышает 60 процентов. Превалирование МБ в южноевропейских странах говорит не о силе экономики, а о распространенности неформальных, «теневых» практик (уклонение от налогов, коррупция) и о кустарном характере многих производств.

В 2008 году был принят *The Small Business Act for Europe*, признающий центральную роль МБ в экономике Европы. Этот документ дал европейским политикам установку *Think Small First*¹³. Данный принцип требует от европейских политиков при принятии любых регулятивных новаций думать, как они скажутся на малом бизнесе. Это крайне важная инициатива: как мы увидим ниже, в России политики почти никогда не принимают решения, специально направленные против малого бизнеса.

- какого количества компаний и в каких отраслях коснется новое правило,
  - сколько оно будет стоить фирмам,
  - какое время потребуется на приспособление к нему,
  - нужно ли предусмотреть особые механизмы для МБ и
  - может ли регуляция изменить для компаний условия конкуренции (новое правило может неравномерно воздействовать на разные сегменты бизнеса)¹⁴.
- Если власти забывают думать о МБ как о

“Российский малый бизнес сконцентрирован в крупных городах — только на **Москву и Петербург** приходится около 30 проц. малых предприятий страны”.

Но он очень часто становится жертвой мероприятий, предназначенных, например, увеличить сбор налогов или упорядочить ситуацию в торговле.

Сначала думать о малом бизнесе — значит уже на ранних этапах разработки инициатив в экономической политике предугадывать, как они скажутся на МБ, и консультироваться с МБ во время их разработки. В Швеции введен обязательный трехмесячный период для таких консультаций. В Дании, Великобритании и ряде других стран госорган, меняющий правила игры, обязан рассчитать стоимость новых правил для бизнеса и доказать оправданность их введения. В Швеции и ряде других стран регулятор должен оценить:

«первичном потребителе» всех регулятивных воздействий, планируемых властью, в помощь им придуман «тест для малого бизнеса». Он предусматривает рассмотрение предлагаемых административных инициатив с точки зрения микро- и малых предприятий и коррекцию нововведений по его итогам (исключения, переходный период, смягчение регуляций и т. п.). Если бы такой принцип действовал в России в последние годы, федеральные, региональные и городские власти не смогли бы осуществить множество своих административных идей. «Привилегированное» положение малого бизнеса в госрегулировании не означает, что он получает необоснованные льготы.

Таблица 4

СРЕДНИЕ И МАЛЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ ЕВРОСОЮЗА В СТРУКТУРЕ ЗАНЯТОСТИ И ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА (2010)			
	Доля занятых, проц.	Производительность труда, тыс. евро	Производительность труда, в проц. от средней в экономике
Микропредприятия	29,9	31,8	71,1
Малые	20,5	39,7	88,6
Средние	17,1	47,5	106,2
Крупные	32,5	58,3	130,3

Источник: Eurostat, расчеты автора

Выгоды и издержки от регулирования чаще всего равномерно распределяются по экономике. Но для среднего и малого бизнеса — в силу меньшего размера и ограниченности доступа к ресурсам — регулятивные издержки в расчете на единицу продукции выше, чем для крупного. К тому же у МБ меньше возможностей перекладывать эти издержки на потребителя. Эту диспропорцию можно преодолеть за счет принципа *Think Small First*. Подобная забота приводит к упрощению множества регуляций. Например, во Франции фирмы с не более чем пятью работниками могут вместо множества документов заполнять одну бумагу, в которой рассказывается и о контракте, подписанном с работником, и о том, какие соцвзносы будут отчисляться с его зарплаты. В Британии используют другой удачный прием: новые регуляции, влияющие на бизнес, могут вступать в силу всего два дня в году. Исключения крайне редки. Как минимум за три месяца до этих дат администрация публикует обзор всех вступающих в силу регуляций.

Несмотря на все эти новации и содействие МБ европейское регулирование бизнеса более обременительно в сравнении с американским¹⁵ и с компаниями из многих развивающихся стран. Одновременно обременительное регулирование играет в Европе роль барьера, затрудняющего доступ иностранных фирм на рынок. Согласно опросам европейских бизнесменов, в упрощении нуждается регулирование трудовых отношений, международной торговли, получения лицензий на

производство новых веществ и лекарств¹⁶ и т. д. Еврокомиссия ведет работу по упрощению законодательства, но делает это крайне медленно¹⁷. Российскому малому бизнесу, увы, и о таком движении остается лишь мечтать.

Не предприниматели?

Как видно из сопоставления с Европой, малый бизнес в России слабо развит и играет в экономике крайне незначительную роль. Социологи и статистики настолько к этому привыкли, что даже не включили «собственный бизнес» в перечень источников доходов граждан во время последней переписи¹⁸. Может быть, дело в том, что переписные листы не вмещают слишком много информации? Но в них нашлось место для шести видов пособий, выплачиваемых государством (стипендия, пенсия, пенсия по инвалидности, пособие, пособие по безработице, другой вид гособеспечения). И не хватило место для двух слов: «свой бизнес».

Но может быть, россияне просто не склонны к предпринимательству? И как ни помогай малому бизнесу, оптимальной формой организации труда, с точки зрения большинства россиян, остается здесь крупная корпорация, особенно государственная? Ответить на этот вопрос помогает «Глобальный мониторинг предпринимательства» (*GEM*)¹⁹.

Результат неутешителен. В России меньше предпринимателей, чем во множестве развитых и развивающихся стран. Среди 68 стран, участвующих в мониторинге, у России уже несколько лет самый низкий уровень пред-

Таблица 5

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЕ НАСТРОЕНИЯ УХУДШАЮТСЯ (ДОЛЯ ЛЮДЕЙ, СОБИРАЮЩИХСЯ В БЛИЖАЙШИЕ ГОДЫ ОТКРЫТЬ СВОЕ ДЕЛО, В %)							
	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Предпринимательские настроения	8,5	5	5,3	4,6	4,3	5,8	3,8

Источник: GEM, 2006—2012

принимательских намерений: всего 3,8 проц. опрошенных планируют в ближайшие годы открыть свое дело. В 2012 году в России, по данным *GEM*, стало меньше владельцев устоявшегося малого бизнеса и начинающих предпринимателей с добровольной мотивацией. Зато выросло число «вынужденных предпринимателей». Это коррелирует с успехами Минздравсоцразвития, раздающего безработным по 60 тыс. руб. на открытие нового бизнеса: вместо планировавшихся 0,7 проц. безработных такие субсидии удалось всучить

8–20 проц. респондентов, а в Турции, Китае, Мексике — 20–23 процента.

В России создается очень мало новых компаний (см. таблицу 6 на стр. 71). При этом из вновь создаваемых лишь треть выживает больше трех с половиной лет (в Восточной Европе — 42 процента). На наивысшем уровне предпринимательская активность, по данным *GEM*, была в России на излете бурного экономического роста в 2006 году. Действующие бизнесмены тоже не считают, что сейчас подходящее время для открытия

“Среди 68 стран, участвующих в мониторинге, у России уже несколько лет самый низкий уровень предпринимательских намерений”.

3,3 процентам. Правда, министерство не отслеживает, насколько долго живут такие предприятия.

Особенно сильно разочаровались в предпринимательских перспективах молодые: доля студентов, собирающихся открыть свой бизнес, упала с 8,5 проц. в 2010-м до 5,7 проц. в 2011-м и до жалкого одного процента в 2012 году. Доля студентов, собирающихся стать предпринимателями, — лучшая интегральная оценка качества делового климата в стране. Студенты всё понимают правильно, поэтому в последние годы выросло число собирающихся работать в госкорпорациях и поступать на госслужбу.

Как и в случае со статистикой МБ в Южной Европе, слишком большое количество будущих предпринимателей свидетельствует о проблемной ситуации в экономике: по 30–70 проц. опрошенных имеют предпринимательские намерения в Анголе, Уганде, Гане, Эфиопии. Но силен и предпринимательский дух в более благополучных Аргентине, Бразилии и Чили (35–45 процентов). В развитых европейских экономиках предпринимателями собираются стать

нового бизнеса. Так, 20 проц. руководителей малых и средних предприятий, опрошенных в ходе процитированного выше опроса «Опоры», полагают, что сейчас начать новый бизнес невозможно или крайне сложно, а 42 проц. — что это сопряжено со значительными трудностями.

Более того, у нас меньше потенциальных предпринимателей, и их число сокращается: в 2011-м, по данным *GEM*, таких оказалось 7,5 проц., а в 2012 году — 5,5 процентов. И даже люди, уже ставшие предпринимателями, в последнее время стали видеть меньше возможностей для открытия нового бизнеса.

Низкий темп создания новых фирм коррелирует с негативным (в сравнении с европейскими странами) отношением населения к предпринимателям, которое было выявлено в опросе Центра макроэкономических исследований (ЦМИ) Сбербанка и Левада-Центра²⁰. В России заслуги предпринимателей («создают рабочие места», «создают товары и услуги») оценивают ниже, чем в европейских странах. А с негативными характеристиками («предприниматели эксплуатируют других», «думают только о своих кошельках») соглас-

но большее число респондентов. На низком уровне находится и «предпринимательский дух» — совокупность качеств, без которых невозможно заниматься предпринимательством (склонность к риску, конкуренции, изобретательность, независимость, уверенность в своих силах). По данным Сбербанка и Левада-Центра, готовность рисковать у россиян ниже, чем у европейцев и американцев, а установка на состоятельность — ниже, чем у американцев, но выше, чем у европейцев. Сравнительно мало в стране людей, готовых идти против других в отстаивании своей

принимательством. Причины: гарантированный и стабильный доход, соцобеспечение (в нашей стране доля респондентов, ценящих эти блага, заметно выше, чем в США, Западной и Восточной Европе). Среди препятствий для предпринимательства, по мнению опрошенных ЦМИ Сбербанка, на первом месте дефицит финансов (84 процента). В четырех банках, лидировавших в 2012-м по объему кредитов, выданных малому бизнесу (Сбербанк, ВТБ, Уралсиб, Промсвязьбанк), средние процентные ставки по таким кредитам составляли 15–20 проц. (под залог обору-

“В июле 2013-го в закон о малом и среднем предпринимательстве были внесены поправки, по которым можно считать малым бизнесом дочерние структуры госкорпораций”.

точки зрения. Высоко оценивая личную инициативность, самостоятельность и независимость, россияне в то же время полагают весьма низкими и спрос общества на эти качества (как и на профессионализм в целом), и их важность для достижения жизненного успеха.

Интересно, что при относительно низкой готовности к риску в России, по данным ЦМИ, сравнительно большое число респондентов соглашались с утверждением, что потерпевшим в бизнесе неудачу не следует давать «второй шанс». У предпринимателей нет права на ошибку — именно по этому пункту мнения россиян сильнее всего отличаются от позиции жителей других стран. Ниже и готовность населения потреблять продукты, созданные предпринимателями, когда-то испытавшими неудачу. В свою очередь, данные GEM показывают, что в России среди предпринимателей, выходящих из бизнеса, очень незначительна доля тех, кто планирует начать новый бизнес.

Итог предсказуем: россияне более, чем граждане других стран, склонны отдавать предпочтение наемному труду перед пред-

дования — 12–14 процентов). Столь высокий уровень ставок повышает финансовые риски МБ. Вторым по значимости препятствием к предпринимательству (76 проц.) население справедливо считает административные барьеры.

Низкая готовность к предпринимательству — результат одновременно «советского наследия» и государственной политики, поощряющей госслужбу и работу по найму в ущерб частной активности. В ежедневном опыте люди видят, как чиновники и силовые структуры отбирают бизнес у успешных предпринимателей, понимают, что в спорной ситуации суды будут на стороне чиновников. СМИ ежедневно показывают, что для организации успешного бизнеса необходимо «быть в доле» с силовиками и бюрократами, контролирующими данную сферу. Не удивительно, что потенциальные предприниматели выбирают в такой ситуации госслужбу или работу в госкомпаниях. В последнее время все больше таких «предпринимателей» можно видеть на работе в госструктурах.

Псевдопомощь

На поддержку малого бизнеса ежегодно тратятся достаточно внушительные суммы. В 2013 году такая поддержка стоит бюджету 34,5 млрд рублей²¹. Ее основную часть составляют средства, которые на конкурсной основе федеральный бюджет выделяет региональным бюджетам, а те тратят деньги на поддержку МБ. Четких целей программа не имеет, а различные индикаторы, ориентиры и цели по развитию МБ в разных официальных документах не совпадают друг с другом.

Эффективность такой поддержки стремится к нулю: в 2010 и 2012 годах Национальный институт системных исследований проблем предпринимательства не обнаружил никакой корреляции между распределением господдержки и уровнем развития МБ в регионах²². «Анализ подтверждает фактическое отсутствие статистически значимой связи между объемами оказываемой государством поддержки и результатами деятельности малых предприятий», — пишут исследователи. Причины такого положения понятны: по большей части, поддержка достается «своим». В июле 2013-го в закон о малом и среднем предпринимательстве были внесены поправки, по которым можно считать малым бизнесом дочерние структуры госкорпораций. Несомненно, такой МБ получит всю возможную государственную поддержку.

В последние годы объектом господдержки все чаще становится малый бизнес, связанный с инновациями (технопарки, бизнес-инкубаторы, индустриальные парки, поддержка малого предпринимательства в научно-технической сфере, региональные центры инжиниринга, поддержка малых инновационных компаний и т. д.). К сожалению, эти субсидии во многом расходуются не на поддержку самого малого бизнеса, а на создание и поддержание инфраструктуры для оказания такой поддержки, на создание в каждом регионе полного набора инструментов, предназначенных для развития МБ. Это важнейший фактор, объясняющий неэффективность программы. «Поддержка в большей мере оказывается собственно поддерживаемым структурам, а не самим адресатам программы», — констатируется в «Аудите программ поддержки малого и среднего предпринимательства».

Затраты на господдержку МБ распределяются келейно²³. Целевые индикаторы противоречат друг другу, невыполнимы или не связаны с господдержкой МБ. Часть средств, которые якобы расходуются на поддержку МБ, в реальности являются социальной помощью («помощь МБ в регионах, пострадавших от чрезвычайных происшествий») или сглаживанием регионального неравенства (поддержка МБ в моногородах).

Таблица 6

НАЧИНАЮЩИХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ ОЧЕНЬ МАЛО (В % ОТ ЧИСЛА ОПРОШЕННЫХ)		
	Начинающие предприниматели, владеющие своим бизнесом менее 3 месяцев	Владельцы нового бизнеса, управляющие им от 3 месяцев до 3,5 лет
Аргентина	12	7
Бразилия	4	11
Мексика	8	4
Турция	7	5
Голландия	4	6
Великобритания	5	4
Россия	3	2

Источник: GEM

При распределении средств по регионам не оцениваются ожидаемые результаты мер, которые предполагает осуществить регион; сами меры оцениваются сугубо по формальным критериям. Даже обнаружение гигантских финансовых нарушений при расходовании средств на поддержку МБ не мешает на следующий год предоставлять нарушителям средства. Помощь не стимулирует регионы наращивать налоговые поступления от МБ: главный критерий при распределении средств — количество зарегистрированных малых предприятий.

Еще одна причина неэффективности поддержки малого бизнеса — ее нацеленность на узкий сегмент предпринимателей. Господдержка — как прямая, так и через субсидирование процентных ставок по банковским кредитам — направлена в первую очередь на малые предприятия. Но доля таких предприятий в общем числе микро-, малых, средних предприятий и ИП в разные годы варьировалась в диапазоне 5–7 процентов. В России примерно впятеро больше микропредприятий (26–37 проц.), и еще больше ИП (57–67 процентов). Но на них господдержка распространяется гораздо реже, чем на собственно малые предприятия. В то же время суммарно на микропредприятия и ИП в 2011 году приходилось 51 проц. совокупного числа занятых в малом и среднем бизнесе и 42 проц. его выручки.

Эксперты неоднократно предлагали меры, способные сделать господдержку более эффективной²⁴. Среди них:

- введение межведомственного порядка господдержки с тем, чтобы выработка соответствующей политики, реализация и оценка не были сосредоточены в рамках одного ведомства;
- передача «второго ключа» по решениям о господдержке предпринимательским объединениям;
- поддержка МБ не через государствен-

ные, а через рыночные структуры (государство выделяет деньги, «бизнес-ангелы» и венчурные капиталисты распределяют их, соинвестируя свои средства) и т. д.

Однако пока серьезных изменений в программах госпомощи МБ сделано не было. Обсуждавшиеся в 2013 году новые меры поддержки тоже не слишком эффективны либо нереальны. Так, правительство раздумывало над идеей двухлетних налоговых каникул для начинающих предпринимателей (Минфин заблокировал это предложение). Но эта мера поставила бы их в неравные условия с теми, кто зарегистрировался раньше, — более правильным было бы снизить налоговое бремя для всех. Также предлагается направить на кредитование МБ 100 млрд руб. из фонда благосостояния и создать специальный фонд для гарантии возврата этих кредитов (10 млрд рублей). Желание залить проблему деньгами понятно — но развитию МБ это не послужит: средства достанутся «своим», как и обычная господдержка МБ.

В 2013-м правительство сделало акцент на двух мерах, призванных компенсировать недостатки делового климата. В регионах появились бизнес-омбудсмены по правам предпринимателей. А пассивность ведомств в улучшении климата начали преодолевать за счет «дорожных карт» по улучшению инвестиционного климата. Обе меры пока к заметному улучшению ситуации не привели.

Семь ножей в спину малого бизнеса

Стагнация в российском малом бизнесе наступила не только вследствие плохого делового климата. Вольно или невольно власти в последние годы предприняли несколько действий, не имеющих целью нанести вред МБ, но подрывающих его под корень. Ниже приведен перечень важнейших из них²⁵.

В 2006 году был принят закон, ужесточающий условия деятельности рынков. Он требовал постепенного (в течение 6 лет) закрытия

всех открытых торговых площадок. В Москве после этого силовые органы закрыли Черкизовский рынок, а затем городские власти в разных регионах страны стали в массовом порядке закрывать рынки один за другим. Например, в Москве за последние полтора десятилетия число рынков снизилось с 240 до менее чем 50. С 2005 года, по расчетам *Infoline*, количество рынков в России сократилось примерно вдвое. Массовое закрытие рынков привело к разорению производств, для которых рынки — чей ассортимент раз-

земли, которая нередко превышает рыночную цену в 2–6 раз²⁷.

С 2011-го социальные взносы, уплачиваемые с фонда оплаты труда, повышены с 26 проц. до 34 процентов. Затем ставка была снижена до 30 процентов. Но одновременно была отменена нулевая регрессия — теперь с высоких зарплат в ПФР отчисляются 10 процентов.

С 2012 года на ИП распространен порядок ведения кассовых операций (прием и выдача наличности по кассовым ордерам, ведение кассовой книги, расчет остатка денег

“Обнаружение финансовых нарушений при расходовании средств на поддержку малого бизнеса не мешает на следующий год предоставлять нарушителям средства”.

нообразнее, чем у торговых сетей — были основным каналом сбыта продукции. Кроме того, для небольших производств организация сбыта через торговые сети — дорогая и непосильная задача.

С 2010 года городские власти практически повсеместно усилили кампанию по сносу киосков, ларьков, небольших павильонов и прочих мест торговли, составляющих конкуренцию торговым сетям²⁶. Власти в одностороннем порядке расторгают многолетние договора, незаконно сносят сооружения и уничтожают оборудование. К примеру, в Москве количество киосков за последние три года сократилось в 2,6 раза — с 22 тыс. до 8,55 тысяч. Аналогичной атаке подверглась торговля в подземных переходах.

В последние два года во многих городах, включая Москву, были в разы повышены ставки аренды земли и помещений для малых предпринимателей. К примеру, в подмосковном Зеленограде малые предприниматели собрали более 1700 подписей, протестуя против роста арендной платы за землю в 2–30 раз. Плата выросла в связи с тем, что теперь ее взимают с учетом кадастровой стоимости

в кассе). Это лишь первый шаг в ограничении наличного оборота — в ближайшие годы планируется повысить лимит максимальных платежей наличностью.

С 2007-го в России был введен беспрецедентный запрет для мигрантов-иностранцев на работу в розничной торговле. Правда, затем он был смягчен путем замены на квотирование.

С 2013 года взносы в соцфонды, уплачиваемые индивидуальными предпринимателями, были повышены в два раза по сравнению с 2012-м (и почти в восемь раз по сравнению с 2010 годом). Это привело к резкому сокращению числа ИП. С максимума, достигнутого на 1 ноября 2012-го (4 122 тыс.), число ИП к 1 сентября 2013 года сократилось на полмиллиона — до 3602 тыс., то есть на 12,7 процента. Разумеется, часть из этих ИП, хотя и была зарегистрирована, в реальности никакой деятельности не вела. Однако среди тех, кто аннулировал регистрацию, много и работавших ИП²⁸. В ряде регионов было ликвидировано около четверти ИП.

С 2013-го введен запрет на торговлю спиртными напитками и табаком в кио-

сках, нестационарных торговых объектах. Результат – сокращение денежной выручки у значительной части малых предпринимателей. С 2013 года организации, находящиеся на упрощенной системе налогообложения, обязаны вести бухгалтер в полном объеме.

Итак, в последние годы ситуация для предпринимателей заметно ухудшилась.

Возможно ли развернуть этот тренд вспять

без того, чтобы в результате радикальных политических перемен бюрократия перестала ощущать себя правящим классом (а не сервисной структурой) – вопрос открытый. В любом случае, заложенные в последние годы тенденции еще долгое время будут ощутимо замедлять российскую экономику: потерять доверие предпринимателей куда легче, чем восстановить. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ *Зубаревич Н.* Региональные рынки труда России: Сходство непохожих. От чего зависит занятость в малом бизнесе // Демоскоп Weekly. 2008. С. 337–338 (<http://demoscope.ru/weekly/2008/0337/tema06.php>).

² Динамика развития малого предпринимательства в регионах России в 2002–2004 гг. М., 2005 (http://www.nisse.ru/netcat_files/176/136/h_82f76a298f1719ee40a67170f5a18694).

³ Динамика развития малого предпринимательства в регионах России в январе–марте 2013. Национальный институт системных исследований проблем предпринимательства. Ежеквартальный информационно-аналитический доклад. М., 2013 (http://www.nisse.ru/netcat_files/176/136/h_b6120b9cb80b67839ac7f1ffe822051b).

⁴ Росстат. Социально-экономическое положение России – 2013 г. Янв.-авг. Институциональные преобразования. Малые предприятия (без микропредприятий) // http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_01/IssWWW.exe/Stg/d08/2-3-2.htm

⁵ Национальный отчет «Глобальный мониторинг предпринимательства». Россия 2012. GEM, Высшая школа менеджмента СПбГУ (http://www.gsom.spbu.ru/files/upload/research/gem/gem_full_13.pdf).

⁶ Предпринимательский климат в России: Индекс Опоры 2012 // http://www.opora.ru/upload/law_data/index_2012.pdf

⁷ *Плаксин С.М., Жулин А.Б., Суворова И.К.* Мониторинг платности комплексных государственных услуг – 2009. М.: ВШЭ, 2010.

⁸ *Крылова Д., Плаксин С.* Оценка издержек получения государственных и муниципальных услуг, необходимых для строительства многоквартирного жилого дома. НИУ ВШЭ, препринт WP8/2011/08 (<http://www.ipamm.hse.ru/upload/>

[download/library/WP8_2011_08.pdf](http://www.ipamm.hse.ru/upload/download/library/WP8_2011_08.pdf)).

⁹ Росстат. Малое и среднее предпринимательство в России, 2012 г. // http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1139841601359

¹⁰ Малое и среднее предпринимательство России. 2012. Росстат, декабрь 2012 (http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1139841601359).

¹¹ Eurostat. Structural Business Statistics. Main Indicators. Annual Enterprise Statistics by Size Class for Special Aggregates of Activities (2010) // http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page/portal/european_business/data/database

¹² European Commission. Directorate General for Enterprise and Industry. Report of the Expert Group. Think Small First – Considering SME Interests in Policy-making. March 2009 // http://ec.europa.eu/enterprise/policies/sme/files/docs/sba/report_think_small_first_en.pdf

¹³ European Commission's Directorate General for Enterprise and Industry. Think Small First Principle // <http://ec.europa.eu/enterprise/policies/sme/small-business-act/think-small-first/>

¹⁴ European Commission. Report of the Expert Group...

¹⁵ Впрочем, американские предприниматели тоже жалуются на избыточное регулирование. См., например: *Грозовский Б.* Стартапы в США: знакомые проблемы // <http://journal.dasreda.ru/power/2814-startapy-v-ssha-znakomye-problemy>

¹⁶ Cut EU Red Tape: Report From the Business Taskforce. Oct. 2013 // https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/249969/TaskForce-report-15-October.pdf

¹⁷ REFIT – Fit for Growth: Examples How EU Law Is Becoming Lighter, Simpler and Cheaper. European Commission – MEMO/13/833, October 2013 // http://europa.eu/rapid/press-release_MEMO-13-833_en.htm

¹⁸ Тома официальной публикации итогов Всероссийской переписи населения 2010 года. Т. 5. Источники средств к существованию // http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm

¹⁹ Глобальный мониторинг предпринимательства. Национальные отчеты (Россия) // <http://www.gsom.spbu.ru/research/eship/projects/gem/>

²⁰ Инновационный и предпринимательский потенциал общества. Обследование Левада-Центра по заказу Центра макроэкономических исследований Сбербанка. Янв. 2012 // http://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/files/pdf/press_center/2012/1/IPPS.pdf

²¹ Аналитические материалы XIII Всероссийской конференции малых и средних предприятий «Инструменты поддержки и защиты малого и среднего бизнеса в условиях глобальных рынков. Май 2013. Приоритетные направления государственной поддержки малого и среднего предпринимательства в 2013 году на федеральном и региональном уровне // <http://www.rcsme.ru/libArt.asp?id=8435>

²² Индекс развития малого и среднего предпринимательства в регионах России в 2010 году. Июль 2012 // http://www.nisse.ru/work/projects/monitorings/raiting/raiting_3.html. Малое предпринимательство в регионах России в 2009 году. Индекс развития малого предпринимательства (уточненная версия). Апр. 2010 // http://www.nisse.ru/work/projects/monitorings/raiting/raiting_2.html

²³ Аудит программ поддержки малого и среднего предпринимательства, реализуемых

федеральными органами исполнительной власти. НИСИПП, март 2012. С. 7–8 // http://www.nisse.ru/business/article/article_1879.html?effort=

²⁴ Чепуренко А. Об «умной» политике содействия предпринимательству: Концептуальные соображения. V ежегодный форум по развитию малого и среднего бизнеса. 2013. Май // http://www.nisse.ru/netcat_files/136/83/h_4f6452f40c6d2c88a99277365bf967ec; *Он же*. Что такое предпринимательство и какая политика в отношении предпринимательства нужна России? Заметки на полях работ современных зарубежных классиков // Журнал Новой экономической ассоциации. 2012. № 2 (14) (http://www.nisse.ru/business/article/article_1947.html?effort=).

²⁵ Используются расширенные и дополненные автором этих строк перечни наиболее губительных для малого бизнеса действий, суммированных в: Бувев В. Почему поддержка МСП не дает прогнозируемых результатов. 2013. Авг. // <http://www.ecpol.ru/mikroekonomika/malyj-i-srednij-biznes/939-pochemu-gospodderzhka-msp-ne-daet-prognoziruemykh-rezultatov.html>; Что происходит с малым бизнесом и вокруг него? // Экспертный аналитический доклад. « Под ред. Чепуренко А. 2013. Апр. // http://www.nisse.ru/netcat_files/136/83/h_a4ff96e837e340e8866a6a561eaa87a7

²⁶ Грозовский Б. Реабилитация ларьков и рынков // <http://journal.dasreda.ru/power/2812-reabilitatsiya-larkov-i-rynkov>

²⁷ Дорогая моя земля: Столичные предприниматели в массовом порядке судятся с мэрией из-за резкого повышения платы на землю // <http://www.gazeta.ru/social/2013/10/14/5707557.shtml>

²⁸ Куда исчезает малый бизнес // Ведомости. 2013. 13 сент. (<http://www.vedomosti.ru/career/news/16314211/massovyy-ishod-v-neformaly>).

Азербайджан — что впереди? *

Следующие пять лет будут для Азербайджана критическими: ему придется адаптироваться и проводить реформы, необходимые для решения совершенно новых экономических и международных проблем.

Томас де Ваал

Как и ожидалось, 9 октября 2013 года на очередных президентских выборах в Азербайджане действующий президент страны Ильхам Алиев одержал более чем убедительную победу, получив свыше 84 проц. голосов избирателей. Этот результат никем не ставился под сомнение, хотя международные наблюдатели и критиковали сам порядок проведения выборов.

Главный вопрос теперь в том, что будет дальше. Можно с уверенностью сказать, что в 2018-м — к концу третьего президентского срока Алиева, Азербайджан станет совсем другой страной.

В начале 1990-х годов Азербайджан, только что обретший независимость, был бедным и изнуренным войной государством. С тех пор он проделал огромный путь. За последние несколько лет, после пуска в 2006-м нефтепровода Баку—Тбилиси—Джейхан, его экономика резко пошла вверх, и сегодня ВВП Азербайджана равняется 70 млрд дол., в двадцать с лишним раз превосходя показатель середины 1990-х. В то же время Азербайджан самыми разными способами заявляет о себе на международной арене. Так, в январе 2012 года начался двухлетний срок членства

Азербайджана в Совете Безопасности ООН, и в том же году Баку стал местом проведения конкурса Евровидения.

В ближайшие пять лет Азербайджан столкнется с новыми проблемами. Соотношение спроса и предложения энергоносителей на мировых рынках, а соответственно, и стратегические приоритеты Азербайджана уже начинают меняться. В самом Азербайджане общественность, вероятно, будет громче обсуждать социально-экономические проблемы и требовать политических свобод. Руководству Азербайджана придется реагировать на происходящее и оперативно приспосабливаться к новой реальности.

Стратегические приоритеты

Следующий этап развития Азербайджана, который по времени совпадает с предстоящим третьим президентским сроком Алиева, будет сложнее предыдущих. Нефтяной бум в стране вскоре кончится, но Азербайджан попытается компенсировать это, став крупным поставщиком газа в Европу.

Во внешней политике Азербайджан балансирует между своими более крупными соседями, причем ключевым фактором и здесь выступают энергоносители. Отношения с южным соседом — Ираном — у Азербайджана прохладные, а с Россией прагматичные.

Турция, язык которой очень близок к азербайджанскому, — безусловно, его лучший партнер. Баку готов заключить крупную газовую

* Автор благодарит Александру Мак-Лис за неоценимую помощь в проведении исследований. Все цитаты, если прямо не указано иное, взяты из ответов на вопросы, посланные комментаторам по электронной почте.

делку с Анкарой. Но их отношения не столь безоблачны, как можно было бы ожидать. Частично виной этому резкое различие идеологических взглядов умеренного исламиста Реджепа Тайиба Эрдогана и подчеркнуто секулярного Ильхама Алиева, которые явно не доверяют друг другу. Хотя Турция обеспечивает Азербайджану путь на запад, Баку отнюдь не всегда значится среди турецких приоритетов. Так, азербайджанское руководство было неприятно удивлено и разгневано, когда Турция начала процесс нормализации отношений с Арменией в 2008-м и 2009-м годах. И только уступая давлению Баку, Анкара оставила эти свои попытки.

Нужно сказать, что отношения Азербайджана с Россией несколько загадочны. В августе 2013-го президент России Владимир Путин побывал в Баку в сопровождении делегации самого высокого уровня. Обе страны, политические и экономические модели которых во многом схожи, публично декларируют дружбу и сотрудничают по ряду направлений, одновременно втайне питая подозрения относительно намерений друг друга.

В 1990-е годы Азербайджан был главным каналом проникновения в Россию исламских боевиков из-за рубежа для участия в чеченской войне. В наши дни Баку и Москва сотрудничают в усилиях сделать непроницаемой границу между двумя странами, проходящую в горной местности, с тем, чтобы воспрепятствовать просачиванию исламистов в Дагестан. Торговля между обеими странами тоже на подъеме. Недавно Россия объявила о продаже Азербайджану большой партии оружия. В Баку Путин заявил, что объем военно-технического сотрудничества между Азербайджаном и Россией в настоящее время оценивается в четыре миллиарда долларов¹.

Однако в отношениях двух стран есть и менее позитивные моменты. В прошлом году Азербайджан фактически вынудил Россию закрыть Габалинскую радиолокационную

станцию (РЛС), затребовав за нее несусветно высокую арендную плату.

Серьезный ущерб достижению внешнеполитических целей могут также нанести внутривнутриполитические факторы. Так, азербайджанские СМИ и парламентарии постоянно обвиняют Россию в том, что она якобы стояла за победой армян в карабахском конфликте, в ходе которого Азербайджан потерял значительную часть своей территории.

В Азербайджане очень остро отреагировали и на события в московском Бирюлево в октябре 2013 года, когда обвинение этнического азербайджанца (и гражданина Азербайджана) Орхана Зейналова в убийстве русского молодого человека повлекло за собой взрыв агрессии и насилия антииммигрантского и ксенофобского характера в городах России, за которым последовало демонстративно жесткое задержание Зейналова, широко транслировавшееся по российским телеканалам.

Азербайджан также стремится наладить хорошие отношения с Западом в первую очередь на основе сотрудничества в сферах энергетики и безопасности.

В 2018-м должен войти в строй Трансадриатический газопровод (TAP), по которому с азербайджанского месторождения Шах-Дениз через Турцию в европейские государства будет ежегодно поступать не менее 10 млрд кубометров природного газа. Согласно прогнозам, экспорт нефти из Азербайджана к тому времени пойдет на убыль (на самом деле он уже и сейчас меньше пикового показателя, достигнутого в 2010 году, из-за падающей добычи на шельфовом месторождении Азери—Чираг—Гюнешли в Каспийском море).

Сооружение Трансадриатического газопровода сделает Азербайджан энергетическим партнером Европейского Союза. Однако для Соединенных Штатов стратегическая ценность Баку к 2018 году,

скорее всего, уменьшится. Сейчас через Азербайджан проходит один из важнейших транзитных маршрутов в Афганистан, но к тому времени вывод американских войск из Афганистана должен быть завершен. Возможно, улучшатся и отношения Вашингтона с Тегераном, а это означает, что Соединенные Штаты будут меньше сосредоточены на сдерживании Ирана с помощью его соседей, в частности, Азербайджана.

Бывший посол США в Азербайджане Ричард Козларич так видит складывающуюся ситуацию: «В связи с изменениями в сфере региональной безопасности (по мере вывода сил западной коалиции из Афганистана) и на мировом энергетическом рынке (Азербайджан сталкивается с все более острой конкуренцией на рынках нефти и газа) значимость Азербайджана в мировом масштабе за последние несколько лет уменьшилась. Из этого следует, что Азербайджану придется создавать новую основу для поддержания позитивных отношений как с Западом, в частности, с Соединенными Штатами, так и со своими ближайшими соседями».

Неурегулированный конфликт

Поскольку соседи у Азербайджана в ближайшие пять лет останутся теми же самыми, сохранится и острейшая — как для Азербайджана, так и для Армении — проблема принадлежности Нагорного Карабаха, которой уже двадцать пять лет.

Опросы общественного мнения показывают, что для простых азербайджанцев этот неразрешенный территориальный спор остается проблемой номер один. Почти двадцать лет спустя после того, как Азербайджан потерпел чувствительное военное поражение в конфликте с Арменией, карабахскую проблему по-прежнему чрезвычайно трудно сдвинуть с мертвой точки. И как заметил один

западный дипломат в Баку, «это именно та проблема, в отношении которой президент Алиев не может позволить себе сделать неверный ход» (см. подверстку на с. 80–81).

В последние годы правительство Азербайджана увеличило военный бюджет до 4 млрд дол. в год. По замыслу, он должен превосходить весь государственный бюджет Армении. Президент Алиев утверждает, что он желает разрешить спор мирным путем, но его страна оставляет за собой право применить — в долгосрочной перспективе — силу, чтобы вернуть потерянные территории. Между тем на данный момент эта линия прекращения огня, или линия контакта, остается самой опасной милитаризованной зоной в Европе. Каждая из сторон разместила здесь более 20 000 солдат, противостоящих друг другу, в результате чего часто возникают перестрелки, в которых ежегодно гибнет более трех десятков человек. Так что этот конфликт трудно назвать «замороженным». Хотя степень реального насилия и невелика, уровень риторического насилия пугающе высок. Обе стороны, особенно азербайджанская, используют предельно воинственный язык по любому спорному поводу. Большая часть этой агрессивной риторики не что иное, как чистой воды политический театр, — в конце концов, армяне и азербайджанцы вполне мирно уживаются совсем недалеко от зоны конфликта — в Грузии. Как бы то ни было, гневная риторика подрывает надежды на мирное урегулирование проблемы.

Поддерживать мир вокруг Карабаха² с каждым годом становится все труднее. Армяне постепенно привыкают к тому, что они владеют этой землей и все менее склонны соглашаться с формулой «земля в обмен на мир», которая могла бы быть положена в основу мирного соглашения. Азербайджанский же лидер сталкивается с нереальными, завышенными ожиданиями в обществе, когда его значительная часть выступает за решение

проблемы вооруженным путем. Тем временем все внешние силы определенно стремятся предотвратить новый, потенциально разрушительный конфликт из-за этой спорной территории.

Все это означает, что наиболее вероятным сценарием развития событий в ближайшие годы явится сохранение ситуации «ни мира, ни войны», хотя вероятность новой вспышки военных действий, вызванной либо чьим-то просчетом, либо политическим кризисом, с каждым годом возрастает и требует к себе самого серьезного отношения.

Непрозрачная политика

В выборах 9 октября участвовало десять кандидатов, но из них реальным весом обладали только двое: действующий президент и кандидат от объединенной оппозиции Джамиль Гасанли³. Тот факт, что Алиев баллотировался на третий срок, сам по себе вызывал споры. Ранее президент в Азербайджане мог оставаться на своем посту два срока, то есть в этом году Алиев должен был бы уйти в отставку. Однако в марте 2009 года он организовал конституционный референдум⁴, результаты которого позволили ему баллотироваться на третий срок подряд⁵.

Гасанли получил 5,5 проц. голосов и занял второе место. Представители оппозиции утверждают, что их кандидаты стали жертвами фальсификаций. Их поддержала наиболее влиятельная группа наблюдателей — от ОБСЕ, представители которой заявили, что итоги выборов 9 октября искажены в результате ограничения свободы мнений, собраний и ассоциаций, не позволившего обеспечить равные условия для всех претендентов. Кампанию омрачали также непрерывные жалобы кандидатов и избирателей на запугивание и ограничения в отношении СМИ⁶.

Результаты выборов отражают наличие сложных проблем в рядах азербайджанской оппозиции. Две последние избирательные кампании продемонстрировали ее очень пло-

хую организацию. Многие из лидеров оппозиции — это ветераны недавно просуществовавшего правительства Народного Фронта (1992—1993 годы), популярность которых за эти годы ощутимо упала. В этом году оппозиции на короткое время удалось повысить свои ставки, выдвинув единым кандидатом весьма уважаемого человека — кинорежиссера Рустама Ибрагимбекова, который пользуется международной известностью. Невзирая на то что его высоко ценил Алиев-отец, а теперь и сын, Ибрагимбеков резко критикует нынешнее правительство Азербайджана, особенно за коррупцию и ситуацию с правами человека.

Однако в конце концов Ибрагимбекову пришлось снять свою кандидатуру, потому что у него было двойное гражданство: азербайджанское и российское. Он попытался отказаться от последнего, но не уложился в срок, оставивший ему возможность баллотироваться на пост президента. Тогда вместо него основные оппозиционные группы совместно выдвинули кандидатом 61-летнего историка Джамиля Гасанли.

Но ни до, ни после выборов оппозиция так и не смогла вывести большое число людей на улицы. Невозможно точно определить, чем это было обусловлено: отсутствием народной поддержки или просто страхом. Конечно, азербайджанской оппозиции приходится работать в весьма сложных условиях. Оппозиционные партии не могут проводить митинги в центре Баку и имеют ограниченный доступ к эфирному времени на телевидении; более того, кое-кто из оппозиционных активистов в этом году был арестован.

Вообще в 2013-м правительство жестко обходилось с инакомыслящими. Два ведущих оппозиционных политика⁷ — Ильгар Мамедов и Тофик Ягублу — в феврале были арестованы по сомнительным обвинениям и до сих пор находятся под стражей. Против Хадиджи Исмаиловой, занимающейся жур-

Конфликт в Карабахе

В мае 1994 года армяне и азербайджанцы подписали соглашение о прекращении огня, чтобы положить конец конфликту в Нагорном Карабахе, военную победу в котором одержала армянская сторона. С тех пор было предпринято несколько безуспешных попыток содействовать заключению мирного договора и произошли многочисленные акты насилия вдоль «линии контакта», разделяющей стороны. В целом здесь сохраняется чреватый обострениями статус «ни мира, ни войны».

Даже когда нет активных боевых действий, неразрешенный конфликт, то есть отсутствие мира между сторонами, разъедает общество изнутри. Речь идет не только об очевидных последствиях войны — о бедственной участи раненых, об обездоленных войной людях, о перемещенных лицах и закрытых границах, — но также и о неосознаемом вредоносном влиянии войны на политический дискурс и СМИ, лишаящем общество способности смотреть в будущее и заставляющее его жить прошлым. Пока что и Армения, и Азербайджан опустошены этими призраками прошлого.

В результате обе стороны накопили большой запас не находящей выхода агрессии. Внешне азербайджанцы намного более воинственны. Президент Ильхам Алиев в своих публичных выступлениях не только говорит о достижениях Азербайджана, но и стремится очернить Армению всеми возможными способами. Опрос, проведенный Кавказским центром исследований и ресурсов (CRRС) в 2011-м, показал невероятную статистику: 99 проц. азербайджанцев не хотят вести бизнес с армянами.

Но здесь что-то не так, это не соответствует моему опыту общения с азербайджанцами и является скорее следствием предвзятого («правильного») мнения, нежели внутреннего убеждения. Ведь эти 99 проц. должны включать в себя и кое-кого из множества азербайджанцев, реально поддерживающих деловые отношения с армянами на территории Грузии, в таких, например, местах, как рынок подержанных автомобилей в Рустави. Внешним наблюдателям необходимо воспринимать эту агрессию всерьез, но следует также иметь в виду, что в этом вопросе (как и в некоторых других) азербайджанцам свойственно двоемыслие, то есть на публике они говорят одно, а своим друзьям или дома на кухне — другое.

В условиях такой двойственности Азербайджан, как мне кажется, может склониться к самым разным вариантам действий. Так, благоприятные или неблагоприятные обстоятельства либо приход мудрого или не очень мудрого лидера могут стать причиной возобновления военных действий между Азербайджаном и Арменией либо, напротив, способствовать заключению между ними мирного договора.

Армяне Карабаха до сих пор переживают сильную психологическую травму и все еще настроены непримиримо. Армяне в целом несколько менее агрессивны. По данным соответствующего опроса, проведенного CRRС в Армении, 32 проц. армян сказали, что они готовы вести дела с азербайджанцами. Но как раз подобного и следует ожидать от представителей стороны, победившей в конфликте. Я бы сказал, что многие армяне пассивно-агрессивны: они говорят, что

хотят наладить дружественные отношения с Азербайджаном, но не уступив при этом ни пяди азербайджанской земли, которую они называют своей.

У каждой стороны свой сильный, иногда всеподавляющий комплекс жертвы. Как еще можно объяснить столь неумное решение азербайджанского руководства, как помилование переданного Азербайджану и уже осужденного убийцы Рамиля Сафарова? Ведь весь его подвиг состоял в том, что он убил спящего армянина.

В Ереване я как-то делал доклад, посвященный карабахскому конфликту и назвал Азербайджан «раненой нацией» — для меня это было вполне очевидно. Но армяне в зале не могли этого принять! И пока я заканчивал эту фразу, я слышал выкрики и гул недовольства. И те же самые армяне согласно кивали головами, когда я говорил, что мир должен прислушаться к голосу карабахских армян. Но им показались невыносимыми мои слова о перемещенных из Карабаха азербайджанцах (еще более обездоленных).

Продолжающийся, хотя и с заминками, мирный процесс и дипломатические переговоры — это, конечно, важно, но, чтобы дипломатическое решение заработало, оно должно найти позитивный отклик в странах, которых оно касается, а это значит, что каждая из сторон должна быть в состоянии признать законными претензии другой стороны.

Но сказав все это, я все же рекомендовал бы французским, российским и американским посредникам из Минской группы Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе продвигать уже разработанный

план, который представляется работоспособной рамочной структурой. Президенты Армении и Азербайджана не приняли его, но они настолько истощившие договорились о деталях, что, по общему мнению, другого пути просто нет.

Рамочный план мирного урегулирования, первый вариант которого был представлен еще в 2007 году, состоит из шести так называемых «базовых принципов», которые неразделимы. Они определяют последовательность позитивных действий, в результате которых: азербайджанцы возвращаются на оккупированные территории в Карабахе, находящиеся в настоящее время под военным контролем армян; армяне получают наземный коридор, связывающий Армению и Карабах; Карабаху предоставляется «промежуточный статус» перед возможным «юридически обязывающим волеизъявлением», которое должно определить окончательный статус этой небольшой спорной территории, и гарантом всего этого должны стать международные миротворческие силы.

Проблема данного миротворческого плана не столько в самом продукте, сколько в его маркетинге. Президенты обеих стран,

в частном порядке обсуждавшие это соглашение, которое могло бы двинуть вперед весь регион, позволив людям вернуться в свои дома и разблокировав местные коммуникации, не предпринимают практически ничего, чтобы сделать его привлекательным в глазах своей общественности. Оба народа остаются недоверчивыми, циничными, неуверенными в своей безопасности, предпочитая статус-кво неопределенным обещаниям лучшего будущего на основе компромисса.

Всё упирается в отсутствие доверия: неспособность сторон, отягощенных взаимными подозрениями и привыкших к гневной риторике, сотрудничать ради того, что могло бы стать для них взаимовыгодной целью. Вот почему, если я и осуждаю Минскую группу и вообще международное участие в этом конфликте, то не за качество дипломатии, а за то, что эти силы не действуют с достаточной решительностью, которая позволила бы продиктовать свою собственную, отдельную программу установления мира на этой земле.

Именно внешние силы могут сдвинуть с места этот процесс. Для этого они должны более активно включиться в разработку международного миротворческого

соглашения, которое стало бы основой для урегулирования конфликта.

И внешним субъектам следует более настойчиво продвигать пока еще не обнародованный «третий вариант», который станет основой для мирного соглашения. Если руководители Армении и Азербайджана не могут на виду у всех заключить договор во имя мира, пойти на компромисс и обеспечить взаимовыгодное будущее региона, то внешние силы, заинтересованные в мирном исходе карабахского конфликта, должны сделать это вместо них, проявляя большую активность в публичных дебатах, в СМИ, а также поддерживая тех мужественных людей, которые идут вразрез с официальным мнением своего государства.

Война в Нагорном Карабахе была трагедией. Здесь долго еще придется изживать горе, залечивать психические травмы, восстанавливать справедливость. Но я полагаю, что есть также и скрытые резервы для достижения компромисса и установления консенсуса между армянами и азербайджанцами, — резервы, которые пока игнорируются, но могут стать — при обоюдном желании — основой мирного соглашения.

налистскими расследованиями и публикующей статьи о коррупции в среде азербайджанской элиты⁸, была развернута кампания травли.

Недавно организация *Human Rights Watch*⁹ опубликовала доклад о наступлении на демократию в Азербайджане, в котором утверждается: «Правительство прилагает скоординированные усилия, имеющие целью ограничить политическую активность оппозиции, наказывает тех, кто критикует его действия или выступает с публичными обвинениями в коррупции,

а также ужесточает контроль за неправительственными организациями». В ответ на это в начале сентября заведующий отделом политического анализа и информационного обеспечения в администрации президента Азербайджана Эльнур Асланов¹⁰ назвал данный доклад политически мотивированным, заявив, что *Human Rights Watch* «работает по заданиям различных центров. В этом докладе не упоминается ни одно из последних достижений Азербайджана, и это ясно указывает на то, что его авторы выполняют чей-то заказ».

Все это означает, что хотя в краткосрочной перспективе оппозиция сделает все возможное, чтобы опротестовать результаты выборов, политическая конкуренция в Азербайджане в ближайшие годы, скорее всего, будет возможна лишь внутри правящей элиты.

Бывший президент Гейдар Алиев руководил Азербайджаном с конца 1960-х по 2003 год, сначала как лидер коммунистов, а потом (с небольшим перерывом) в качестве избранного президента. Он создал вертикаль власти, в рамках которой лично контролировал каждое серьезное решение, и завоевал огромный авторитет.

При его сыне, ставшем президентом в 2003-м, система власти несколько изменилась. Избранный президентом на третий срок, младший Алиев выйдет из могучей тени отца, который избирался президентом страны лишь на два срока. У него появится возможность отодвинуть в сторону некоторых авторитетных ветеранов из команды отца, таких, как руководитель администрации президента Азербайджана 75-летний Рамиз Мехтиев.

Вряд ли он сможет поддерживать тотальный контроль, подобный тому, что установил его отец, поскольку огромный рост национального богатства за последние несколько лет позволил набрать силу и другим политикам. Политическая система в настоящее время более олигархична, и сильные позиции в ней занимают министры, такие, как Кемаледдин Гейдаров (министр по чрезвычайным ситуациям) и Зия Мамедов (министр транспорта), у которых есть доступ к экономическим ресурсам и региональная поддержка.

Мнение народа

В таких странах, как Азербайджан, есть определенные трудности с точным замером общественного мнения, но тем не менее имеющиеся данные свидетельствуют о том, что

нынешний президент по-прежнему популярен, а общественное недовольство направлено больше против олигархов.

По данным опроса «Кавказский барометр-2012» (они скоро должны быть опубликованы), проведенного осенью 2012 года Кавказским центром исследовательских ресурсов, 83 проц. опрошенных в Азербайджане доверяют президенту полностью или частично. Респондентов, ответивших, что правительство поступает с ними «справедливо», было намного меньше — 49 проц., а 39 проц. опрошенных не согласились с этим утверждением.

Наружу народное недовольство в Азербайджане выплескивается не так часто. В начале 2012-го было несколько разрозненных и, по-видимому, не связанных между собой протестов с участием различных групп азербайджанского населения. Эти демонстрации были обусловлены в основном социально-экономическими и местными проблемами. Вот что думает по этому поводу адъюнкт-профессор географии в Университете Канзаса Шеннон О'Лир: «Общественные протесты в Азербайджане, если и не целиком, то в большей мере связаны с местными проблемами: например, где-то закрывают мечеть, или родственник местного чиновника не был задержан после дорожно-транспортного происшествия, виновником которого он стал, или торговцы протестуют против появления новых киосков на рынке. Но иногда причиной публичных протестов становятся общенациональные проблемы: например, в январе этого года в Баку имел место несанкционированный протест с участием нескольких десятков человек, причиной которого стала смерть солдата вследствие неуставных отношений».

Таким образом, хотя люди, может быть, и не считают, что правительство обходится с ними справедливо, они не обязательно предъявляют претензии высшему руководству страны. О'Лир объясняет это тем, что

«другие проблемы больше задевают их интересы или власть Алиева кажется им слишком прочной, чтобы ей можно было угрожать. Возможно, люди предпочитают выражать недовольство по поводу локализованных, осязаемых проблем, потому что здесь, как они полагают, у них есть шанс изменить ситуацию».

Наблюдатели в Азербайджане, придерживающиеся разных точек зрения, сходятся в том, что пока общество не видит альтер-

силы. Люди словно пребывают в спячке». Здесь Гаджизаде ведет, несколько утрируя, речь о наиболее активной части оппозиции. Но, ведь даже по официальным данным, за Гасанли проголосовало 200 тыс. избирателей, а реально, возможно, и значительно больше.

Важной неизвестной величиной остается политический ислам. Официально Азербайджан следует образцу кемалистской Турции — светского государства, в котором большинство составляют мусульмане. Баку —

“Политическая конкуренция в Азербайджане в ближайшие годы, скорее всего, будет возможна лишь внутри правящей ЭЛИТЫ”.

нативы нынешней правящей элите. Бренда Шаффер, профессор Университета Хайфы и специалист по Азербайджану, утверждает, что азербайджанское общество сделало выбор в пользу стабильности, которую обеспечивает нынешнее руководство. Она говорит: «Большинство людей в мире, пережившем “арабскую весну”, признают, что недееспособное государство не может в достаточной мере обеспечить права человека и что эффективная власть — даже при наличии у нее определенных недостатков — предпочтительнее нестабильности и беззакония. Идея постепенной эволюции политической системы пользуется в Азербайджане широкой поддержкой, а идея быстрых изменений или резкой смены идеологии представляется малопривлекательной».

По мнению активиста-демократа Хикмета Гаджизаде, «в системе, подобной той, что существовала в СССР при [Леониде] Брежнев, оппозиция невозможна. Реально можно, наверное, говорить о примерно двух сотнях отважных активистов, которых не удалось сломить и которые пытаются протестовать, — их можно назвать диссидентами... но за ними нет никакой народной

одина из немногих мусульманских городов в мире, где вы не услышите муэдзина, созывающего правоверных на молитву. Тем не менее легко заметить, что многие азербайджанцы, особенно молодежь, предпочитают более ярко выраженную мусульманскую идентичность. Об этом свидетельствует растущее число молодых людей, посещающих мечеть, и девушек, носящих хиджаб.

Большинство мусульман в Азербайджане — шииты. Азербайджан опасается влияния шиитского Ирана на юге и повстанцев-салафитов с Северного Кавказа на севере. Но, подавляя различные внешние проявления ислама, правительство Азербайджана скорее не улучшило, а ухудшило ситуацию. В ноябре 2011 года оно ввело запрет на ношение платков-хиджабов и закрыло несколько мечетей. Но тем самым оно устранило лишь внешние проявления воинствующего ислама, а не его причины, и загнало инакомыслящих в подполье.

Внешне Азербайджан, безусловно, стабилен, но в ближайшие пять лет ситуация может измениться. И определяющим фактором изменений, почти наверняка, окажется экономика.

Экономические перспективы

После нескольких лет рекордного роста экономики главный вопрос для Азербайджана на ближайшее будущее можно сформулировать так: устойчива ли его нынешняя экономическая модель, которая в значительной степени зависит от экспорта нефти (подробные ответы экспертов на этот вопрос см. ниже в разделе «Развернутые ответы» — с. 86–87).

Благодаря доходам от экспорта нефти, транспортируемой по нефтепроводу Баку—Тбилиси—Джейхан, темпы роста экономики Азербайджана в период между 2005 и 2007 годами были самыми высокими в мире. Но сейчас добыча падает (см. рис. 1 на с. 85). Выступая в Вашингтоне, округ Колумбия, в сентябре 2013 года специалист из Центра стратегических исследований в Баку Гюльмира Рзаева¹¹ заявила, что начиная с «2015–2016 годов [добыча нефти] будет... заметно падать». «Доходы достигли пика в 2010 году и теперь медленно снижаются, хотя Государственный нефтяной фонд, созданный в 2001 году, как раз и предназначен для поддержки государственного бюджета в случае такого снижения.

Падение мировых цен на нефть скорее ударит по экономикам богатых нефтью соседей Азербайджана — Ирана и России, чем самого Азербайджана, утверждает Бренда Шаффер. Если в ближайшем будущем цены на нефть понизятся, Азербайджан не очень пострадает от этого, потому что «он регулярно закладывает в свой государственный бюджет цену ниже фактической», — отмечает Шаффер. Азербайджан также «имеет сравнительно небольшую численность населения, поэтому он сможет удержать государственные службы на должном уровне, даже если цена на нефть понизится. Но странам с большим населением, экономика которых тоже базируется на экспорте нефти, таким, как Иран и Россия, будет труднее поддерживать уровень социальных услуг на прежнем уровне, если цена на нефть снизится надолго», — добавляет она.

Но хотя Азербайджану удастся смягчить эффект краткосрочного снижения доходов от продажи нефти, он вынужден осознавать новую суровую реальность: время легко достающихся больших доходов от нефти заканчивается. Чтобы справиться с этой проблемой, Азербайджан собирается в ближайшие пять лет превратиться в крупного экспортера газа.

Европейский Союз уже много лет проталкивает проект сооружения газопровода «Набукко», предназначенного для транспортировки газа с азербайджанского месторождения Шах-Дениз в страны Центральной Европы. Неопределенность в отношении самокупаемости «Набукко» в итоге привела к тому, что теперь речь идет уже не о столь амбициозном, но все же достаточно крупном проекте Трансадриатического трубопровода, который будет начинаться в Греции и пройдет через территорию Албании и Адриатическое море в Италию. По словам Лорана Русекаса из *IHS Cambridge Energy Research Associates*, не так важен фактический маршрут трубопровода, как сам факт того, что прокладывается прямой путь от Каспийского моря в Западную Европу. «Если все пойдет, как предполагается, реализация второй фазы проекта Шах-Дениз сделает Азербайджан крупным поставщиком газа», — говорит он.

Вместе с тем Государственная нефтегазовая компания Азербайджана *SOCAR*¹² расширяет свою деятельность на международном уровне и в будущем останется одним из игроков в европейской энергетической политике. Она является серьезным инвестором в Грузии и в Турции (НПЗ «Стар» в Измире). Недавно *SOCAR* также купила две трети акций газораспределительной сети Греции¹³.

Хотя по масштабам *TAP* скромнее «Набукко», именно это делает его менее уязвимым для колебаний спроса на газ в Европе. Накопленный опыт работы по про-

екту «Баку—Тбилиси—Джейхан» позволяет также оптимистично оценивать перспективы Трансадриатического газопровода, поскольку в этом случае, как только проект был одобрен, поставщики и потребители стали учитывать его в своих планах на будущее, тем самым подтверждая его жизнеспособность.

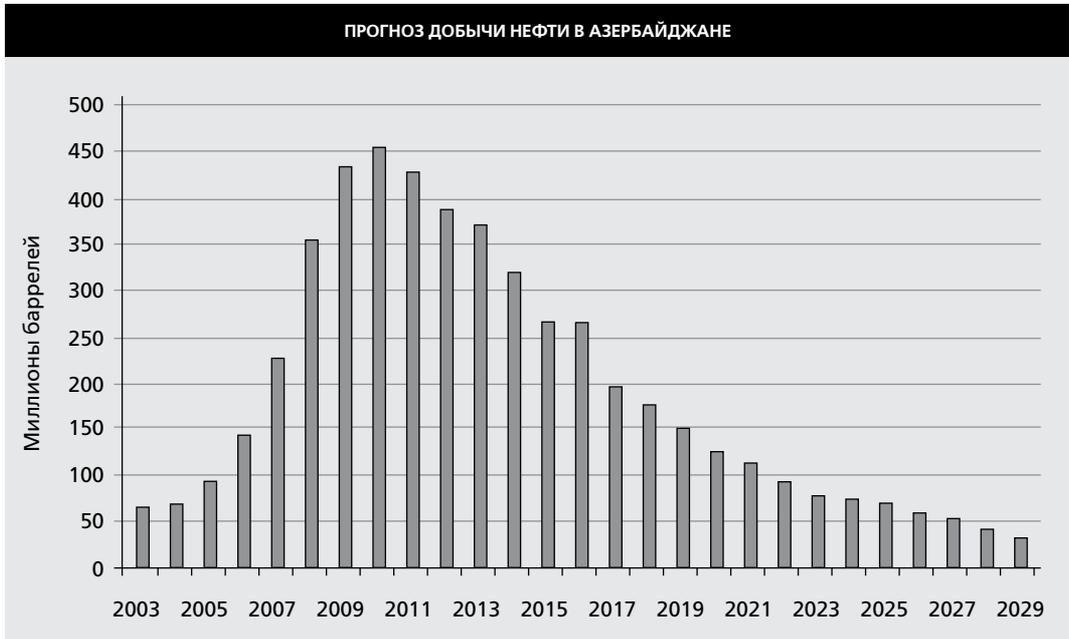
Однако по сравнению с нефтяным рынком мировой газовый рынок более волатилен и доходы на нем в целом ниже. По словам Рзаевой (сентябрь 2013 года), «если за 1000 тонн нефти Азербайджан получал около 800 дол., то за 1000 кубометров газа он будет получать только 50 долларов. Это сравнение наглядно демонстрирует разницу между доходами страны от нефти и от газа». Даже самые оптимистические прогнозы предполагают, что за десятилетие страна получит за газ менее половины того, что она зарабатывает ныне на экспорте нефти. Между тем на пятки Азербайджану наступают другие производители углеводородов, и азербайджанскому газу

придется конкурировать с газом из Алжира, Восточного Средиземноморья и Северного Ирака, а также со сжиженным природным газом (СПГ) из других регионов мира.

Но чем дольше доходы от нефти и газа поступают в государственный бюджет Азербайджана, тем больше в обществе возникает вопросов о том, как распределяется это новое богатство. Коррупция уже сейчас вызывает серьезную озабоченность. Например, крупный скандал разгорелся в прошлом году, когда бывший ректор университета, сбежавший во Францию, распространил компрометирующую информацию о продаже-покупке мест в парламенте страны¹⁴. В 2012 году по индексу восприятия коррупции¹⁵, определяемому организацией *Transparency International*, Азербайджан занял 139-е место (из 176), оказавшись на одном уровне с Россией.

Как считает О’Лир, анализ опыта стран, находящихся в сходной ситуации, то есть стран с чрезмерной зависимостью эконо-

Рисунок 1

Источник: Центр Экономического и Социального Развития, Баку

мики от экспорта нефти, свидетельствует, что «неравномерное распределение выгод от нефтяной ренты позволяет правящей политической элите не заниматься совершенствованием системы государственного управления с целью создания базы для процветающего общества». Она предостерегает: «Если Азербайджан продолжит движение по этому пути, ожидания его населения могут так и не исполниться».

Глядя в будущее

Свой третий президентский срок Ильхам Алиев начинает, находясь в относительно безопасном положении. Азербайджан переживает невиданный расцвет и добился заключения важного международного соглашения, впервые предусматривающего поставки газа напрямую с Каспийского моря в Европейский союз.

Однако политическая система Азербайджана остается закрытой и непрозрачной, и это вызывает тревогу, потому что опыт руководителей, уже давно возглавляющих соседние страны (Эрдогана в Турции и Владимира Путина в России), показывает, что даже лидеры, чья власть, казалось бы, непоколебима, сталкиваются с опасными и неожиданными вызовами, возникающими словно бы из ничего. Остаться неподвижными, когда мир вокруг быстро меняется, — это не выход для азербайджанского руководства. Следующие пять лет будут для Азербайджана критическими: ему придется адаптироваться и проводить реформы, необходимые для решения совершенно новых экономических и международных проблем.

Приложение: развернутые ответы

В сентябре 2013 года нескольким специалистам по Азербайджану было предложено ответить на вопрос «Является ли азербайджанская экономическая модель устойчивой?». Вот их ответы:

Губад Ибадоглу, член руководства Центра экономических исследований (Баку):

«В краткосрочной перспективе – да, но в среднесрочной и долгосрочной перспективе велики финансовые риски».

Ричард Козларич, бывший посол США в Азербайджане:

«В свете стагнации или сокращения экспорта энергоносителей и отсутствия серьезной экономической диверсификации в неэнергетическом секторе нынешняя экономическая модель не выглядит устойчивой. Если же экономическая модель неустойчива, то и нынешняя политическая система, построенная на коррупции, будет испытывать сильные перегрузки».

Лоран Русекас, старший советник компании IHS Cambridge Energy Research Associates:

«В масштабе пяти-десяти лет – возможно, но в долгосрочной перспективе, конечно, нет, так как азербайджанская экономическая модель основана на доходах от экспорта нефти, которые постепенно сокращаются. Скорее всего, Азербайджан превратится в крупного экспортера газа, и доходы от экспорта газа, как и от экспорта конденсата с газовых месторождений, помогут ему выжить. Но... весьма вероятно, что при отсутствии значительного подъема мировых цен на нефть в Азербайджане проявится общая тенденция к медленному снижению доходов от экспорта углеводородов. При этом сокращаются возможности инвестирования нефтяных денег в местную экономику, а это негативно отразится на развитии других секторов, которое в последние несколько лет было относительно устойчивым».

Бренда Шаффер, профессор Университета Хайфы и приглашенный исследователь в Университете Джорджтауна:

«Более половины доходов, получаемых Азербайджаном от экспорта нефти, направляется в Государственный нефтяной фонд, благодаря чему страна с ее относительно небольшим населением сможет пережить возможные скачки цен на нефть. В отличие от экспорта нефти, прибыль от реализации газовых проектов начинает поступать далеко не сразу,

обычно более чем через десять лет. Однако осуществление новых проектов экспорта газа будет стимулировать хозяйственную деятельность и создание рабочих мест. Значительную часть запасов на месторождении Шах-Дениз составляет газовый конденсат, и экспорт этого продукта может обеспечить быструю прибыль, в то время как от начала реализации любого проекта экспорта природного газа с использованием трубопроводов до поступления первой прибыли проходит много времени». ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ <http://www.bloomberg.com/news/2013-08-13/azeri-russian-arms-trade-4-billion-amid-tension-with-armenia.html>
² <http://carnegieendowment.org/2013/06/19/new-narrative-for-karabakh-conflict/gb2e>
³ http://history.bsu.edu.az/en/content/jamil_poladkhan_hasanly__248
⁴ <http://humanrightshouse.org/Articles/10357.html>
⁵ http://www.rferl.org/content/Azerbaijani_Parliament_Approves_Referendum_On_Presidential_Term_Limit/1364057.html
⁶ <http://www.osce.org/odihr/elections/106901>
⁷ <http://www.amnesty.org/en/for-media/press-releases/azerbaijan-opposition-candidate-arrested-ahead-presidential-elections-2013>
⁸ <http://www.freedomhouse.org/article/smear-campaign-escalates-against-azerbaijani-rferl-reporter>

⁹ <http://www.hrw.org/reports/2013/09/01/tightening-screws>
¹⁰ http://en.apa.az/xeber_azerbaijan__s_presidential_administration_198738.html
¹¹ <http://www.jamestown.org/press/events/video-azerbaijan-and-the-southern-gas-corridor-to-europe-implications-for-us-and-european-energy-security/>
¹² <http://www.invest.gov.tr/en-US/infocenter/news/Pages/220513-socar-signs-turkey-refinery-deal.aspx>
¹³ <http://abc.az/eng/news/76138.html>
¹⁴ <http://www.theatlantic.com/international/archive/2013/01/how-to-buy-a-seat-in-azerbaijans-parliament/267065/>
¹⁵ <http://www.transparency.org/country#AZE>

Один год «Грузинской мечты»

Чем больше руководители Грузии будут полагаться на неформальное влияние со стороны Иванишвили, тем менее подотчетны они будут грузинскому народу и тем менее представительной будет система управления.

Джулия А. Джордж

27 октября 2013 года в Грузии прошли пятые по счету — после обретения страной независимости — президентские выборы. Спустя двадцать два года после того, как состоялись конкурентные выборы, в результате которых диссидент Звиад Гамсахурдия стал первым президентом независимой Грузии, теперь, по итогам самых свободных и честных на сегодняшний день выборов в Грузии, президентом избран Георгий Маргвелашвили, получивший 62 проц. голосов. Сторонники демократического правления одобрили этот избирательный процесс, сочтя его символом успеха демократии в Грузии, но вместе с тем их тревожил непрозрачный стиль руководства премьер-министра Бидзины Иванишвили. Направление трансформации режима в Грузии по-прежнему остается неясным, несмотря на относительно простую картину электоральной борьбы, имевшей место в этом году.

Теоретические соображения

Многих ученых и аналитиков беспокоят проблемы демократии в посткоммунистических государствах Евразии. Они уделяют основное внимание выборам и политической стабильности, пытаясь обнаружить признаки либеральной политической культуры, выражающие стремление элит и народных масс к обеспечению прав личности даже для

представителей, как правило, отвергаемых меньшинств (например, гомосексуалистов и «свидетелей Иеговы»), и зачастую сетуют на недостаточную активность гражданского общества за пределами столиц¹. В случае с Грузией подобный подход предполагает, что ее политическое устройство сейчас претерпевает некие изменения и находится в стадии перехода от одного типа режима к другому. В западной терминологии этот процесс характеризуется как переход от авторитаризма к демократии — при не вызывающем сомнения предположении, что это процесс не только естественный, но и прогрессивный и самоочевидный для местного электората.

Из всех способов, с помощью которых оценивают демократизацию, именно выборы (насколько они справедливы, свободны и состязательны) нередко дают удобный и легко измеримый показатель для оценки относительной свободы общества. Подобная логика — что свободу общества можно точно измерить, изучая данные избирательной кампании, которая длится в течение месяца или около того, и поведение элит и масс в день выборов — хотя и выглядит убедительной и подходящей, все же самонадеянна. Метод, с точки зрения журналистов и редакторов, не вызывает сомнений: выборы представляют собой такой момент во времени, когда мы можем однозначно оценить, входит данное общество в круг мировых демократий или нет.

Безусловно, эта поверхностная логика ошибочна и ее допущения неточны. Демократия – одна из форм режима; режимы формируют методы осуществления власти в государстве. Выборы в демократических государствах представляют собой один из механизмов, с помощью которых управляемые реализуют свою власть над правительством, именно таким образом массы населения осуществляют свою власть. Сами выборы, таким образом, в миниатюре отражают взаимоотношения между населением и властью, той группой лиц, принимающих решения, длительность пребывания которых у власти зависит от согласия управляемых. Однако предположение, что выборы действительно являются такого рода отражением, таит в себе определенную опасность. Но как учили нас светила, в частности Гильермо О’Доннелл, даже в политических системах с чистыми выборами результаты могут быть и непрозрачными, и нерепрезентативными ².

Подобная дискуссия о демократии и роли выборов как инструмента для ее «измерения» позволяет встроить в определенный контекст наши размышления о демократии и о том, каким образом мы могли бы судить о ее наличии или отсутствии в такой стране, как Грузия. С одной стороны, широта этого термина и особенно его использования помогают осознать исключительную сложность понятия государственного режима и трудность его измерения. Более того, многие наблюдатели хотели бы дать грузинскому режиму черно-белую оценку («демократический он или нет?»), поскольку легче рассматривать режим с точки зрения результата, нежели процесса. Однако режим по самой своей сути действительно является собой процесс: это процесс, посредством которого власть проявляется и применяется в рамках государства. Таким образом, наш анализ должен отражать этот базовый тезис.

Мы можем по-разному оценивать, насколько данный режим подотчетен электорату, в какой мере политические лидеры представляют население, насколько институционализирован процесс управления и в какой степени система оставляет свободу деятелям оппозиции, чтобы политика была по-настоящему конкурентной. Мы можем также рассмотреть вопрос о том, насколько стабильна политическая система (насколько реально избежать краха и отставки правительства) и насколько она способна разрабатывать и реализовывать политические инициативы, отражающие общественные интересы и долгосрочные потребности государства. Этот список достаточно обширен, и большинство государств, которые заявили о своих демократических устремлениях, с чем-то справляются весьма успешно, а в чем-то отстают. Именно такого рода понятные колебания вызывают разногласия между теми, кто склонен оценивать режим как результат, и теми, кто оценивает режим как процесс. Подобные разногласия присутствовали в грузинской политической системе с момента образования независимого государства, хотя наиболее заметно они проявились в первые годы после «революции роз», произошедшей в 2003-м, и далее в годы взлета и падения Единого национального движения под руководством Михаила Саакашвили.

Пятые президентские выборы в Грузии состоялись через год после исторических парламентских выборов, в результате которых власть впервые перешла от правящей партии к оппозиционной коалиции на основании итогов выборов, что дает нам повод рассмотреть процессы, составляющие основу грузинского режима. Для этого мы подробнее остановимся на эволюции процесса управления в Грузии (например, на механизмах, с помощью которых избираются лидеры), рассмотрим ключевые фигуры, связанные с этими процессами, и результаты последующей политики. Исследование показывает, что

последние четыре избирательные кампании в Грузии (в особенности последние две) ознаменовали собой институционализацию процесса свободных и справедливых выборов. Однако подотчетность и избирательность в политической жизни Грузии пока лишь зарождаются, следовательно, будущие выборы позволят определить, в какой степени система действительно конкурентна. Многое зависит от поведения ключевых фигур в грузинской политике, в частности, от покинувшего свой пост премьер-министра Бидзини Иванишвили, положение которого изменяется с выборного и подотчетного на не зависящее от воли избирателей. Наконец, полезно проанализировать результаты политики, проводившейся в Грузии. Эта страна столкнулась с серьезными структурными и территориальными проблемами, и она нуждается в обширных политических инновациях и творческом подходе. Здесь вновь встает вечный вопрос о том, в какой мере демократический процесс приводит к выдвижению лидеров, способных решать подобные задачи.

Ключевые фигуры, подотчетность и представительство в грузинской политике и ее результаты

Когда в конце 2011-го Бидзина Иванишвили сформировал коалицию «Грузинская мечта», он объединил несколько разнородных партий из всего грузинского политического спектра. Альянс был неправдоподобным настолько, что сам Иванишвили еще до выборов 2012 года предсказал, что коалиция, если она придет к власти, долго не просуществует. После победы «Грузинской мечты» в 2012-м Иванишвили объявил о своем намерении уйти из грузинской политики и, в частности, покинуть пост премьер-министра. Спустя неделю после того, как Георгий Маргвелашвили был избран президентом, Иванишвили представил своего преемника Ираклия Гарибашвили, на тот момент мини-

стра внутренних дел и бывшего руководителя благотворительного фонда «Карту» (*Cartu Foundation*).

Относительно того, насколько важна политическая деятельность той или иной крупной политической фигуры в Грузии, остается пока много вопросов, на которые даются самые разные ответы, касающиеся роли харизматичных и мессианских лидеров в грузинской политической культуре, значения представительства и последних выборов для институционализации конкурентной политики в Грузии и, наконец, того, в какой степени эти выборы продемонстрировали признаки реальной и долгосрочной подотчетности и ответственности в грузинской политике.

ТРАДИЦИЯ МЕССИАНСТВА В ГРУЗИНСКОЙ ПОЛИТИКЕ

До своего неожиданного появления на грузинской политической сцене в 2011 году Бидзина Иванишвили вел жизнь богатого и эксцентричного тбилисского бизнесмена. Однако он незримо присутствовал за кулисами и был щедрым благотворителем, распространяющим свою благотворительность на многие области. Он финансировал восстановление объектов, значимых для грузинской общественности, например, на его деньги был осуществлен ремонт Тбилисского оперного театра и одного крыла Тбилисского государственного университета. Его вложения позволили грузинскому правительству повысить заработную плату и закупить для армии обувь. Будучи, как говорят, человеком отнюдь не набожным, он оплатил строительство и реконструкцию многих церквей по всей Грузии. Тем не менее после вступления в должность премьер-министра он открыто выразил желание добровольно отказаться от власти. Роль Иванишвили как, на данный момент, последнего «освободителя» Грузии приводит в замешательство аналитиков, пытающихся понять мотивы такого реше-

ния премьер-министра. В недавней статье, опубликованной в журнале *Economist* под названием «Бидзина — не мессия», предпринимается попытка дать ответ на этот вопрос со ссылками на мессианские призывы и риторику Иванишвили, несмотря на то что он как раз стремился разорвать порочный круг, обусловленный традицией грузинского народа путать политических лидеров со «спасителями», достойными культового поклонения и обожания³. Один из способов объяснить

ское реформистское движение пришло к власти, а сам Гамсахурдия стал сначала председателем Верховного Совета, а затем и первым демократически избранным президентом Грузии. Созданная самим Гамсахурдией Национальная гвардия и связанные с ним военизированные формирования насильственно отстранили его от власти в 1992 году. Вспыхнувшая затем борьба за власть переросла в гражданскую войну, поскольку сторонники Гамсахурдии, особенно в Мегрелии,

“За исключением вновь избранного Георгия Маргвелашвили все президенты Грузии так или иначе играли роль спасителей”.

нежелание Иванишвили удерживать формальную власть — это всерьез отнестись к его словам, когда он сказал, что намерен избавить Грузию от свойственной ей привычки возводить своих самых влиятельных людей в ранг героев — со всеми вытекающими из этого ожиданиями.

За исключением вновь избранного Георгия Маргвелашвили (и Нино Бурджанадзе, срок президентства которой был очень недолгим, поскольку она временно исполняла обязанности президента перед тем, как этот пост занял Саакашвили), все президенты Грузии так или иначе играли роль спасителей. Первый грузинский президент Звиад Гамсахурдия в советское время был диссидентом и борцом за права человека. Как раз тогда, когда грузинский сепаратизм обретал форму, грузинский национализм и антисоветская риторика Гамсахурдии оказались популистски привлекательными. Насилие в отношении мирных демонстрантов в апреле 1989 года помогло подвигнуть грузинское население на выступления против того, что Гамсахурдия трактовал и многие воспринимали как советский империализм. В результате выборов в 1990-м и 1991 годах это популист-

взялись за оружие, чтобы поддержать его претензии на пост президента.

В состав Военного совета (исполнительного органа, пришедшего на смену президенту) вошли начальник Национальной гвардии Гамсахурдии Тенгиз Китовани, лидер военизированной группировки Джаба Иоселиани и бывший премьер-министр при Гамсахурдии Тенгиз Сигуа. Постоянно повторяющимся мотивом в грузинской политике стало то, что последователи мессианских лидеров сначала отворачиваются от своих наставников, а затем берут над ними верх (кстати, Иванишвили, похоже, постарался нарушить эту традицию). Стремясь придать себе вес, Военный совет предложил Эдуарду Шеварднадзе, бывшему первому секретарю ЦК Компартии Грузии и бывшему министру иностранных дел СССР, изменить политическую ситуацию в стране, возглавив только что образованный орган исполнительной власти — Государственный совет. Судя по всему, члены военного триумвирата надеялись, что репутация Шеварднадзе позволит в какой-то мере удовлетворить ожидания общественности, в то время как реальная власть останется в их руках. К 1995 году Шеварднадзе укрепил

исполнительную власть в Грузии, но в собственных интересах.

Шеварднадзе удалось разрешить кое-какие структурные и территориальные проблемы, стоявшие перед Грузией. К 1997 году он обеспечил стране макроэкономическую стабильность и привлек западные инвестиции. В отличие от своего предшественника, равно как и в отличие от своего преемника, Шеварднадзе лучше удавалось лавировать между Сциллой и Харибдой, сохраняя баланс между связями

и политическим противоборством одновременно: реальных альтернатив было немного, а явка избирателей была исключительно высокой. Бывшие оппозиционные партии присоединились к правящей партии (именно тогда Национальное движение и стало Единым национальным движением), фактически предоставив ЕНД широкий мандат на проведение политических реформ.

В политической программе ЕНД содержались обещания искоренить коррупцию,

“До тех пор пока грузинское население будет страдать от повсеместной бедности, присутствие Иванишвили будет ощутимо, даже если он сам останется за кулисами”.

Грузии с Россией и ее западными амбициями. Хотя Шеварднадзе использовал риторику демократических норм и процессов, коррупция при нем процветала. Несмотря на то что парламент при Шеварднадзе активно работал и СМИ были относительно свободными, на выборах все же имели место фальсификации, особенно в областях на юге страны. Коррупция, фальсификации на выборах в ноябре 2003-го и наличие мощной оппозиционной коалиции под руководством Михаила Саакашвили, Зураба Жвания и Нино Бурджанадзе — все это вместе привело к массовым протестам в Тбилиси и отставке Шеварднадзе в пользу его бывшего протеже.

Мобилизация масс и энергия «революции роз» привели к созданию коалиции «Единое национальное движение» (ЕНД). Если на ноябрьских парламентских выборах 2003 года, согласно параллельному подсчету голосов, ЕНД получило 26 проц. (и 10 проц. набрала партия Бурджанадзе)⁴, то к президентским выборам, которые состоялись в январе 2004-го, популярность Саакашвили достигла невиданных размеров, и он победил, получив в целом по стране 97 проц. голосов⁵. Эти выборы были и коронацией,

восстановить инфраструктуру в стране, а также привлечь значительные финансовые инвестиции, ориентироваться на Запад и восстановить территориальную целостность Грузии. Новая власть с самого начала была резка в своих действиях: достаточно вспомнить драматичное насильственное изгнание Аслана Абашидзе, лидера Аджарии, и жесткую риторику относительно роли России в грузинских делах. Как в свое время Шеварднадзе сумел укрепить государственную власть и подчинить ей военизированные формирования, а также обеспечить устойчивость валютного курса, Единое национальное движение добилось значительных успехов, особенно в расширении государственного бюджета и формировании эффективной инфраструктуры. Однако наряду с политическими победами имели место и провалы. Правящая партия внесла поправки в конституцию, с тем чтобы выстроить суперпрезидентскую структуру власти, усилила и без того наделенное обширными полномочиями, активно действующее Министерство внутренних дел и создала мощную прокуратуру, которая достигла уровня раскрываемости преступлений 99 процентов. Августовская

война 2008 года и разгон митингующих в 2007-м еще в большей степени подорвали позиции режима Саакашвили. Когда последний срок президентских полномочий Саакашвили подходил к концу, правящая партия инициировала ряд конституционных реформ, которые должны были установить в Грузии парламентскую систему с сильным премьер-министром. ЕНД явно ожидало, что оно по-прежнему будет доминировать на электоральном поле и в 2012-м назначит премьер-министра.

Появление Бидзины Иванишвили на политической сцене в 2011 году грузинский народ приветствовал так же, как в свое время появление Гамсахурдии, Шеварднадзе и Саакашвили. Из-за особенностей законодательства Грузии, касающихся двойного гражданства, Иванишвили отказался от своего грузинского паспорта, но тем не менее жил в Тбилиси и финансировал все реформы Саакашвили, который был готов брать его деньги, но не был готов предоставить ему двойное гражданство по ходатайству, поданному Иванишвили в 2011 году (по конституции, это прерогатива президента Грузии). История Иванишвили привлекает всеобщее внимание, отчасти из-за его щедрости, но также и из-за яростных попыток ЕНД провалить его политическую кампанию.

Иванишвили прав, выражая беспокойство относительно политической культуры Грузии, которая, казалось бы, поначалу призывает спасителя, а затем отвергает его, поскольку обнаруживается, что он человек и у него есть недостатки. Частью проблемы для Гамсахурдии, Шеварднадзе и Саакашвили была коррупция, которая, как в свое время заметил лорд Экстон, всегда сопровождает абсолютную власть. Но другая часть — это сложность управления Грузией с ее территориальной раздробленностью, тяжелым экономическим положением и непростым региональным окружением. Этой стране

нужны искусные, способные к нововведениям руководители, которые могут сохранять холодную голову и у которых достанет смирения перед лицом постоянных искушений, а также сильно завышенных общественных ожиданий и низкопоклонства. Именно с такими проблемами столкнулся Иванишвили при формировании «Грузинской мечты», и это побудило его отречься от формальной власти в рамках грузинской избирательной системы. Но поскольку ни новый президент Грузии Георгий Маргвелашвили, ни новый премьер-министр Иракий Гарибашвили не соответствуют роли спасителя, грузинская общественность по-прежнему много ожидает от Иванишвили, чье личное состояние превышает годовой бюджет Грузии. До тех пор пока грузинское население будет страдать от повсеместной бедности, присутствие Иванишвили будет слишком ощутимо, даже если он сам останется за кулисами.

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПОДОТЧЕТНОСТИ Вполне возможно, что кажущаяся склонность грузин к неожиданным переворотам и мобилизации населения обусловлена нехваткой демократических ценностей. Подобное критическое мнение связано с опасениями относительно политической преемственности, но в данном случае упускается из вида важность других норм, которые также ассоциируются с демократическим правлением, в частности, политической подотчетности. История спасителей Грузии — это всегда коронация с последующим свержением в результате переворота. Судьбы Гамсахурдии, Шеварднадзе и Саакашвили после окончания их президентства наглядно демонстрируют, насколько опасно надолго задерживаться в роли мессии после триумфального пришествия. Гамсахурдия, который в 1993 году погиб в Чечне при загадочных обстоятельствах (то ли покончил с собой, то ли был убит), продолжал настаивать на своем праве на власть.

Хотя пришедшее к власти ЕНД гарантировало Шеварднадзе неприкосновенность за любые преступления, его соотечественники и даже члены семьи не были защищены в такой же степени. Пока Саакашвили пытается представить себе свою жизнь за пределами президентского дворца, ходят слухи о возможных официальных обвинениях в его адрес, в частности, в сокрытии обстоятельств смерти бывшего премьер-министра Зураба Жвания. В зависимости от того, как нынешняя прокурорская команда поведет себя в отношении Саакашвили в роли уже обычного гражданина Грузии, будет понятно, станут ли победа, а затем поражение в грузинской политике все менее опасными, и превращаются ли избирательные процессы все в большей степени просто в механизмы, благодаря которым обеспечивается подотчетность лидеров за их политические программы. С точки зрения подотчетности выборы, прошедшие в ноябре 2012-го, очевидным образом продемонстрировали негативное отношение населения к политике Саакашвили и его подходу к решению проблем. Они также предоставили Единому национальному движению шанс уступить власть по итогам голосования, тем самым впервые обеспечив возможность электорально обоснованной передачи власти в Грузии. Кандидат в президенты от ЕНД Давид Бакрадзе повел себя так же, как и Саакашвили в 2012 году, пойдя на политическое отступление перед лицом результатов выборов.

Как развивается электоральная подотчетность в государствах с гибридными режимами? Некоторые ученые утверждают, что избирательные институты, наряду с прочими факторами, помогают упорядочить поведение политических элит⁶. Хотя конкретные лидеры, возможно, не разделяют демократических идеалов, логика процесса берет свое, и со временем эти институты создают соответствующую структуру, ограничивая тем

самым произвол руководителей. Таким образом, если десять или даже пять лет назад проигравшие на выборах в Грузии могли отреагировать на неудачные для них результаты обвинениями в фальсификации и массовыми демонстрациями в Тбилиси, то Саакашвили в 2012-м и Бакрадзе в 2013-м признали результаты голосования. (Нино Бурджанадзе, получившая в 2013 году 10 проц. голосов, обещала вывести людей на улицы, если она проиграет выборы, но не реализовала свою угрозу.)

В связи с развитием электоральной подотчетности в Грузии возникают три вопроса: в какой мере выборы являются свободными и справедливыми, в какой мере кажущийся рост подотчетности в Грузии будет распространяться на неэлекторальные области, и, наконец, насколько значим электорат и общественный интерес в развитии грузинской политики.

Во-первых, следует отметить, что электоральная борьба в Грузии становится все более честной и свободной. На четырех последних выборах, в том числе на парламентских в мае 2008 года, было мало или вообще не было признаков систематических фальсификаций и нарушений при подсчете голосов. Более того, если выборы в 2008, 2010 и 2012 годах были омрачены систематическим использованием государственных средств и принуждением государственных служащих к участию в избирательной кампании правящей партии, то в 2013-м признаки такого рода электоральных нарушений уже отсутствовали. Последние состоявшиеся выборы были самыми чистыми в истории Грузии. Все большая институционализация избирательного процесса и связанная с этим политика прозрачности и подотчетности избирательной системы — явления позитивные и создают хорошие предпосылки для будущих выборов.

Во-вторых, одной из проблем для аналитиков, изучающих демократический процесс, является способность политических

элит отвергать те или иные прецеденты из соображений их нецелесообразности. Проницательный наблюдатель мог бы отметить, например, относительную честность грузинских выборов 1995-го и 1998 годов, за которыми последовали невероятного размаха фальсификации в ходе президентской избирательной кампании 2000 года. Многие из того, что способствовало столь восхваляемому продвижению к демократии в Грузии относится как раз к периоду нахождения у

политику упрощения процесса, позволяющего общественности получать информацию и данные о политике государства. (Например, вместо того чтобы подавать запросы о тех или иных данных в письменном виде, физические лица могут теперь обращаться за ними через интернет.)

С другой стороны, стиль Иванишвили своеобразен и становится несколько резким при столкновениях с оппозицией или критикой. Некоторые примеры его реакции

“На четырех последних выборах в Грузии было мало или вообще не было признаков систематических фальсификаций и нарушений при подсчете голосов”.

власти Единого национального движения, которое теперь признало свое поражение уже на вторых выборах. Подобный дух ответственности еще не прошел испытание в случае с «Грузинской мечтой», отчасти из-за того что она (пока) не проигрывала выборы. Западные наблюдатели провозглашают демократию, исходя из действий тех, кто проигрывает выборы, а не тех, кто на них побеждает; по тому, как повела себя предыдущая власть, а не пришедшая ей на смену. Таким образом, имеет смысл обратить внимание на то, в какой степени «Грузинская мечта» переняла этот дух ответственности и подотчетности власти, в особенности насколько она готова терпеть критику и выслушивать мнение оппозиции.

Если рассматривать именно этот аспект подотчетности, траектория нынешнего правительства неоднозначна и поэтому не поддается сколь-либо легкой интерпретации. С одной стороны, такие ревностные блюстители гражданского общества, как *Transparency International Georgia*, хвалят «Грузинскую мечту» за ее доступность и проявление интереса к мнению неправительственных организаций. Кроме того, правительство проводит

на события говорят о его явной антипатии к конкуренции в управлении и постоянной критике, которые составляют неотъемлемую часть любого демократического процесса. Во-первых, это его очевидное пренебрежение к Саакашвили и Единому национальному движению. Иванишвили вполне открыто высказывал свое мнение, что оппозиционная партия, равно как и ее руководство, нежизнеспособна и нелегитимна⁷. Когда грузинская прокуратура выдвинула обвинения против такой крупной фигуры ЕНД, как Ванно Мерабишвили, европейцы и американцы выразили протест, поскольку восприняли такой шаг как лишение свободы политического противника. Ответ Иванишвили — что ЕНД настолько дискредитировано в Грузии, что его едва ли можно называть реальной оппозицией — демонстрирует подход, не сулящий ничего хорошего в плане терпимости к различным мнениям реальных конкурентов, и свидетельствует об отсутствии чувствительности к тому или заботы о том, какое впечатление подобные случаи могут произвести на мировую аудиторию. В демократических системах оппозицию выбирают не правящие партии, но электорат — в

попытках изменить сложившийся статус-кво. Недовольство, с которым Иванишвили оценил отрыв Маргвелашвили, победившего на выборах 2013 года (по ощущениям Иванишвили, 21 проц. голосов, отошедших кандидату от ЕНД, — это недопустимо много), говорит о том, что руководству не нравятся нормы политической конкуренции и что оно не признает легитимными альтернативные собственным интересы, существующие в рамках политической системы.

Иванишвили до сих пор чрезвычайно популярен в Грузии. Опрос общественного мнения, проведенный Национальным демократическим институтом (*NDI*) в сентябре 2013-го, показал, что к Иванишвили положительно относятся 69 проц. грузин, и по этому показателю он уступает только патриарху Илие II, к которому позитивно относятся 90 проц. грузин⁸. Тем не менее опрошенные в большинстве своем сообщили, что они будут поддерживать «Грузинскую мечту»

на сентябрьских выборах, несмотря на то что Иванишвили собирался покинуть свой пост. Около 65 проц. респондентов указали, что они предпочли бы, чтобы Иванишвили остался у власти, нежели ушел в отставку.

Политика ответственности и подотчетности в Грузии в настоящее время волнует Единое национальное движение, кандидат которого Бакрадзе не смог набрать большинства голосов ни в одном избирательном округе. Вместе с тем общая явка на парламентских выборах 27 октября 2013-го была самой низкой в истории Грузии. Эта нисходящая тенденция особенно ярко проявилась в негрузинских национальных анклавах, где правящая партия обычно получает огромный процент голосов при очень высокой явке. Хотя снижение явки отчасти обусловлено уменьшением общих масштабов фальсификации, характерной для предыдущих избирательных кампаний, поддержка правящей партии со стороны этнических меньшинств

Рисунок 1

Источник: данные грузинского Центризбиркома

при Иванишвили, похоже, уменьшилась, по крайней мере, в том, что касается впечатляющей явки избирателей. Безусловно, «Грузинская мечта» уделяет этническим меньшинствам Грузии меньше внимания, чем ее предшественники, а после недавнего демонтажа в принудительном порядке минарета мечети на юге Грузии (хотя он совсем недавно был восстановлен), возможно, обретет репутацию партии, враждебно настроенной по отношению к нехристианским группам. На рисунке 1 (см. с. 96) графически представлена явка избирателей в Грузии в 1992–2013 годах: отдельно представлена явка в этнических анклавах и по стране в целом. При фальсификациях искусственно увеличивается явка избирателей в целом по стране, поэтому заметные различия на графике — это следствие не только растущей апатии избирателей, но также и уменьшения масштабов фальсификаций на выборах в Грузии начиная с 2008 года. Однако даже по сравнению с практически свободными муниципальными выборами 2010 года, результаты 2013-го показывают, что явка на выборах была низкой. В этнических анклавах явка 2013 года достигла минимума по сравнению со всеми предыдущими годами.

Наконец, последняя проблема, вызывающая озабоченность в связи дальнейшим развитием подотчетности в грузинской политике, — это в какой мере политические дебаты и процессы подбора кандидатур остаются в компетенции общества, а не проходят за кулисами. В зависимости от того, какую роль Иванишвили будет играть в грузинской политике в дальнейшем, его отставка может быть либо действительно уходом из политики, либо маневром, позволяющим исключить все формальные ограничения, но при этом сохранить неформальное влияние; последнее, конечно же, уменьшает степень прозрачности и подотчетности обществу. Таким образом, намерения Иванишвили в отноше-

нии его будущей роли как главы «Грузинской мечты» или как главного филантропа имеют решающее значение для дальнейшей институционализации подотчетности в грузинском государстве.

КОНКУРЕНЦИЯ, ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО И РЕЗУЛЬТАТЫ ПОЛИТИКИ Решающей характеристикой демократического управления является наличие конкурентной политики, обеспечивающей значимое представление интересов управляемых. Президентские выборы 2013 года продемонстрировали институционализированную прозрачность, но конкурентности на них не хватало. Действительно, последние четыре избирательные кампании в Грузии впечатляли с точки зрения справедливости и относительной свободы, но только на прошлогодних парламентских выборах, в результате которых Единое национальное движение вынуждено было уйти, имела место политическая конкуренция, действительно открывающая возможности для трансформации власти.

Интересно, что хотя предсказать результаты парламентских выборов 2012-го было трудно, в целом они продемонстрировали сужение поля политической конкуренции в Грузии, поскольку «Грузинская мечта» и Единое национальное движение вместе набрали 95 проц. всех голосов. В противоположность этому, президентские выборы 2013 года были гораздо более конкурентными. На пост президента баллотировались двадцать три кандидата, причем самыми успешными соперниками Маргвелашвили были политические ветераны. Кандидат от ЕНД Давид Бакрадзе получил 21 проц. голосов, бывший временный президент и политическая смутьянка Нино Бурджанадзе набрала 10 проц., а вездесущий кандидат Лейбористской партии Шалва Нателашвили получил 3 проц. голосов.

Иванишвили пророчил развал своей коалиционной партии, хотя пока никаких при-

знаков ее развала не наблюдается. Коалицию «Грузинская мечта» нельзя назвать естественной, она состоит как минимум из четырех основных фракций. Две из них, республиканцы и свободные демократы, сформировались на основе реформистской левой традиции, и возглавляют их известные партийные лидеры Давид Усупашвили (в настоящее время председатель парламента) и Ираклий Аласания (бывший заместитель премьер-министра, а ныне министр обороны). Второй

общественности относительно результатов политики, особенно в области обеспечения занятости и борьбы с бедностью, как успехи или провалы «Грузинской мечты» отразятся на представительном правлении? В-третьих, как долго «Грузинская мечта» будет оставаться единой? И наконец, исходя из всех этих вопросов, какую роль будет играть Иванишвили в ближайшие месяцы и годы и кто, если такой человек найдется, будет оспаривать эту роль?

“В то время как уровень общественных ожиданий в отношении Иванишвили огромен, фактические результаты его политики пока достаточно скудные”.

сегмент этой коалиции состоит из правых, нелиберальных партий, в частности, «Промышленность спасет Грузию». Третий базовый сегмент «Грузинской мечты» объединяет социально-консервативные и националистические партии («Консервативная партия Грузии» и «Национальный форум»), которые идеологически противостоят республиканцам и свободным демократам. Четвертый сегмент состоит из непрофессиональных политиков, в том числе из личных соратников Иванишвили. В настоящее время целостность «Грузинской мечты» поддерживается, по-видимому, финансовыми средствами ее руководства, а также тем фактом, что пока она представляет собой наиболее жизнеспособную политическую силу в стране.

Остается несколько вопросов, ответы на которые определяли бы позитивные либо негативные тенденции в продвижении Грузии к конкурентной, представительной и ответственной политике. Во-первых, как будут изменяться полномочия нового президента и нового премьер-министра и в какой степени они будут формировать и проводить в жизнь реальную политику? Во-вторых, учитывая большие ожидания грузинской

Согласно новой конституции, в Грузии устанавливается парламентская система с сильным премьер-министром и напрямую избираемым президентом, обладающим меньшими полномочиями. Как политик Маргвелашвили был в Грузии относительно неизвестен, пока в 2012-м не стал министром образования в правительстве Иванишвили. Хотя на президентских выборах он победил в ходе прямого голосования, многие аналитики объясняют его успех популярностью Иванишвили, а не его собственной. Так, в опросах, проводившихся ранее в этом году, сразу после выдвижения кандидатуры Маргвелашвили, его рейтинг был относительно скромным — 45 проц. (чуть меньше 48 проц. Бакрадзе)⁹. Во-вторых, основной вклад в победу Маргвелашвили внес не его родной Тбилиси, а Сачхере — родина Иванишвили. Иванишвили выбрал своим преемником Ираклия Гарибашвили: его официальное представление состоялось после вступления Маргвелашвили в должность президента и после голосования в парламенте он был утвержден на должность премьер-министра (премьер-министр Грузии избирается простым большинством голосов в парламенте).

Выбор, который сделал Бидзина Иванишвили, остановившись на кандидатурах Маргвелашвили и Гарибашвили, похоже, объясняется степенью их лояльности, а не их популярностью у грузинских избирателей или их политикой либо политической проницательностью (хотя коллеги Гарибашвили одобрительно отзываются о проведенных им преобразованиях в МВД Грузии). Время покажет, но траектория возможных изменений в том, что касается исполнительной власти Грузии, ясна: чем больше руководители государства будут полагаться на неформальное влияние и давление со стороны Иванишвили, тем менее подотчетны они будут грузинскому народу и тем менее представительной будет система управления. И наоборот, чем более самостоятельным будет становиться каждый лидер и чем увереннее он будет проводить политику, основанную на государственных и коалиционных интересах, выходящих за рамки личной компетенции Иванишвили, тем выше будет качество демократического управления в Грузии.

Важнейший фактор развития Грузии — это ее нацеленность на серьезные реформы, которые должны улучшить повседневную жизнь ее граждан. В то время как уровень общественных ожиданий в отношении Иванишвили огромен, фактические результаты его политики пока достаточно скудные. Ресурсы рабочей силы в стране ухудшаются вследствие безработицы, и налоговая база в государстве сокращается. Недавно грузинское правительство объявило, что объем доходов в этом году будет заметно ниже прогнозируемого из-за стагнации экономики и сокращения расходов (налог на добавленную стоимость — НДС — формирует более половины грузинского бюджета)¹⁰. Хотя Иванишвили повысил пенсии, запустил программы по защите сельскохозяйственного сектора Грузии и осуществил изменения, облегчившие доступ населения к

медицинской помощи, согласно опросам *NDI*, проведенным в 2013 году, лишь немногие граждане Грузии считают, что после прихода «Грузинской мечты» к власти жизнь стала лучше¹¹.

Однако следует быть осмотрительным, отмечая недостаточность немедленных результатов политики в грузинском контексте. Во-первых, структурные реформы, необходимые для того, чтобы грузинское государство развивалось в направлении платежеспособности (не говоря уже о процветании), тяжелы и трудоемки. В любом случае немедленных результатов ожидать не приходится. Во-вторых, на протяжении прошлого года в Грузии фактически существовало двоевластие, причем два высших руководителя находились в резком противостоянии, так что о какой-либо единой политической программе невозможно было и помыслить. Вполне возможно, что «Грузинская мечта» сможет добиться более впечатляющих политических результатов после ухода Саакашвили. Наконец, стоит отметить, что ключевым моментом в критике правительства ЕНД была поспешность, с которой проводилась предложенная ЕНД программа реформ (за что Саакашвили, в частности, извинился в своей прощальной речи)¹².

В этой статье я утверждаю, что финансовые проблемы и близость к наделенному властью Иванишвили позволяли связать воедино столь разные интересы членов коалиции «Грузинская мечта». Подобное мнение основано на том факте, что политика реформ и ее результаты в первый год пребывания коалиции у власти были довольно слабыми. Практически нет свидетельств того, что партнеров по коалиции объединяет идеология, но еще меньше доказательств того, что их объединяет сознание общей миссии политического преобразования. Тем не менее нельзя исключать возможность, что в будущем «Грузинская мечта» может объединиться на

основе общих политических и экономических целей. Посмотрим, что партнеры по коалиции будут делать теперь, когда официально объявлена новая команда руководителей и перед ней стоит задача реализовать свою политику.

Пока признаков того, что внутри коалиции есть серьезные проблемы, очень мало, хотя со стороны их заметить довольно трудно. Возможные претенденты на посты президента и премьер-министра согласились с кандидатурами, выбранными Иванишвили. Согласно *Civil.ge*, Давид Усупашвили, возглавлявший Республиканскую партию вплоть до недавнего съезда партии, на котором был избран его преемник, отмечал, что «Иракий Гарибашвили был одной из опор нашей команды с самого первого дня»¹³. Иракий Аласания, в свое время надеявшийся стать кандидатом в президенты, до того как его понизили в ранге внутри коалиции, утверждал: «Это логичное решение, это хорошее решение — выдвинуть такого честного, энергичного и искреннего человека..., мы все примем его сторону»¹⁴.

Однако недавняя отставка главного прокурора Грузии Арчила Кбилашвили указывает на некоторые разногласия между политическими мыслителями и их рядовыми сотрудниками. Кбилашвили объявил о своей отставке 7 ноября, сославшись на разногласия по поводу реформирования правовой системы. Заявление об отставке было тщательно сформулировано, с указанием на «тактические», а не «стратегические» расхождения, послужившие причиной отставки¹⁵. Одну отставку еще нельзя воспринимать как тенденцию, так что сам по себе уход Кбилашвили вряд ли указывает на серьезные изменения в коалиции. Но жизнеспособность «Грузинской мечты»,

конечно, имеет определяющее значение для понимания направления политической траектории Грузии, поскольку именно через эту организацию Иванишвили может непосредственно влиять на ход событий.

В заключение отметим, что в Грузии есть два потенциальных источника оппозиционных сил, обладающих достаточной популярностью, чтобы в ближайшем будущем составить реальную конкуренцию нынешней власти. Первый — это Единое национальное движение, которому нужно будет перегруппироваться после бесспорного поражения в октябре. Его выживание в качестве политической партии, тем более влиятельной партии, в нынешнем политическом климате не гарантировано. Второй источник — это сама «Грузинская мечта», внутри которой могут найтись отдельные люди или группа лиц, которые не согласны с политикой нового руководства, или даже люди (или некая группа), которым не удастся реализовать свои политические амбиции внутри партии.

Можно ли назвать политический процесс в Грузии демократическим?

Во многих отношениях последние выборы, прошедшие в Грузии, похоже, укрепили тенденцию, направленную на институционализацию управления в стране. Решающее значение имел состязательный характер выборов, позволивших выявить предпочтения грузинского электората, а также все большая готовность побежденных признать свое поражение, оставшись при этом на политической сцене. Таким образом, грузинская политическая система демонстрирует стремление избирателей обеспечить подотчетность своих лидеров. Посмотрим, намерены ли лидеры оправдать эти ожидания. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ См., например: *Broers L.* After the “Revolution”: Civil Society and the Challenges of Consolidating Democracy in Georgia // *Central Asian Survey*. 2005. Vol. 24. No. 3. P. 333–350; *Fairbanks C. H., Jr., Gugushvili A.* A New Chance for Georgian Democracy // *Journal of Democracy*. 2013. Vol. 24. No. 1. P. 116–127.

² *O’Donell G. A.* Delegative Democracy // *Journal of Democracy*. 1994. Vol. 5. No. 1 (Jan.). P. 55–69.

³ *Bidzina is Not the Messiah* // *The Economist*. 2013. Sept. 10 (<http://www.economist.com/blogs/easternapproaches/2013/09/georgian-politics>).

⁴ *Post-Election Interim Report* // OSCE/ODIRH Election Observation Mission. 2003. Nov. 3–25. P. 5 (<http://www.osce.org/odihr/elections/georgia/17822>).

⁵ Данные грузинского Центризбиркома.

⁶ Примеры подобного подхода см., например, в: *Sartori G.* Comparative Constitutional Engineering: An Inquiry into Structures, Incentives and Outcomes. N. Y.: N. Y. Univ. Press, 1994; *Lijphart A.* Constitutional Choices for New Democracies // *Journal of Democracy*. 1991. Vol. 2. No. 1. P. 72–84.

⁷ *Georgian PM Calls Foe Saakashvili “Political Corpse”* // *France 24*. 2013. Oct. 20 (<http://www.france24.com/en/20131020-georgian-pm-calls-foe-saakashvili-political-corpse>).

⁸ *Public Attitudes in Georgia: Results of a September 2013 Survey* // National Democratic Institute (NDI). 2013. Sept. 23 (<http://www.ndi.org/node/20641>).

⁹ *Public Attitudes in Georgia: Results of a June 2013 Survey* // National Democratic Institute (NDI). 2013. June 12 (<http://www.ndi.org/node/20484>).

¹⁰ *Tax Revenues Miss Target* // *Civil Georgia*. 2013. 10 Nov. (<http://www.civil.ge/eng/article.php?id=26672&search=>).

¹¹ *Public Attitudes in Georgia: Results of a September 2013 Survey*. National Democratic Institute (NDI). 2013. Sept. 23 (<http://www.ndi.org/node/20641>).

¹² *Saakashvili Delivers Farewell Presidential Address* // *Civil Georgia*. 2013. 28 Oct. (<http://www.civil.ge/eng/article.php?id=26633&search=>).

¹³ *In Quotes: Politicians Comment on Garibashvili’s Nomination as PM* // *Civil Georgia*. 2013. Nov. 2 (<http://www.civil.ge/eng/article.php?id=26654>).

¹⁴ *Ibid.*

¹⁵ *Chief Prosecutor to Stop Down* // *Civil Georgia*. 2013. Nov. 7 (<http://www.civil.ge/eng/article.php?id=26665>).

Россия, США и противодействие наркотрафику из Афганистана

В отличие от Центральной Азии, где Россия располагает серьезным влиянием, ее возможности напрямую воздействовать на ситуацию внутри Афганистана — источника поступления героина на российский рынок — ограничены

Екатерина Степанова

В 2014 году операция НАТО в Афганистане в ее нынешнем виде будет завершена. Среди вероятных последствий вывода большей части американских войск — усиление нестабильности внутри и вокруг Афганистана. В этой связи особое беспокойство в России вызывает угроза роста производства и экспорта афганских наркотиков, прежде всего героина. За годы, прошедшие с начала XXI века, то есть за период, когда ответственность за безопасность в Афганистане взяли на себя силы США и НАТО, масштабы афганской наркоэкономики значительно выросли по сравнению с предыдущим десятилетием. Вполне вероятно, что в ближайшие годы роль наркотиков в политэкономии Афганистана станет еще больше, чем сейчас.

Между тем с конца 2012 года в российско-американских отношениях (и в целом в отношениях между Россией и Западом) наступило очередное охлаждение; политика перезагрузки, объявленная в 2009-м при президенте Дмитрие Медведеве, практически сошла на нет. Однако, вопреки ожиданиям, это лишь незначительно сказалось на сотрудничестве США и России по Афганистану. Как бы ни портились отношения, обе страны, по всей видимости, исходят из того, что есть определенный нижний порог, который нельзя переступать. Возможно, именно это подталкивает

стороны к тому, чтобы сосредоточиться на взаимодействии по тем немногим проблемам международной безопасности, которые представляют взаимный — и более широкий, международный — интерес: от противоракетной обороны до проблем Ирана, Сирии и Афганистана.

В отличие от Центральной Азии, где Россия располагает серьезным влиянием, в частности, в сфере безопасности, внутри самого Афганистана — источника поступления героина на российский рынок — Россия практически не имеет возможности воздействовать на ситуацию. Поэтому Москва заинтересована в сотрудничестве с любым афганским правительством, которое придет на смену правительству Хамида Карзая, а значит, и с США, которые и после 2014 года, по крайней мере в среднесрочной перспективе, останутся основным донором афганского правительства, а также важнейшим игроком в области безопасности в Афганистане.

Афганская опиийная экономика и фактор США и НАТО до и после 2014 года

Хотя дальнейший рост наркопроизводства в Афганистане после 2014-го весьма вероятен, вывод сил США и НАТО из Афганистана едва ли обернется для России обвальным увеличением масштабов наркотрафика. Иными

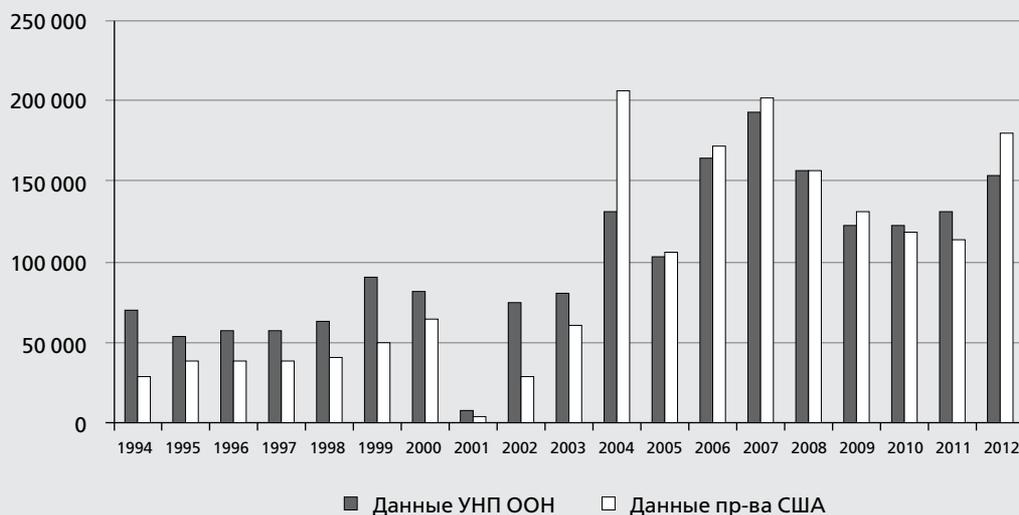
словами, после 2014 года не следует ожидать катастрофы, но лишь потому, что она уже произошла: речь идет о «ползучей» катастрофе, связанной с резким ростом афганской опийной экономики и наркотрафика из Афганистана по «северному пути» — через Центральную Азию. Пик ее пришелся на начало XXI века, то есть на период присутствия в Афганистане военных контингентов США и НАТО.

Этот период, особенно начиная с 2004-го, сопровождался огромным ростом наркопроизводства в Афганистане. Следует отметить, что в 2001 году — как раз накануне иностранной интервенции во главе с США — площадь маковых посевов в Афганистане сократилась на беспрецедентные 91 проц. в результате запрета на выращивание мака, объявленного правительством талибов в предыдущем, 2000-м. Тогда, по данным Управления ООН по наркотикам и преступности (УНП ООН), площадь маковых полей упала до 8000 га¹, а

по данным правительства США, использующего иную методику оценки площадей наркопосевов, даже ниже — до 1685 га (см. рисунок 1 на с. 103). В результате вооруженной интервенции конца 2001-го во главе с США развалился и режим талибов, и сложившаяся при них система контроля над производством наркотиков². После 2001 года росту опийной экономики в Афганистане способствовали три основных фактора. Во-первых, за первое десятилетие XXI века в Афганистане не были созданы устойчивые экономические альтернативы, которые могли бы служить источниками денежного дохода — как в национальном масштабе, так и в районах, где преимущественно выращивается опийный мак. Во-вторых, сформированная после разгрома талибов система административной и политической власти в Афганистане в целом функционирует слабо, сильно коррумпирована, а отдельные ее элементы и лояльные ей силы и группировки связаны с наркоэконо-

Рисунок 1

КУЛЬТИВАЦИЯ ОПИЙНОГО МАКА В АФГАНИСТАНЕ, ГЕКТАРЫ, 1994–2012 ГОДЫ

Источник: Данные УНП ООН (Afghanistan: Opium Survey 2012. — Vienna: UNODC, May 2013); Данные правительства США (International Narcotics Control Strategy Reports).

микой не менее тесно, чем наркоторговцы или повстанцы. Наконец, при некоторой стабилизации обстановки в отдельных районах страны, ситуация в области безопасности остается тяжелой; в частности, с середины 2000-х продолжается противостояние между вооруженной оппозицией во главе с талибами, с одной стороны, и афганскими правительственными силами при поддержке контингентов США и НАТО — с другой.

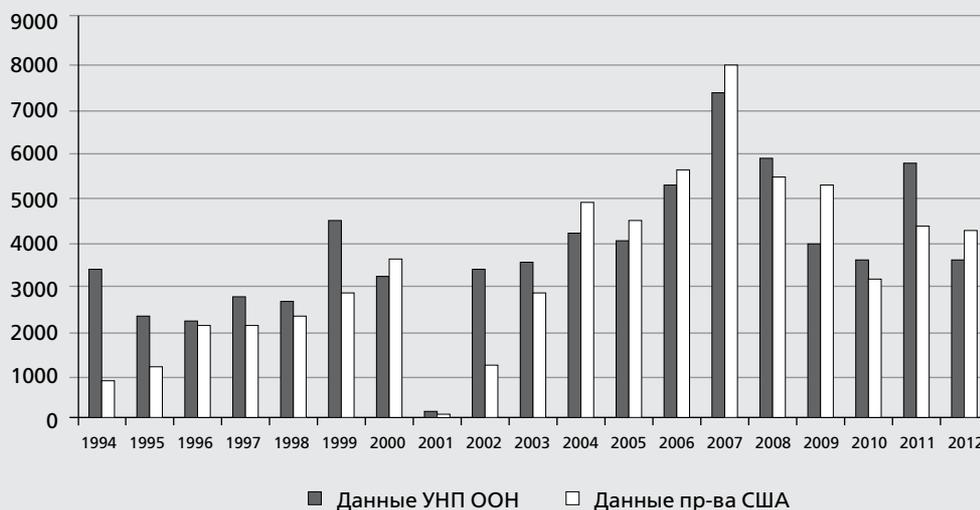
В этих условиях в 2000-е культивация опийного мака в Афганистане достигла своего исторического пика. По данным УНП ООН, пик пришелся на 2007 год, когда площадь маковых посевов выросла до 193 тыс. га. Это в 24 раза больше, чем в 2001-м (последний год фактического правления движения Талибан), когда действовал жесткий запрет на культивацию мака (2001 год). По американским данным, в два пиковых года — 2004 и 2007 — под опийный мак в Афганистане была отведена даже большая площадь (соответ-

ственно, 206 700 и 202 000 га), что в 120–122 раза (!) больше, чем в 2001-м (см. рисунок 1 на с. 103). В 2012 году площадь маковых посевов, по данным УНП ООН, в 19 раз превышала ту, которая имела в стране на момент начала интервенции США и их союзников осенью 2001-го, по данным правительства США, площадь маковых посевов в 2012 году, по сравнению с 2001-м, увеличилась в 22,5 раза³.

Вопреки утверждениям, что наркотики из Афганистана являются общей угрозой для всего международного сообщества, в действительности афганские опиаты напрямую угрожают далеко не всем государствам, по тем или иным причинам озабоченным ситуацией в этой стране. Даже для двух крупнейших конечных рынков сбыта афганских опиатов — европейских стран и России — масштаб афганской наркоугрозы не одинаков. По данным УНП ООН, объем западноевропейского рынка составляет около 20 млрд

Рисунок 2

ПРОИЗВОДСТВО ОПИЯ В АФГАНИСТАНЕ, ТОННЫ, 1994–2012 ГОДЫ

Источник: Данные УНП ООН (Afghanistan: Opium Survey 2012. — Vienna: UNODC, May 2013); Данные правительства США (International Narcotics Control Strategy Reports)

дол. в год, а рынка стран Таможенного союза (прежде всего России и Казахстана) — до 13 млрд дол. в год ⁴. Однако если на российском рынке тяжелых наркотиков доминирует афганский героин, то на более диверсифицированных европейских наркорынках потребление опиатов стабилизировалось. Более насущными угрозами стал растущий приток кокаина из Южной и Центральной Америки, в том числе через Западную Африку, а также всплеск потребления синтетических нарко-

Такая система приоритетов определяла выбор Соединенными Штатами конкретных антинаркотических стратегий и мер для их осуществления в Афганистане. Так, американская администрация отказывалась от массированного уничтожения посевов мака, особенно путем распыления химикатов с воздуха, не только оттого, что оно было слабо осуществимо с технической точки зрения, но и оттого, что подобные действия могли спровоцировать протесты со стороны населения

“В конце 2000-х США начали уделять больше внимания проблеме наркотиков, но лишь как одному из основных источников финансирования вооруженной оппозиции”.

тиков и легальных химических препаратов, в частности, новых психоактивных веществ. Соединенным Штатам афганские опиаты напрямую не угрожают: по разным оценкам, лишь от 3 до 5–6 проц. продаваемого в США героина имеет афганское происхождение ⁵. Для США на протяжении всего периода размещения в Афганистане американских вооруженных сил основной угрозой оставался терроризм и повстанческая активность. Именно оттого, что для Вашингтона безусловным приоритетом были вопросы, связанные с обеспечением безопасности, стабилизацией ситуации и операциями против повстанцев, США упорно отказывались включить борьбу с наркотиками в число своих основных задач в Афганистане; для американского правительства она оставалась сугубо второстепенной. В конце 2000-х США начали уделять больше внимания проблеме наркотиков, но исключительно как одному из основных источников финансирования вооруженной оппозиции (активизация повстанческого движения во главе с талибами финансировалась в том числе за счет сборов с культивации мака и торговли наркотиками).

и вызвать недовольство крестьян в наркопроизводящих районах. В то же время слишком жесткие и масштабные операции по перехвату наркотиков ударили бы в первую очередь по наркоторговцам, а не по крестьянам, а это грозило испортить отношения сил США/НАТО с дружественными или нейтральными полевыми командирами, а также с близкими к правительству кланами, которые наживаются на наркотиках не меньше, чем наркоторговцы или повстанцы. Это объясняет отличие стратегии США в Афганистане от их действий в Колумбии, которая является одним из главных поставщиков наркотиков непосредственно на американский рынок. Если в Колумбии американская администрация делает упор на массированное уничтожение наркопосевов, то в Афганистане она поддерживает меры по развитию альтернативного сельскохозяйственного производства в сочетании с выборочными операциями по перехвату наркотиков, причем исключительно против тех группировок, которые связаны с повстанцами ⁶.

По данным УНП ООН и оценкам Российско-американской экспертной группы по афганскому наркотрафику, доход афган-

ских талибов от налогов на урожай мака и, частично, на торговлю опиумом (см. примечание 2) в подконтрольных им районах составляет от 140 до 170 млн дол. в год ⁷, тогда как, например, доходы афганских наркоторговцев в 2011–2012 годах составили около 1,2 млрд долларов ⁸. Иными словами, на долю повстанцев приходится лишь 6,5–7 проц. (см. рисунок 3 на с. 107) от совокупного дохода всех афганских бенефициаров опийной экономики (который в 2011-м достиг 2,6 млрд

с наркотиками. Так, США были и остаются основным финансовым донором антинаркотических мер афганского правительства, хотя эта деятельность и не является для американцев приоритетной. Помимо прямых военных расходов, за период американского присутствия в Афганистане США дополнительно выделили 82 млрд дол. на нужды восстановления афганской экономики, государственных институтов и сектора безопасности. Из этих средств 7,5 проц. (6,15 млрд

“Приток афганских опиатов будет расти — как в соседние страны, так и на основные конечные рынки сбыта: России и, в какой-то мере, Европы и Китая”.

дол., а в 2012-м — 2 млрд дол.) ⁹ и менее 0,3 проц. от общего объема глобальной торговли афганскими опиатами, который оценивается в 60 млрд долларов ¹⁰. Талибы контролируют лишь ограниченный сегмент торговли опиатами, в основном на юге Афганистана и граничащих с ним районах Пакистана. Кроме того, у них есть и другие источники финансирования (исламские налоги на собственность и на легальную экономическую деятельность, сборы с контрабандной торговли драгоценными камнями и древесиной вдоль афгано-пакистанской границы и пожертвования от сторонников в странах Персидского залива и в Пакистане) ¹¹. При этом США и НАТО, чья стратегия направлена в первую очередь на борьбу с повстанцами, пытаются ограничить «борьбу с наркотиками» лишь теми наркоторговцами, которые «предоставляют повстанцам материальную помощь», что никак не способствует реальному сокращению масштабов афганской наркоэкономики.

Хотя внимание США (и в меньшей степени НАТО) сосредоточилось лишь на небольшом — и не основном — сегменте афганского наркобизнеса, нельзя сказать, что они не предпринимают никаких усилий по борьбе

с наркотиками ¹² (выборочное уничтожение посевов, операции по перехвату наркотиков, поддержка афганского министерства по борьбе с наркотиками и антинаркотической полиции и т. д.). Это в 2,5 раза больше, чем США потратили на гуманитарную помощь Афганистану (2,4 млрд дол.), но в 8,3 раза меньше, чем расходы на укрепление безопасности (51,15 млрд долларов). Кроме того, в 2004–2011 годах США потратили около 330 млн дол. непосредственно из средств американского военного бюджета на ряд мероприятий и программ, направленных на противодействие наркотикам. Выделенная Соединенными Штатами помощь по социально-экономическому развитию и налаживанию системы государственного управления в Афганистане (22,39 млрд дол.) также теоретически должна была способствовать повышению эффективности афганского государства и созданию источников денежного дохода (в том числе за счет распространения альтернативных сельскохозяйственных культур), которые могли бы заменить доходы от наркотиков ¹³. (Подробнее об этом см. в следующем разделе.)

Однако факт остается фактом: за всю историю наркопроизводства в Афганистане самый значительный рост наблюдался в первое десятилетие XXI века, то есть в тот период, когда силы США и НАТО взяли на себя ответственность — конечно, не за борьбу с наркотиками или сокращение афганской наркоэкономики, но за поддержание безопасности и стабильности в постталибском Афганистане. В целом, если фактор США и НАТО, включая поддержку усилий по борьбе с наркотиками, несколько оживившуюся в начале 2010-х, и оказал какое-то влияние на динамику афганской наркоэкономики, это влияние было косвенным и опосредованным. Точнее всего было бы описать его так: военное присутствие США и НАТО в Афганистане послужило главным катализатором роста повстанческой активности и эскалации вооруженного конфликта в этой стране. Продолжающееся вооруженное противостояние, в свою очередь, препятствует

установлению в Афганистане более эффективной государственной власти. В отсутствие же сколько-нибудь эффективного государственного управления невозможно вести действенную борьбу с наркотиками.

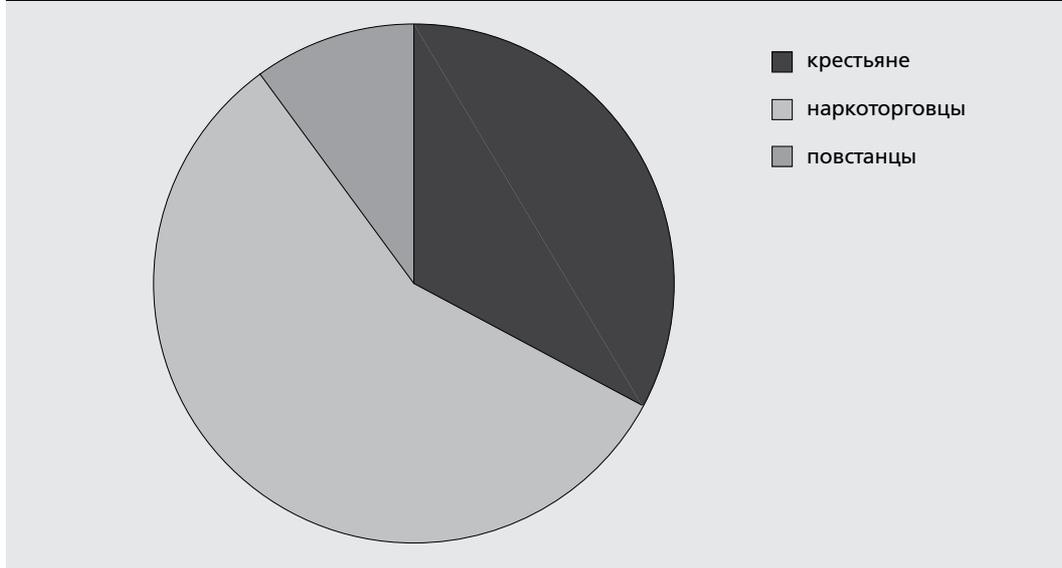
В остальном как военное присутствие США и НАТО в Афганистане, так и его значительное сокращение имели и имеют лишь ограниченное влияние на развитие афганской опиийной экономики.

Факторы роста наркоэкономики в Афганистане после 2014 года

Есть основания полагать, что в ближайшие годы приток афганских опиатов будет расти — как в соседние страны, так и на основные конечные рынки сбыта: России и, в какой-то мере, Европы и Китая. Если сосредоточиться на новых факторах, которые могут увеличить приток афганских опиатов в Россию по «северному пути», то из них только два имеют отношение собственно

Рисунок 3

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ДОХОДОВ ОТ ПРОИЗВОДСТВА И ТОРГОВЛИ ОПИАТАМИ ВНУТРИ АФГАНИСТАНА, 2012 (МЛН ДОЛЛАРОВ)

Источник: The Global Afghan Opiate Trade: A Threat Assessment (UNODC), Afghanistan: Opium Survey (UNODC, 2012); Afghan Narcotrafficking: A Joint Threat Assessment (2013).

к Афганистану, в том числе один к выводу оттуда сил США и НАТО (еще два фактора связаны, собственно, с наркотрафиком по «северному пути» через страны Центральной Азии, и о них речь пойдет ниже).

Первый, наиболее значительный фактор риска формируется на юге Афганистана, то есть в районах, которые играют центральную роль в опиийной экономике и на которые приходится 69 проц. всего производства опиатов в Афганистане. Когда в 2014 году

Однако новые земли, введенные в сельхозоборот, использовались крестьянами и землевладельцами для выращивания пшеницы и других легальных сельскохозяйственных культур только до тех пор, пока продолжали действовать зарубежные программы поддержки альтернативного сельскохозяйственного производства. Эти программы включали в себя предоставление удобрений, семян и даже микрокредитов и осуществлялись, как правило, в зонах, находившихся под

“Движение Талибан в свое время доказало на практике, что способно гарантировать соблюдение жесткого запрета на выращивание мака”.

кампания США и НАТО в Афганистане в ее нынешнем виде завершится, иностранные войска будут выведены, а контроль афганских властей в основных наркопроизводящих провинциях на юге страны — и без того слабый — ослабнет еще более. Это неизбежно приведет к значительному сокращению иностранных, прежде всего западных, программ по внедрению в этих районах наркозамещающих сельскохозяйственных культур и зарубежной помощи по социально-экономическому развитию. Такие программы, осуществляемые в южных провинциях страны (например, создание так называемых «продовольственных зон» в крупнейшей наркопроизводящей провинции Гильменд, на которую приходится до половины всех маковых посевов в стране), позволили расширить площади пригодных для возделывания земель в этих районах, в том числе благодаря орошению полупустынных и пустынных земель. Освоению и культивированию новых земель на юге способствовало и внедрение новых технологий: от солнечных батарей для выработки электроэнергии (что позволяет, среди прочего, копать более глубокие колодцы) до гербицидов.

относительным контролем иностранных и правительственных сил. За пределами аграрной сферы в Афганистане не существует устойчивых источников денежного дохода, которые могли бы сохраняться без внешней поддержки. Поэтому, когда помощь в сфере сельского хозяйства и в целом в области социально-экономического развития в этих районах сокращается, а государство слабеет, крестьяне вынужденно переориентируют большую часть пригодных для культивации земель (теперь уже на расширенных площадях) на выращивание опиийного мака¹⁴. Так, в районе к северу от канала Богра в Гильменде площадь пригодных для возделывания земель за последние годы возросла в 46 раз, а площадь выращивания опиийного мака — на 113 процентов¹⁵.

На фоне вывода войск США и НАТО повстанцы консолидируют собственный контроль в этих районах и налаживают относительно функциональную и менее коррумпированную систему законности и порядка. Теоретически можно было бы предположить, что, при определенных условиях, талибам удастся хотя бы отчасти воспроизвести успешный запрет на культивацию

мака, который они ввели в 2000 году. Это предположение не кажется невероятным: как отмечалось выше, движение Талибан не является главным бенефициаром наркопроизводства и наркоторговли в Афганистане и в свое время доказало на практике, что способно (например, при сочетании международного давления с перспективой снятия санкций) гарантировать соблюдение жесткого запрета на выращивание мака. Однако подобные надежды практически рассеялись — по крайней мере, на данный момент. Хотя талибы и способны наладить более или менее функциональную систему управления на юге страны, в ближайшем будущем они будут стремиться избегать шагов, которые рискуют восстановить против них крестьян, включая и тех, кто выращивает мак. Те же, в свою очередь, неизбежно расширят площади маковых посевов и увеличат производство опия, поскольку альтернативные источники дохода отсутствуют, внешняя помощь сокращается, а при этом площади, пригодные для обработки земли, обширны как никогда. Это, впрочем, не означает, что вопрос закрыт и не может быть поставлен перед талибами в будущем. Проблема контроля над наркотиками может стать частью повестки дня в ходе переговоров с талибами или может быть поднята позднее, через посредников или иными способами. Понятно, что такое развитие событий возможно, когда и если повстанческое движение или его часть будет в той или иной степени интегрировано в некую более децентрализованную систему раздела власти в Афганистане, в рамках внутриафганского процесса национального примирения. Этот процесс может занять годы.

Проблема поставок афганского героина для дальнейшего транзита по «северному пути» не сводится лишь к югу Афганистана, где продолжается вооруженный конфликт. Применительно к «северному пути» второй внутриафганский фактор риска связан с

возобновлением выращивания опийного мака на севере и особенно северо-востоке Афганистана — в регионах, где культивация мака традиционно низка, но где процветает переработка опия и производство героина. Примерно половина героина, который идет по «северному» пути, поставляется напрямую с юга Афганистана; вторая половина (то есть около 45 тонн героина в год) производится в северном Афганистане, в основном в северо-восточной провинции Бадахшан¹⁶, из местного опийного сырья или (после того как местная культивация почти сошла на нет в условиях общенационального перепроизводства опия в конце 2000-х) из скопившихся запасов опия. После того как эти запасы были исчерпаны, удовлетворить потребность местных нарколабораторий в опийном сырье можно было только за счет возврата к выращиванию мака на северо-востоке/севере страны, что и произошло в 2011–2012 годы¹⁷. Развитию наркоторговли на севере Афганистана также способствует крайне низкий уровень перехвата героина (лишь 5 проц. от всего изымаемого в стране)¹⁸ по сравнению с тем объемом, который проходит по «северному пути».

Трафик афганских опиатов как угроза безопасности России

Для России приток афганских наркотиков — и прежде всего героина — масштабная угроза общественной безопасности. Прямой ущерб, который эта угроза наносит непосредственно жизни и здоровью российского населения, перевешивает все остальные проблемы, связанные с Афганистаном.

Хотя на «северный путь» афганского наркотрафика приходится лишь 25 проц. всего экспорта героина из Афганистана, или около 90 тонн (см. рисунок 4 на с. 111), и 15 проц. экспорта опия (35–40 тонн), более 80 проц. героина, который идет через Центральную Азию в конечном счете попадает именно

на российский рынок¹⁹. При этом дело не просто в объеме как таковом, а в структуре и конечном назначении наркопотоков, идущих по «северному пути». Если в 1990-е Россия играла роль и развивающегося рынка сбыта, и транзитной страны для афганских опиатов, то в 2000-е она уже стала сама потреблять практически весь поступающий героин — в объемах, сравнимых с общим объемом потребления героина во всей Европе²⁰.

Такая трансформация произошла под воздействием ряда факторов и прежде всего

штабов «героиновой катастрофы» именно в те годы, когда контроль за безопасностью в Афганистане осуществлялся силами США и НАТО. При этом Москва столкнулась с тем, что к задаче сокращения масштабов афганской опиийной экономики западные игроки проявляли подчеркнутое равнодушие. В результате в России распространилось представление, что подъем опиийного производства чуть ли не обусловлен военным присутствием США и НАТО в постталибском Афганистане. Такое представление хотя и

“Российская сторона все эти годы выступала за более жесткие и массированные меры и, прежде всего, за масштабное уничтожение наркопосевов с воздуха”.

благодаря формированию относительно доступных цен на афганский героин на российском рынке. Среди причин — перепроизводство опиатов в постталибском Афганистане, отсутствие нормально охраняемых границ вдоль «северного пути» наркотрафика, а также экономический подъем в самой России на протяжении большей части 2000-х годов: рост благосостояния россиян сделал героин доступным для более широких слоев населения. На героине сидят до 68 проц. российских наркоманов (1,7 млн из 2,5 млн человек)²¹. Афганский героин лидирует с большим отрывом среди потребляемых в России тяжелых наркотиков: российский рынок героина оценивается в 6 млрд дол., причем второй по объему — рынок гашиша (1,5 млрд дол.) — также в основном афганского происхождения²². По оценкам Совета Безопасности РФ, общий ущерб экономике России от негативных последствий потребления наркотиков эквивалентен 3–5 проц. ВВП (что сопоставимо с расходами российского бюджета на здравоохранение)²³.

Как отмечалось выше, проблема афганского наркотрафика достигла в России мас-

некорректно — как показано выше, фактор США и НАТО лишь ограниченно и скорее косвенно повлиял на ситуацию с наркотиками в Афганистане, — но, тем не менее, вполне объяснимо.

Самим США, как уже было сказано, афганские наркотики не угрожают, а приоритетными для США и НАТО в Афганистане являлись вопросы борьбы с терроризмом и общей стабилизации ситуации. Этим объясняется то, что когда в конце 2000-х США все же начали уделять некоторое внимание проблеме афганских опиатов, они сосредоточились на иных аспектах борьбы с наркотиками, чем те, на которых настаивала Россия. Несмотря на ряд сходных черт между антинаркотическими стратегиями США и России (в частности, обе несут достаточно милитаризованный характер и в большей степени ориентированы на борьбу с предложением наркотиков, чем со спросом на них), в Афганистане США сделали выбор в пользу сочетания мягких мер по внедрению в отдельных районах наркозамещающих культур — с разовыми силовыми операциями против отдельных торговцев и объектов наркоинфраструктуры (прежде

всего, тех, которые, по их мнению, связаны с повстанцами).

Российская же сторона все эти годы выступала за гораздо более жесткие и масштабные меры и, прежде всего, за масштабное уничтожение наркопосевов с воздуха, активизацию операций по перехвату наркотиков и систематическое разрушение нарколабораторий силами афганского правительства, США и НАТО. Изначально призывы России к участию США и НАТО в масштабном уничтожении посевов мака были мало реалистичны и носили, скорее, декларативный характер. Однако постепенно в России, в том числе на уровне руководства страны, стали осознавать всю серьезность наркоугрозы для российского общества и рассматривать ее как один из главных вызовов национальной безопасности. Кроме того, вырос уровень специализации и профессионализма российской системы по противодействию наркотикам. В результате позиция Москвы в

отношении афганской наркопроблемы стала меняться и приобрела более комплексный и реалистичный характер.

Россия, в отличие от ее западных партнеров, не «связана» присутствием вооруженных сил в Афганистане, а значит, и соответствующими ограничениями: России не нужно обеспечивать лояльность или нейтралитет группировок, местных лидеров и полевых командиров, в том числе тех, кто может быть прямо или косвенно связан с торговлей наркотиками. Поэтому неудивительно, что, наряду с УНП ООН, Россия раньше, чем западные страны, признала, что наркобизнес в Афганистане связан с военно-политическими игроками всех видов и мастей, включая коррумпированных чиновников и полевых командиров, лояльных правительству или даже связанных с ним, а не только с повстанцами. Последние хотя и используют сборы с производства и, частично, торговли наркотиками для самофинансирования, тем не менее,

Рисунок 4

Источник: UNODC World Drug Report 2011.

по оценке директора Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков (ФСКН) Виктора Иванова, являются относительно «миноритарным производителем»²⁴.

В последние годы Россия также выступает за интегрированную стратегию по контролю над наркотиками и противодействию им в Афганистане. Такой подход подразумевает сочетание жестких мер полицейско-силового характера (перехват, уничтожение лабораторий и посевов) с мерами в области соци-

может указывать как на ослабление способности большинства центральноазиатских стран противодействовать трафику и рост связанной с наркотиками коррупции, так и на возможное наличие в регионе больших запасов наркотиков, чем предполагалось ранее.

Очевидно также, что борьба с наркотиками в странах Центральной Азии сильно отстает от новых возможностей наркоторговцев, которые им предоставляет экономическое развитие региона, такие как рост товарооборота и

“После 2014-го года основным внешним игроком в области безопасности в Афганистане по-прежнему останутся США, теперь уже на двусторонней основе”.

ально-экономического развития, которые не ограничиваются внедрением наркозамещающих культур и нацелены на создание долгосрочной альтернативы опиийной экономике. Российские власти осознают, что афганская наркоэкономика имеет глубокие корни и что для ее сокращения требуется устойчивая международная поддержка социально-экономического развития Афганистана²⁵.

В условиях предстоящего в 2014-м вывода сил США и НАТО упомянутые выше факторы риска, связанные с ростом наркопроизводства в самом Афганистане, усугубляются новыми – возникающими непосредственно вдоль маршрутов транзита наркотиков через страны Центральной Азии. Масштабный, но в последние годы стабильный приток героина, поступающего на территорию России по «северному пути» (70–75 тонн в год), резко контрастирует со значительно сократившимся уровнем перехвата наркотиков в Центральной Азии. Если в 2002–2006 годах в регионе в среднем изымалось пять тонн афганского героина, то в 2007–2011 годах – не более трех тонн²⁶. Только в 2010-м изъятия опиума в регионе сократились на 36 проц., а героина – на 25 процентов²⁷. Это

расширение трансрегиональной транспортной инфраструктуры, а также возникновение зон свободной торговли в результате присоединения Казахстана к Таможенному Союзу с Россией и Белоруссией.

С учетом всех этих рисков, при наилучшем сценарии поток афганских наркотиков, поступающих в Россию по «северному пути», в ближайшие годы несколько возрастет, а затем вновь стабилизируется на чуть более высоком уровне. При наихудшем сценарии – значительном росте объема наркотиков, поступающих в Россию из Афганистана через страны Центральной Азии, – нельзя исключить переориентации части наркопотоков с основного пути транзита афганских опиатов в Европу (традиционного, так называемого балканского, пути) на «северный путь» через Центральную Азию. В таком случае Россия может вновь стать транзитной страной для афганского героина.

В этих условиях рост наркопотоков из Афганистана через Центральную Азию становится главной опасностью, угрожающей России в связи с развитием ситуации в Афганистане в ближайшие годы. Если вероятный всплеск террористической актив-

сти и риск дестабилизации напрямую касается в основном сопредельных с Афганистаном стран, а Россию затрагивает, скорее, в контексте ее интересов в Центральной Азии, то в «афганской» политике России большее место должны занимать вопросы, связанные с ограничением масштабов наркоэкономики. При этом обе задачи определяют глубокую заинтересованность России в упрочении безопасности и повышении эффективности государственного управления в Афганистане. В отсутствие эффективной и легитимной государственной власти, в том числе на местах, ни силовые, ни социально-экономические меры по борьбе с наркотиками, ни оптимальное сочетание и тех и других не приведут к долгосрочному успеху.

Россия—США: возможности противодействия афганским наркотикам

Россия активно борется с героиновой проблемой на собственной территории, хотя ей предстоит еще многое сделать, особенно в области сокращения спроса на наркотики. Кроме того, предпринимаются меры по противодействию наркотрафику через Центральную Азию как в рамках двустороннего взаимодействия, так и на уровне Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), сотрудничества с УНП ООН в регионе и т. д. Однако достичь заметного сокращения объема наркотиков, попадающих на российский рынок по «северному пути», вряд ли удастся до тех пор, пока проблема не будет систематически решаться в самом Афганистане. При этом политические, экономические и иные возможности России в Афганистане ограничены не только по сравнению с США и их западными союзниками, но и по сравнению с основными региональными державами — соседями Афганистана (Пакистан, Иран, Китай и Индия).

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА УГРОЗ С одной стороны, перспектива свертывания западных континентов в Афганистане уже стимулировала активизацию России в Центральной Азии по линии безопасности и экономики. С другой стороны, даже такая масштабная и прямая наркоугроза, в силу ряда объективных и субъективных ограничений, вряд ли заставит Россию существенно увеличить собственную роль в Афганистане. Так как Россия не может позволить себе прямое вмешательство, она вынуждена полагаться на те национальные и многосторонние силы и возможности по борьбе с наркотиками, которые существуют внутри Афганистана, в том числе на афганские структуры безопасности и правительство (независимо от характера правящей коалиции после выборов 2014 года). При этом и после 2014-го основным внешним игроком в области безопасности в Афганистане останутся США, теперь уже на двусторонней основе. В этих условиях Россия крайне заинтересована в том, чтобы американская финансовая, организационная, техническая и иная помощь афганским властям в борьбе с наркотиками не только продолжалась, но и расширялась.

Вопрос в том, насколько это нужно и возможно для Вашингтона, особенно в условиях вывода американских войск из Афганистана и острого бюджетного кризиса в самих Соединенных Штатах, требующего сокращения государственных расходов. Хотя у США гораздо меньше стимулов для противодействия афганским наркотикам, чем у России, было бы неверно считать, что для США такая угроза отсутствует вовсе. Скорее, России и Соединенным Штатам угрожают — в разной степени — разные аспекты афганского наркотрафика. Если для России речь идет о прямом ущербе жизни и здоровью населения от афганских наркотиков (героина и, в меньшей степени, гашиша), доминирующих на российском рынке, то для США, в случае

продолжения или обострения вооруженного противостояния в Афганистане после 2014 года, проблема наркотиков как «ресурса конфликта» также обострится. Нельзя сбрасывать со счетов и тесную связь наркотиков с коррупцией, которая подрывает даже минимальную дееспособность государственной власти в Афганистане. В целях политико-пропагандистского обеспечения вывода американских войск США необходимо создать в Афганистане хотя бы видимость жизнеспособной системы управления, но кроме того, американское правительство заинтересовано в том, чтобы сохранить и постепенно укреплять базовую функциональность афганских властей после 2014-го. То, в каком состоянии США оставляют Афганистан в целом и афганское государство, в частности, не может не сказаться на общестратегических позициях США в этом важном для них регионе — особенно в глазах ключевых региональных держав. В свою очередь, для США и их западных союзников сотрудничество с Россией по Афганистану имеет большое значение в связи с предстоящим выводом военного контингента и транзитом грузов через ее территорию. Вашингтон заинтересован во взаимодействии с Москвой и по ряду других международных проблем, не имеющих отношения к Афганистану, — например, по иранской ядерной проблеме или конфликту в Сирии, а это значит, что Соединенным Штатам следует в большей мере учитывать интересы России, в особенности если речь идет о таких масштабных и прямых угрозах ее безопасности, как наркотрафик из Афганистана.

ОБЩИЕ ОЗАБОЧЕННОСТИ И СФЕРЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НА МЕЖДУНАРОДНОМ УРОВНЕ При всех различиях в характере и степени угроз, связанных с афганской наркоэкономикой, чем более транснациональный характер носит тот или иной аспект афганского наркотрафика, тем больше общего в подходах России и США к

этой проблеме. Это создает определенную основу для российско-американского сотрудничества на более широком международном уровне, в том числе в рамках двусторонних инициатив.

Во-первых, наркотрафик является одним из наиболее прибыльных и разветвленных видов транснациональной преступности, а значительная часть мирового незаконного оборота наркотиков приходится на опиаты и злоупотребление опиоидами (рецептурными препаратами на основе опиатов). И Россия, и США являются крупными рынками потребления опиатов, хотя они и поступают из разных регионов (в Россию из Афганистана, а в США — преимущественно из Колумбии и Мексики, наряду с кокаином). И Россия, и США заинтересованы как в укреплении международного сотрудничества по контролю за наркотиками в целом, так и в конкретных, скоординированных усилиях по сокращению глобального рынка опиатов, в частности. Еще одна естественная форма сотрудничества диктуется тем, что США имеют обширный и длительный опыт в области сокращения спроса на наркотики, а Россия все еще сильно отстает в этом от развитых стран мира.

Во-вторых, наркотрафик, в том числе торговля афганскими опиатами, теснейшим образом связан и с другими видами транснациональной преступности, например с торговлей оружием, и стимулирует, финансирует или усугубляет их. Наиболее тесно наркотрафик связан с отмыванием денег. Основное производство опиатов и других наркотиков растительного происхождения жестко привязано к нескольким крупным районам. Даже более мобильная и гибкая наркоторговля, особенно на стадии транзита из наркопроизводящей страны в соседние и сопредельные страны, в основном осуществляется по определенным «магистральным» направлениям нелегального транзита. В отличие от них, деятельность по отмыванию наркодоходов

может осуществляться и далеко за пределами основных районов производства, транзитных стран и даже конечных рынков наркотиков. Она поистине транснациональна, придает наркотрафику глобальный размах и притягивается не только к офшорам, но и к ведущим региональным или глобальным финансовым центрам. Так, ни Соединенные Штаты, ни, например, ОАЭ не входят в число основных рынков потребления афганского героина. Однако, как показало расследование сложной цепочки отмывания доходов от наркотиков афганского происхождения, связанной с валютно-обменной сетью “*New Ansari Money Exchange*”²⁸, когда такие средства попадают в международную финансовую систему, они могут всплыть где угодно, в том числе в самих США или там, где это напрямую затрагивает интересы США. В этом контексте и США, и Россия равно заинтересованы в том, чтобы проблема отмывания наркодоходов привлекала больше внимания и чтобы взаимодействие в этой области было более активным. Сотрудничество в сфере противодействия отмыванию наркодоходов также могло бы — хотя бы отчасти — выровнять дисбаланс антинаркотической политики, который характерен для стран-потребителей наркотиков. Этот дисбаланс — когда больший упор делается на ограничение предложения (из стран-поставщиков наркотиков), чем на контроль над спросом на наркотики на собственных внутренних рынках — присутствует и в антинаркотических стратегиях США и России, хотя и в разной степени.

В-третьих, связи между наркотрафиком, коррупцией и низкой эффективностью властей Афганистана носят системный характер и выходят за пределы страны, подрывая безопасность и разъедая системы государственного управления в регионах, представляющих стратегический интерес для России и США. Распространение подобных транснациональных преступно-коррупционных

сетей не менее опасно, чем традиционные связи между наркотрафиком и различными видами вооруженного насилия — от чисто криминального до террористического — которые в той или иной степени угрожают обеим странам.

Заключение

Вывод сил США и НАТО из Афганистана к концу 2014 года, пусть и не полный, будет иметь — и уже имеет — неоднозначные последствия как для самого Афганистана, так и для более широкого региона. С одной стороны, в долгосрочном плане вывод иностранных военных континентов открывает возможность, хотя пока и зыбкую, для начала процесса внутриафганского национального примирения. С другой стороны, в краткосрочном плане он может иметь дополнительный дестабилизирующий эффект в условиях и без того нестабильной обстановки внутри Афганистана и вдоль его границ. При этом как военное присутствие США и НАТО в Афганистане в целом не оказало никакого, даже косвенного, сдерживающего влияния на рост афганской наркоэкономики, так и сокращение этого присутствия почти до минимального не приведет к ее катастрофическому расширению.

Несмотря на тенденцию, особенно среди западных экспертов и политиков, объединять Афганистан и Центральную Азию чуть ли не в один регион, в том числе с точки зрения развития ситуации после 2014-го, для России это два принципиально разных региона. У России в Афганистане и Центральной Азии разные интересы, разные возможности и разный уровень присутствия; различаются также и противоречия или, напротив, возможности взаимодействия с США и их западными союзниками в этих двух регионах.

Хотя Россия поддержала операцию США и их союзников в Афганистане, тем не менее значительная часть российского политиче-

ского и военного руководства подозревала, что затянувшееся западное военное присутствие представляет собой закамуфлированное «процеживание силы» в регионе, частично или даже в значительной мере нацеленное на то, чтобы стать противником России (и Китая) в Центральной Азии. Примерно в том же духе порой рассматривается и обозначившаяся в последние годы заинтересованность США, по мере сокращения их операций в Афганистане, в сохранении и даже некотором расширении своего «вспомогательного» и «транзитного» присутствия в Центральной Азии. В таких условиях отдельные мероприятия и инициативы, предпринимаемые США в Центральной Азии под флагом борьбы с наркотиками, особенно если они напрямую финансируются из американского военного бюджета, вызывают мало энтузиазма у российской стороны и нередко интерпретируются как «прикрытие» иных целей и задач США в регионе. В ситуации стратегического соперничества, в частности, между ОДКБ и НАТО, которые разве что формально признают существование друг друга, но дальше этого дело не идет, трудно ожидать активного российско-американского взаимодействия в антинаркотической сфере именно в Центральной Азии.

В том же, что касается ситуации внутри Афганистана, где российские возможности и влияние минимальны или весьма ограничены, Россия вынуждена опираться на любые дееспособные структуры как на государственном уровне, так и на уровне иностранного экономического и военного присутствия. Поэтому в афганском контексте Россия крайне заинтересована во взаимодействии с США как с ключевым внешним игроком в области безопасности, а также в том, чтобы помощь США в борьбе с наркотиками в регионе была сосредоточена именно на Афганистане.

В целом, несмотря на сегодняшние геополитические реалии, в том, что касается сило-

вых, социально-экономических и большинства других аспектов антинаркотической деятельности, усилия, возможности и ресурсы США и России не противоречат друг другу, а скорее объективно друг друга дополняют. Это диктует своеобразное неформальное «разделение труда» между США и Россией в области антинаркотической деятельности и оказания помощи по борьбе с наркотиками афганского происхождения. И такое разделение труда отчасти уже намечается на практике.

По крайней мере, у России есть все основания настаивать на том, чтобы США не просто продолжали оказывать, а желательно, и увеличили помощь Афганистану, направленную на борьбу с наркотиками и социально-экономическое развитие. В определенном смысле это можно рассматривать как «компенсацию» за тот масштабный ущерб, который приток относительно дешевого афганского героина, резко увеличившийся в 2000-е, нанес безопасности России, а также за издержки, связанные с нестабильностью, которая грозит усилиться в условиях вывода западных сил из Афганистана.

В этом смысле хорошим знаком является постепенное сближение подходов России и США к афганской наркопроблеме; обе стороны признают, что у них нет какого-то одного «технического» решения, а значит, необходима комплексная антинаркотическая стратегия. Такая стратегия должна включать силовой аспект (подготовку местного персонала, гарантирование «чистого» финансирования антинаркотических структур, по крайней мере, на ближайшие годы, помощь в ликвидации нарколабораторий и т. д.); социально-экономические меры (от внедрения альтернативных культур до программ развития); меры в области национально-государственного строительства и политического урегулирования. Постепенно укрепляется представление, что в национальном масштабе восстановление и развитие экономики

Афганистана (рост промышленности, добычи и переработки природных ресурсов и сферы услуг), в том числе с участием таких игроков, как Китай, Индия, Иран и др., может стать даже более эффективной и долгосрочной альтернативой опиийной экономике, чем узкая стратегия наркозамещения в отдельных районах, ориентированная только на сельское хозяйство.

Россия, в свою очередь, может и должна сосредоточиться, во-первых, на организации и координации региональных усилий по противодействию транзиту афганских опиатов через Центральную Азию. Эта работа ведется уже сейчас, в том числе в форме конкретных операций под эгидой ОДКБ (таких как «Канал» и «Гром-2012») и во взаимодействии с УНП ООН и созданным под его эгидой Центральноазиатским региональным информационным и координационным центром (ЦАРИКЦ), который пока еще недостаточно проявил себя. В центре российских инициатив должно быть более масштабное содействие центральноазиатским партнерам в борьбе с наркотиками, а также стимулирование пока еще слабо развитого регионального сотрудничества по этой проблеме, особенно в части пограничного и таможенного контроля. Давно назрела необходимость в разработке комплексной стратегии российской помощи социально-экономическому развитию стран региона, особенно в свете возможного расширения Таможенного союза²⁹. Такая стратегия должна предусматривать меры, направленные не только на борьбу с наркотрафиком и угрозами, которые с ним связаны, но и на решение проблем нелегаль-

ной трудовой миграции. Во-вторых, России, в том числе в сотрудничестве с Казахстаном, следует сосредоточиться на укреплении собственного потенциала как в области полицейских операций по борьбе с наркотиками и усилению пограничного и таможенного контроля, так и в сфере сокращения внутреннего спроса на наркотики.

Такое неформальное «разделение труда» по линии Афганистан – Центральная Азия отнюдь не исключает совместных, скоординированных или, по крайней мере, не противоречащих друг другу действий России и США в афгано-центральноазиатском контексте. Такие действия предпринимаются уже сегодня: примером может служить подготовка в России афганских, пакистанских и центральноазиатских специалистов по борьбе с наркотиками в рамках специальной программы Совета Россия–НАТО или поддержка со стороны США и Агентства по контролю за наркотиками Таджикистана центра связи с афганскими коллегами в городе Талокане на территории Афганистана. Было бы также неплохо, если бы США, например, обусловили предоставление Таджикистану и Узбекистану части оставшихся от афганской компании вооружений и техники (на что в обеих странах очень рассчитывают) определенными обязательствами по более активному противодействию наркотрафику. России также не помешало бы хотя бы частично увязать наращивание помощи партнерам по ОДКБ (Таджикистану и Киргизии) в области безопасности и экономического развития с необходимостью усилить меры по борьбе с транзитом афганских наркотиков. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ Afghanistan Opium Survey 2008. Vienna, UNODC, 2008. P. 7.

² Основы опиийной экономики в Афганистане сложились до периода фактического правления талибов (1996–2001 годы). Придя к власти, талибы сначала взимали в ряде районов налоги с культивирования мака (исламский налог с урожая — ушр) и, реже, с торговли опиумом, однако с первых лет правления предпринимали попытки ограничить выращивание мака. Среди причин последней из таких попыток — запрета на культивацию мака от 2000 года — сочетание религиозного императива с рыночной конъюнктурой и экономическими факторами, в том числе наличием у талибов альтернативных источников дохода. Прежде всего такими источниками служили сборы с региональной контрабандной торговли (особенно с Пакистаном) другими, в том числе легальными, товарами; в отдельные годы они втрое превышали сборы с производства наркотиков. Одним из факторов могло быть также стремление талибов добиться смягчения международных санкций. Запрет 2000 года оказался беспрецедентно успешным, благодаря тому что в годы своего правления талибы сумели наладить базовую функциональность государственной власти, что позволило — с помощью жестких мер — воплотить в жизнь принятое решение. Подробнее см.: *Степанова Е.А.* Роль наркобизнеса в политэкономии конфликтов и терроризма. М.: Весь мир, 2005. С. 65–76 (http://www.imemo.ru/df/publ/2005/drug%20business_35-94.pdf).

³ Площадь маковых посевов в 2012 году составила, соответственно, 154 тыс. га (по данным УНП ООН) или 180 тыс. га (по данным США). Afghanistan: Opium Survey 2012 / UN Office on Drugs and Crime (UNODC); Islamic Republic of Afghanistan Ministry of Counter Narcotics. Vienna: UNODC, May 2013. P. 9, 11; International Narcotics Control Strategy Report 2013. V. I: Drug and Chemical Control. Wash. D.C.: U.S. Department of State Bureau for International Narcotics and Law Enforcement Affairs, 2013. P. 83.

⁴ См.: World Drug Report 2010. Vienna: UNODC, 2010; <http://www.unodc.org/unodc/en/drug-trafficking/index.html>.

⁵ Report of the International Narcotics Control Board for 2011. N.Y.: United Nations, 2012; Afghan Narcotraficking: A Joint Threat Assessment / Report by Joint U.S.-Russia Working Group on the Afghan

Narcotraficking / *E. Stepanova* (Principal Author) et al. / J. Miller (ed.) N.Y.: EastWest Institute, 2013. P. 13.

⁶ *Shanker T., Bumiller E.* U.S. Shifts Afghan Narcotics Strategy // New York Times. 2009. July 23.

⁷ The Global Afghan Opiate Trade: A Threat Assessment. Vienna, UNODC, 2011. P. 22, 30; Afghan Narcotraficking: A Joint Threat Assessment. P. 40; *Stepanova E.* Illicit Drugs and Insurgency in Afghanistan // Perspectives on Terrorism. 2012. May. Vol. 6. No. 2. P. 4–18.

⁸ Afghanistan: Opium Survey 2012. P. 68.

⁹ Afghanistan Opium Survey 2011. Vienna: UNODC, 2012. P. 77; Afghanistan: Opium Survey 2012. P. 66.

¹⁰ World Drug Report 2011 / UNODC Report. N.Y.: United Nations, 2011. P. 45.

¹¹ *Whitlock C.* Diverse Sources Fund Insurgency in Afghanistan // The Washington Post. 2009. Sept. 27; *Collins C., Ali A.* Financing the Taliban: Tracing the Dollar Behind the Insurgencies in Afghanistan and Pakistan / New America Foundation Brief. Wash. D.C., 19 April 2010.

¹² По данным на конец 2012 года: 18th Quarterly Report to the United States Congress / Report by Special Inspector General for Afghanistan Reconstruction (SIGAR). Arlington, VA: SIGAR, 2012. P. 55.

¹³ Ibid.

¹⁴ Afghan Narcotraficking: A Joint Threat Assessment. P. 21.

¹⁵ *Mansfield D., Fishstein P.* Eyes Wide Shut: Counternarcotics in Transition / Afghanistan Research and Evaluation Unit (AREU) Briefing Paper. Kabul: AREU, Sept. 2013. P. 13.

¹⁶ Opiate Flows Through Northern Afghanistan and Central Asia: A Threat Assessment. Vienna: UNODC, 2012. P.10, 21 ff.

¹⁷ Afghanistan Opium Survey 2012, Summary Findings. Vienna, UNODC, 2012. P. 4.

¹⁸ Opiate Flows Through Northern Afghanistan and Central Asia. P. 34, 37.

¹⁹ World Drug Report 2011. P. 71; The Global Afghan Opiate Trade: A Threat Assessment. P. 44; International Narcotics Control Strategy Report 2013. Vol. 1. P. 277.

²⁰ World Drug Report 2011. P. 72–73.

²¹ International Narcotics Control Strategy Report, Vol. 1. Wash. D.C.: U.S. Department of State Bureau for International Narcotics and Law Enforcement Affairs, 2012. P. 376.

²² Виктор Иванов, директор ФСКН, цит. по: ИНТЕРФАКС. 23.03.2012.

²³ Патрушев: ущерб от наркотиков в РФ равен расходам на здравоохранение // Novosti Mail.ru. 25.02.2013.

²⁴ Директор ФСКН В.Иванов, цит. по: Russia Criticizes NATO for Afghan Heroin // BBC Russian Service. 27.02.2010; White Death across Russia // Voice of Russia. 22.11.2011.

²⁵ В сентябре 2012-го президент Путин сказал в интервью телеканалу *Russia Today*: «Наркотики кормят Афганистан: 9 проц. ВВП страны складываются из торговли наркотиками. Для того, чтобы 9 проц. заместить, надо заплатить, а платить никто не хочет. А просто говорить о том, что мы сейчас заместим доходы, получаемые от продажи наркотиков, другими доходами, недостаточно. Нужна реальная экономическая политика и финансовая поддержка. К этому, похоже, никто не готов». Официальный сайт Президента России: <http://news.kremlin.ru/transcripts/16393/print>

²⁶ World Drug Report 2013 / UNODC. N.Y.: United Nations, May 2013. P. 33.

²⁷ Единственным исключением является Узбекистан, где изъятие наркотиков возросло, в том числе в силу более жесткого, по сравнению с соседними государствами, пограничного контроля. Opiate Flows Through Northern Afghanistan and Central Asia. P. 46.

²⁸ Islamic Republic of Afghanistan: Detailed Assessment Report on Anti-Money Laundering and Combating the Financing of Terrorism / International Monetary Fund (IMF) Country Report No. 11/317. Wash. D.C., 2011. P. 28; Drug Investigations Lead to Treasury Designation of New Ansari Money Exchange / U.S. Drug Enforcement Administration (DEA) Press-Release. 18.02.2011.

²⁹ *Stepanova E.* Afghanistan After 2014: The Way Forward for Russia / Russie.NEI.Visions. No. 71. Paris: Institut Français des Relations Internationales (Ifri), 2013. P. 14. См. также на рус. яз.: <http://www.ifri.org/downloads/ifristepanovanatoafghanistanrussiain2013.pdf>.

Алексей Миллер. Украинский вопрос в Российской империи. Киев: Laurus, 2013. 416 с.

Писать о предлагаемом вниманию читателя издании — занятие не совсем обычное. Книга, о которой пойдет речь, уже давно стала классической. Впервые она была опубликована в 2000 году в Санкт-Петербурге, три года спустя вышел ее английский перевод, и за время, прошедшее с тех пор, она успела оказать существенное влияние на понимание историками затронутых в ней сюжетов. И вот «„Украинский вопрос“ в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века)» профессора Центрально-Европейского университета Алексея Миллера, постоянного автора «Pro et Contra», и едва ли нуждающегося в представлении читателям журнала, снова вышел из печати. На этот раз — в киевском издательстве «Laurus». Являясь по сути переизданием оригинальной работы с незначительными исправлениями, монография соседствует под одной обложкой с тремя другими статьями Миллера (две из них написаны в соавторстве), также опубликованными ранее¹. Выход издания именно теперь не случаен. Он приурочен к 150-летию юбилею так называемого Валуевского циркуляра 1863 года — предписания министра внутренних дел Российской империи Петра Валуева цензурным комитетам о запрете на издание книг учебного и религиозного характера на украинском языке. Этот циркуляр является центральной проблемой для исследования Миллера и одним из ключевых событий XIX века для украинского исторического нарратива. С большой вероятностью можно предположить, что переиздание «Украинского вопроса» аккурат к юбилею имеет не просто символическое значение. Скорее, это попытка сделать текст очным участником украин-

ской интеллектуальной дискуссии, которая, как следовало ожидать, должна была возникнуть в связи с наступлением круглой даты.

Ниже я попытаюсь, насколько это возможно в рамках настоящей рецензии, обозначить контуры этой дискуссии. Но прежде — несколько слов о самой книге и о том, какие именно вопросы она приглашает переосмыслить. Алексей Миллер исследует процесс возникновения и становления украинского национализма в Российской империи во второй половине XIX века как вызова для представлений (далеко еще не устоявшихся) образованного общества о том, каким может и должно быть содержание «русскости» и где следует пролегать ее границам. Представления о национальных идентичностях в Юго-Западных губерниях еще только начинали складываться и были предметом широких общественных дебатов. Миллер называет это соперничеством нескольких национальных проектов: украинского, общерусского, а также польского, каждый из которых предъявлял свои особые и исключительные права на одну и ту же территорию. Со временем в этот процесс вовлекались имперские структуры власти. Киевский генерал-губернатор, министерство народного просвещения, министерство внутренних дел, III отделение, цензурные комитеты, Синод, наконец, сам император участвовали в выработке политических решений по отношению к украинофилам, но все они руководствовались различными соображениями и преследовали разные цели. Вследствие этого имперская политика отличалась изменчивостью и непредсказуемостью; к тому же она была подвержена влиянию общественного мнения и, в свою оче-

редь, сама оказывала на него воздействие. Автор не отрицает жестокость репрессивных мер, но обращает внимание на то, что они были подчинены той же логике имперского национализма, которой руководствовались, к примеру, власти Франции в отношении крестьян Прованса или Британии в отношении жителей Шотландии. Причину же того, что, в отличие от них, общерусский проект в конечном итоге потерпел неудачу и остался всего лишь проектом, Миллер видит в неспособности российских властей предложить позитивную часть программы по национализации населения. Иными словами, империя запрещала, но не просвещала.

Среди предпринятых властями запретительных мер в борьбе с украинофилами две являются ключевыми. Кроме упомянутого выше Валуевского циркуляра (который сам министр Валуев рассматривал как временную меру), это также указ, подписанный Александром II в городе Бад Эмс в 1876 году, который еще сильнее сужал сферу употребления украинского языка, но все же оставлял авторам возможность публиковать свои художественные произведения при условии, что их рукописи пройдут предварительную цензуру. Каждая из этих мер была вызвана к жизни разными обстоятельствами и принималась в разных условиях; каждая проходила периоды существенного ослабления и далеко не всегда охотно исполнялась на разных уровнях имперской администрации — как в Киеве, так и в Санкт-Петербурге. Однако в украинском историческом нарративе они, как правило, предстают в виде этапных — и едва отличимых друг от друга — моментов единой телеологической схемы, согласно которой изначальным и безусловным стремлением имперских властей было доставить «возрождающейся» украинской нации как можно больше неприятностей.

Валуевский циркуляр выглядит более важным для национального украинского

мартиролога, чем Эмский указ, который хоть и отличается большей жесткостью предписаний, но тем не менее является вторичным. Особенно важно здесь то, что именно в нем использована знаменитая фраза «не было, нет и быть не может», к которой часто обращаются в публичном дискурсе так, как если бы это был окончательный вердикт, вынесенный империей украинскому языку*.

Любопытную иллюстрацию того, как накладываются друг на друга образы двух запретительных мер, можно встретить у одного из наиболее интересных украинских писателей, а также одного из лидеров революционных событий 1917–1918 годов в Украине Владимира Винниченко. В своей трехтомной мемуарно-публицистической работе «Возрождение нации», написанной в Вене в 1919-м, он так характеризует положение, в котором пребывала украинская нация незадолго до революции: «Казалось, все было сделано чисто: закопано, засыпано, земля на могиле выглажена и песочком присыпана. „Никакого украинского языка не было, нет и быть не может“ — сказал в 80-х годах прошлого века один из выдающихся русских могильщиков Украины, притаптывая ногами землю на могиле. И, действительно, в то время не могло появиться в литературе ни одного слова на украинском языке. [...] Значит, будто полная смерть нации»².

Винниченко не называет имени этого могильщика. Едва ли можно предположить, что он запамätывал его имя из-за суматохи

* Примечательно, что эта фраза приобретает свой зловещий смысл путем отсечения от контекста, в котором она прочитывается совсем иначе: «самый вопрос о пользе и возможности употребления в школах этого наречия не только не решен, но даже возбуждение этого вопроса принято большинством малороссиян с негодованием, часто высказывающимся в печати. Они весьма основательно доказывают, что никакого особенного малороссийского языка не было, нет и быть не может и что наречие их, употребляемое простонародием, есть тот же русский язык, только испорченный влиянием на него Польши».

революции. Вероятно, он предполагал, что читатель без труда догадается, о ком идет речь, либо же просто хотел забыть Герострата. Что он действительно забыл, так это время и обстоятельства «произнесения» знаменитой фразы. Многим позже, в 1928 году, в своем «Открытом письме к Максиму Горькому», поводом к написанию которого послужила презрительная реплика Горького в отношении украинского языка, Винниченко провел прямую аналогию между Горьким и Валуевым. Там он датирует высказывание министра 1876 годом, то есть годом подписания Эмского указа. Еще раз и гораздо более эмоционально он обращается к теме циркуляра в своем эссе «Был, есть и будет» в 1948 году. Там с легкой руки Винниченко временная мера министра превращается то в «заповедь», то в «призыв», косвенная речь в тексте документа — в «восклицание», «крик» и даже в «зоологическое рычание», а в конце цитируемой фразы, конечно, уже добавляется восклицательный знак ³.

Легкость, с которой Петр Валуев поддается демонизации, и та простота, с которой принято объяснять причины появления его циркуляра, являются отличительными чертами многих украинских дискуссий об имперском опыте. Образы прошлого, предлагаемые публичными интеллектуалами, возможно удобны для усваивания обществом, однако они нередко приобретают гротескные черты. Так, профессор Римского университета «Ла Сапыенца» Оксана Пахлёвская говорит о Валуевском циркуляре как о «закономерном» следствии «глобальной имперской программы, открыто направленной на физическое уничтожение коренного этноса, на вытеснение его с собственной территории, на денационализацию его культуры и превращение свободного народа в коллективного послушного раба» ⁴.

Именно обманчивая ясность вопроса, возможно, послужила причиной того, что

в Украине не было хоть сколько-либо заметных и значимых дискуссий о Валуевском циркуляре. Обмен кивающими репликами в блогосфере словно подтвердил существование определенного консенсуса на этот счет. Из массмедиа, не оставшихся в стороне от юбилея, чаще всего и вполне ожидаемым образом о циркуляре вспоминали в киевской газете «День», традиционно много внимания уделяющей историческим сюжетам. Общая черта, объединяющая опубликованные в этой газете очерки, — неизменная уверенность авторов, что из истории можно и нужно извлекать уроки, поэтому главной задачей для каждого из них является попытка понять, какие именно. Для проректора и профессора Острожской академии Петра Кралюка юбилей Валуевского циркуляра стал удобным поводом поразмышлять о явлениях «национального предательства» и «национального коллаборационизма». Обращая внимание читателя на то, что циркуляр был принят с подачи украинца, киевского цензора Ореста Новицкого, он предлагает использовать знание об украинофобах прошлого в целях борьбы с украинофобами настоящего. Для этого достаточно сперва «хотя бы выпустить книгу под названием „Украинцы против Украины“, где рассказать о самых известных украинских украинофобах. А еще учредить премию „Украинский Иуда“ с призовым фондом в тридцать серебряников» ⁵.

Автор другой заметки, профессор Киевского национального университета имени Шевченко Николай Тимошик проводит прямую линию преемственности между циркуляром, «позорным в истории всей человеческой цивилизации», и социалинги-стической ситуацией в Украине в настоящее время. «Последствия отработанного веками механизма уничтожения всего украинского», утверждает автор, ощущаются и по сей день. В их числе и скандальные политические

инициативы правящей партии, связанные с изменением статуса русского языка. Попытки внедрить в отдельных регионах государства второй официальный язык побуждают, по словам Тимошика, «пристальнее вникать и анализировать уроки истории»⁶.

Преимущественно информативный характер имеет статья редактора исторического отдела газеты Игоря Сюдюкова. Автор повествует об историческом фоне, который делает понятным и закономерным появление циркуляра, то есть о «вековом» — от Алексея Михайловича до генсека Юрия Андропова — курсе на уничтожение украинского языка, «крово- и животворной системы бытия народа». Рассказывая предысторию появления циркуляра, он называет его «одной из наиболее brutальных и лицемерных (и потому — наиболее подлых) акций антиукраинского лингвоцида». Интересен другой момент: из трех иллюстраций, использованных в статье, первая представляет собой портрет Петра Валуева, вторая — портрет Александра II, а третья — изображение самого циркуляра, на поверку, впрочем, оказавшееся копией страницы из монографии Алексея Миллера⁷.

Совсем другое впечатление производит эссе львовского историка Марьяна Мудрого на портале «Zaxid.net». Автор рисует сложный и взвешенный образ имперской ситуации, которая привела к появлению Валуевского циркуляра, само название которого «вобрало в себя весь негатив украинско-российских взаимоотношений». Мудрый не предлагает читателю извлекать уроки из исторических событий. Более того, он признается, что не верит в поучительность истории. Чего, по его мнению, действительно не хватает украинской историографии, так это не поучительности, а «более широких исторических контекстов». Читая это эссе, нетрудно заметить влияние «Украинского вопроса» на авторскую интерпретацию описываемых им событий, да и сам он ссылается

на Алексея Миллера. Об этом влиянии говорят даже текстуальные заимствования в виде некоторых ёмких и образных стилистических фигур⁸.

Еще одно обсуждение Валуевского циркуляра состоялось в рамках программы «Ваша Свобода» на «Радио Свобода», в которой приняли участие историк, специалист по XIX веку Валентина Шандра и литературовед Владимир Панченко. Панченко обратил внимание на то, что Валуев имел основания сослаться на приведенное им мнение «большинства малороссиян», а также на то, что, несмотря на всю суровость цензурных запретов на украинскую литературу, существовали возможности ее обходить, поскольку «законы в Российской империи никогда не исполнялись хорошо». Профессиональный разговор, лишенный морализаторства и апелляций к эмоциям слушателя, все же не смог обойтись без аллюзий на современность, когда Владимир Панченко сравнил Михаила Юзефовича, инициатора Эмского указа, с нынешним одиозным министром образования и науки Украины Дмитрием Табачником, который известен скандальными выпадами в адрес носителей украинской национальной идентичности. Эти мимоходом сказанные слова (сравнение Юзефовича с Табачником) были подхвачены редакцией, став заглавием всего выпуска передачи⁹.

На государственном уровне юбилей Валуевского циркуляра отмечен не был, хотя возможность для этого имелась. Оппозиционные народные депутаты Верховной Рады Олесь Доний и Александр Бригинец выступили с инициативой законопроекта «О 150-летию Валуевского циркуляра как позорного акта, направленного на уничтожение украинского языка» (эта содержащаяся в названии формулировка должна была стать юридически легитимной дефиницией). Предусматривалось, что Валуевский циркуляр, «одно из ярких

проявлений шовинистической политики российского самодержавия, направленного на усиление национального, духовного и политического гнета украинского народа» получит свою «объективную» оценку в правовом поле. Коммеморация предусматривала проведение в вузах тематических конференций, лекций и круглых столов с параллельным запуском научно-популярных программ по радио и телевидению. Такие меры, по убеждению авторов законопроекта, стали бы «проявлением заботы государства о государственном языке, способствовали недопущению повторения притеснений украинского языка». На персональном сайте Бригинца циркуляр, «одно из самых больших юридических преступлений, совершенных Российской империей в отношении нашей [украинской] нации», был назван причиной проблем украинцев в отношении употребления украинского языка. На той же странице, на которой приводился этот текст, была размещена и ссылка на текст Валуевского циркуляра, в свою очередь ведущая к электронному варианту книги Миллера¹⁰. За месяц до дня юбилея, 19 июня, законопроект был одобрен Комитетом Верховной Рады по вопросам культуры и духовности, но сам парламент вскоре ушел на каникулы. Впоследствии законопроект с подачи парламентского большинства был исключен из повестки

дня очередной сессии Верховной Рады как «спорный»¹¹.

Как я пытался бегло и в самых общих чертах показать, осмысление места Валуевского циркуляра в украинском историческом нарративе все еще требует серьезной рефлексии. Поэтому выход книги Алексея Миллера в Киеве можно только приветствовать. Однако от переиздания можно было бы ожидать большего внимания к определенным деталям — там, где этого требует характер приводимых сведений. Например, информация автора об отсутствии современного переиздания книги Сергея Щеголева «Украинское движение как современный этап южно-русского сепаратизма» (Киев, 1912) уже устарела, так как это переиздание появилось еще в 2004 году¹².

Можно было бы пожалеть и еще об одном обстоятельстве: книга не была переведена на украинский. Позволю себе предположить, что каждое из утверждений автора звучало бы для многих украинских читателей более убедительно, если бы оно было высказано на языке, с которым так жестоко обходились протагонисты его повествования. Это, конечно, не вопрос «исторической справедливости» и не проблема коммуникации. Речь не о языке как средстве сообщения, но это как раз тот случай, когда сообщением стал бы сам язык. Напоминанием читателю, что прошлое осталось прошлым. ■

АЛЕКСАНДР ПОЛЯНИЧЕВ

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ *Миллер А.* Империя и нация в воображении русского национализма: Заметки на полях одной статьи А. Н. Пыпина // *Российская империя в сравнительной перспективе* / Под ред. А. Миллера. М.: Новое издательство, 2004. С. 263–285; *Miller A., Ostapchuk O.* The Latin and Cyrillic Alphabets in Ukrainian National Discourse and in the Language Policy of Empires // *A Laboratory of Transnational History. Ukraine*

and Recent Ukrainian Historiography / G. Kasianov, Ph. Ther (eds). Budapest: CEU Press, 2008. P. 167–210; *Котенко А., Мартынюк О., Миллер А.* Малоросс // *Понятия о России: к исторической семантике имперского периода* / Под ред. А. Миллера, Д. Сдвижкова, И. Ширле. Т. 2. М.: НЛО, 2012. С. 392–443.

² *Винниченко В.* Відродження нації. Частина I. Київ – Відень, 1920. С. 35. Название главы, из кото-

рой взят этот пассаж, еще более ёмко: «Крест на могиле нации: „Не было, нет и быть не может“».

³ *Винниченко В.* Публіцистика / Упорядник і редактор В. Бурбела. Нью-Йорк – Київ, 2002. С. 191–198, 292–302.

⁴ *Пахльовська О.* Проблема спадщини в українській культурі та форми її імперської експропріації // *Ave, Europa!* Статті, доповіді, публіцистика (1989–2008). Київ: Пульсари. С. 73.

⁵ *Кралюк П.* Валуєвський циркуляр і «група 148» // *День*. № 135. 2013. 1 серпня (<http://www.day.kiev.ua/uk/article/podrobici/valuievskiy-cirkulyar-i-grupa-148>).

⁶ *Тимошук М.* Валуєвський циркуляр: як, ким, чому? // *День*. № 123. 2013. 17 липня (<http://www.day.kiev.ua/uk/article/podrobici/valuievskiy-cirkulyar-yak-kim-chomu>).

⁷ *Сюндюков І.* Ще раз про Валуєвський циркуляр // *День*. № 125. 2013 18 липня (<http://www>.

[day.kiev.ua/uk/article/istoriya-i-ya/shche-raz-pro-valuievskiy-cirkulyar](http://www.day.kiev.ua/uk/article/istoriya-i-ya/shche-raz-pro-valuievskiy-cirkulyar)).

⁸ *Мудрий М.* Циркуляр // *Zaxid.net*. 2013. 31 липня (<http://zaxid.net/home/showSingleNews.do?tsirkulyar&objectId=1290518>).

⁹ 150-ліття Валуєвського циркуляру: Юзефович – це «Табачник 19-го століття»? (<http://www.radiosvoboda.org/content/article/25035485.html>).

¹⁰ Бригинець хоче засудити Валуєвський циркуляр на державному рівні (<http://bryhynets.com/?nma=news&fla=stat&nums=5299>).

¹¹ Ср. весь перечень исключенных законопроектов: <http://static.rada.gov.ua/zakon/new/WR/PD7-3d2.htm>; а также информацию о законопроекте: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?id=&pf3511=47399

¹² *Щеголев С.* История «украинского» сепаратизма. М.: Имперская традиция, 2004.

Что и почему нам следует знать о Центральной Азии *

Marlène Laruelle, Sébastien Peyrouse. The Chinese Question in Central Asia: Domestic Order, Social Change and the Chinese Factor. Columbia Univ. Press, 2012. 271 p.

Alexander Cooley. Great Games, Local Rules: The New Great Power Contest in Central Asia. Oxford Univ. Press, 2012. 252 p.

Central Asia and Afghanistan: Insulation on the Silk Road, Between Eurasia and the Heart of Asia / A Report by Shahrbanoou Tadjbakhsh. Peace Research Institute Oslo: PRIO Paper, 2012. 62 p., available at www.prio.no

Philip Shishkin. Restless Valley: Revolution, Murder and Intrigue in the Heart of Central Asia. Yale Univ. Press, 2013. 316 p.

China's Central Asian Problem / A Report by the International Crisis Group // Asia Report. No 244. 2013. Febr. 27. 35 p., available at www.crisisgroup.org

Морозной ночью 12 декабря 1991 года я стоял на обледенелом асфальте аэропорта под Ашхабадом, столицей бывшей Туркменской Советской Социалистической Республики — в самом сердце Центральной Азии, наблюдая, как здесь собирались пять бывших руководителей коммунистических партий, а в будущем президентов республик Туркменистан, Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан и Таджикистан. Почетный караул, военный оркестр, танцующие девушки с замерзшими цветами в руках выполняли сложные перестроения, дрожа от холода всё то время, пока приземлялись самолеты высоких гостей, сходявших по трапам на летное поле в шубах и шапках.*

Это был важный момент мировой истории. Четыре дня назад президент России Борис

Ельцин и руководители Украины и Беларуси подписали договор о роспуске Советского Союза. Пять центральноазиатских республик неожиданно-негаданно стали независимыми, но при этом никто даже не подумал предварительно посоветоваться с их главами. Испытывая злость, досаду, страх, чувствуя себя брошенными «Россией-матушкой» и с ужасом думая о последствиях, они просидели всю ночь, обсуждая свое будущее.

Странно было видеть наследников великих завоевателей — Чингисхана, Тамерлана и Бабур — такими перепуганными. Они были привязаны к Москве тысячами нитей, от линий электропередач до автомобильных и железных дорог и телефонных сетей. Центральная Азия была превращена в обширную колонию, производящую сырье — хлопок, пшеницу, металлы, нефть и газ — для советской индустриальной машины в западной части России. Они смертельно боялись экономического и социального коллапса — ведь Ельцин попросту вышвырнул их из империи. В ту ночь заместитель министра иностранных дел Туркменистана сказал мне:

* Некоторые данные для этой обзорной статьи взяты из двух моих книг о Центральной Азии, см.: *Rashid A.* The Resurgence of Central Asia: Islam or Nationalism? Zed, 1994; *Idem.* Jihad: The Rise of Militant Islam in Central Asia. Yale Univ. Press, 2002; Penguin, 2003.

«Мы не празднуем, мы оплакиваем нашу независимость».

На следующее утро пять лидеров заявили, что все они присоединяются к вновь образованному и мало к чему обязывающему союзу, названному Содружеством Независимых Государств (СНГ). Ввиду сомнений относительно жизнеспособности государств Центральной Азии немалое число из 51 млн человек, проживавших в регионе и принадлежавших примерно к ста различным этническим группам, стали собираться в Россию. Еще никогда рождение новых государств не сопровождалось таким обилием сомнений, страхов и такой неуверенностью, ощущаемой самими освобождаемыми людьми.

Об этом важно помнить, глядя на Центральную Азию сегодня, двадцать два года спустя, и находясь в ожидании другого исторического события: вывода войск США и НАТО из Афганистана в 2014 году. Страны Центральной Азии выжили, несмотря на репрессии и отсутствие реформ во всех пяти государствах, гражданскую войну в Таджикистане и протесты, резню и экономический упадок в Кыргызстане, Таджикистане и Узбекистане. Но относительно преуспели только энергопроизводящие государства — Казахстан и Туркменистан. Согласно *World Factbook* ЦРУ, ВВП на душу населения в Казахстане в настоящее время составляет 13 900 дол., а в Туркменистане — 8 500 дол., и их совместная доля достигает двух третей от суммарного ВВП стран Центральной Азии. В противоположность этому в Таджикистане и Кыргызстане ВВП на душу населения составляет чуть более 2 000 долларов.

После 11 сентября 2001-го крупные державы — Россия, Китай и США — вновь стали проявлять интерес к этому региону по той простой причине, что он граничит с Афганистаном. И руководители стран Центральной Азии играют на противоречиях между великими державами, ведя хитроумную и беззащитную игру

с целью извлечь максимальную выгоду в виде кредитов, инвестиций, оружия и платы за аренду военных баз на своей территории.

Как и в 1991 году, сейчас для Центральной Азии наступил переломный момент, и ее серьезно беспокоит, что же будет дальше. Одержат ли талибы вновь победу в Афганистане, после чего в страны Центральной Азии будет открыт путь исламистским группировкам, тесно связанным с «Аль-Каидой» и наращивающим свои силы на базах в Пакистане? Прокатятся ли по региону популистские революции, похожие на «арабскую весну»? В Кыргызстане это случилось уже дважды — в марте 2005-го и апреле 2010 года, и результатом стало свержение двух президентов.

Станут ли эти слабые государства, нуждающиеся в экономических ресурсах, заложниками Китая или России? Поможет ли им преодолеть нестабильность самый крупный региональный союз — направляемая Китаем Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), членами которой являются все эти страны, или же этот альянс по-прежнему будет уклоняться от серьезных реформ?

Китай и Центральная Азия

Ни одна из рассматриваемых здесь работ не дает исчерпывающих ответов на эти вопросы, однако наиболее полный анализ представлен в книге Александра Кули «Большие игры, местные правила: Новое противостояние великих держав в Центральной Азии». Все авторы едины в том, что в Центральной Азии наблюдается беспрецедентный рост влияния Китая. Марлен Ларюэль и Себастьян Пейруз, ученые из Университета Джорджа Вашингтона (округ Колумбия), в работе «Китайский вопрос в Центральной Азии: Государственное устройство, социальные изменения и китайский фактор» показывают, что Китай уже является доминирующей экономической силой в регионе.

Начиная с 1991-го Китай решает жизненно важную стратегическую задачу — добиться, чтобы уйгуры (самая крупная в Китае мусульманская этническая группа), проживающие в западной провинции Синьцзян, даже не помышляли о своей независимости, а переселившиеся в Центральную Азию сотни тысяч уйгуров не подстрекали их к этому. В 1950-е годы множество уйгуров бежало от маоистского режима, и убежище они нашли в советской Центральной Азии, где к ним относятся довольно хорошо.

После 1991-го Китай оказал огромное давление на три центральноазиатские страны, граничащие с провинцией Синьцзян, — Казахстан, Таджикистан и Киргизию, вынудив их жестко ограничить политическую деятельность проживающих там уйгуров. Взамен Китай подсластил пилюлю, урегулировав пограничные споры, на протяжении десятилетий отравлявших китайско-советские отношения в Центральной Азии. За десять лет была проведена демаркация границ между Китаем и государствами Центральной Азии, и проблема была решена, что позволило Китаю тотчас же начать стремительное экономическое проникновение в регион.

Тем не менее уйгурский национализм и идеология исламского радикализма в Синьцзяне продолжают укрепляться, в то время как Китай наводняет эту провинцию китайцами-хань и проводит жесткие репрессии против мусульман. Поскольку уйгуров Центральной Азии заставили по большей части замолчать, некоторые из них, пройдя соответствующее обучение, воюют рука об руку с талибами в Пакистане и Афганистане.

За последние десять лет Китай вложил в Центральную Азию значительные средства. Ларюэль и Пейруз пишут в связи с этим: «Менее чем за десять лет Китай сделался одним из трех крупнейших торговых партнеров каждого из государств Центральной Азии. Он контролирует четверть добываемой

в Казахстане нефти, построил трубопровод, идущий от Каспийского моря в Синьцзян, стал для Туркменистана предпочтительным импортером его газа, установил квазиэкономический протекторат над Кыргызстаном, который выживает в основном за счет реэкспорта китайских товаров, а Таджикистан играет для него роль “ворот” в Афганистан, к которым он имеет привилегированный доступ».

Мне кажется, что выводы этих двух авторов чрезвычайно важны в рамках любого серьезного обсуждения будущей геополитической роли Китая в Азии. Цифры внешнеторгового оборота этих стран указывают на заметный рост китайских инвестиций. Если в 2002-м объем торговли Китая со странами Центральной Азии не превышал 1 млрд дол., то в 2006-м он достиг 10 млрд, а к 2010 году составил уже 28 млрд долларов. Для сравнения: объем торговли России со странами Центральной Азии в 2010-м составил всего 15 млрд долларов. Очевидно, что Китай ослабляет экономические узы, которые традиционно связывали Центральную Азию с Россией.

Кроме того, Пекин нарушил монополию России на вывоз казахстанской нефти и туркменского природного газа. Сейчас два проложенных Китаем трубопровода (один берет начало в Атырау, на казахстанском побережье Каспийского моря, другой в Туркменистане) перекачивают соответственно нефть и газ через всю Центральную Азию в Синьцзян, где строятся новые трубопроводы, доставляющие углеводороды в промышленные районы Китая вплоть до побережья Тихого океана. Газовый трубопровод вскоре уже сможет поглощать дополнительные объемы газа, добытого в Узбекистане, Казахстане и в перспективе — в Афганистане. Кули в одном из интервью упомянул «все более громкий всасывающий звук, доносящийся с Востока». Эти поставки энергоносителей

из Центральной Азии обеспечивают Китаю высочайший уровень безопасности, поскольку снижают его зависимость от импорта энергоносителей, перевозимых морским путем, который США могут попытаться ограничить.

Несмотря на всё это, в Центральной Азии, как и повсюду в третьем мире, к Китаю относятся довольно враждебно, поскольку он жестоко эксплуатирует регион, мало что предлагая взамен. Так, китайские компании привозят своих рабочих и свое оборудование, не принимают на работу местных жителей и не обучают их нужным специальностям, отказываются закупать местные товары и продукты. Часто приходится слышать и конспирологические рассказы о том, что Китай скупает в Центральной Азии сельскохозяйственные земли или заселяет их миллионами своих крестьян. Народы Центральной Азии опасаются китайского влияния, даже когда их лидеры раскрывают свои объятия Китаю, который не задает вопросов об отсутствии демократии и соблюдения прав человека или о нежелании проводить экономические реформы (в этом плане Запад считается слишком навязчивым).

В недавнем докладе Международной кризисной группы «Центральноазиатская проблема Китая» читаем: «Китайская практика ведения бизнеса вызывает негативные чувства в регионе, где настороженность по отношению к Китаю... и так велика... Китай видит определенное родство между авторитарными режимами в Центральной Азии и у себя дома и, по крайней мере на публике, защищает их, используя одну и ту же риторику». В этом докладе говорится, что нынешняя торговая и инвестиционная практика Китая в Центральной Азии не может длиться вечно, если Китай не будет демонстрировать большую заботу об улучшении жизни местного населения. Однако Китай, кажется, теперь начинает воспроизводить ту же политику в Афганистане, с которым у него общая пятиде-

сятимильная граница в Ваханском коридоре. В течение последнего десятилетия он отказывался предоставлять афганцам сколько-нибудь серьезную помощь, будь то в сфере обеспечения безопасности или развития инфраструктуры. За последние двенадцать лет он оказал Афганистану экономическую помощь всего на сумму 2 млрд дол. — меньше, чем предоставила гораздо менее богатая Индия в рамках многих гораздо более впечатляющих проектов.

Китай заключает с Афганистаном контракты на добычу полезных ископаемых по мере того, как они становятся доступными. Он вложил 3,5 млрд дол. в медные разработки Айнак неподалеку от Кабула и сделал предложения по нескольким нефтяным месторождениям на севере Афганистана. Нет сомнений в том, что открытие доступа на международные рынки минеральным богатствам Афганистана позволит отчаянно нуждающемуся в средствах Кабулу получать неплохие доходы и в долгосрочной перспективе поможет стабилизировать ситуацию в Афганистане, однако сначала нужно дождаться окончания войны, и только тогда можно будет начать разработку полезных ископаемых. Китай проявляет терпение и, видимо, готов ждать окончания гражданской войны, которая может продолжиться и после 2014 года. Но пока нет никаких гарантий того, что он начнет предоставлять афганцам работу, налаживать здесь профессиональное обучение и, так сказать, вкладывать средства в афганский народ и его экономическое будущее.

Пекин вовлек страны Центральной Азии в Шанхайскую организацию сотрудничества, которую и Китай, и эти страны считают наиболее адекватной многонациональной организацией. Созданная в 1996-м как «Шанхайская пятерка», в настоящее время ШОС объединяет четыре государства Центральной Азии, Россию и Китай; Туркменистан придерживается нейтралитетной

тета и не входит в ШОС, тогда как южные соседи, такие как Иран, Пакистан и Индия, напротив, стремятся стать ее полноправными членами. Многим западным аналитикам ШОС представляется организацией, существующей только «на бумаге», которая не в состоянии предпринять совместные военные действия против террористов или действительно объединить центральноазиатских лидеров, печально известных своим нежеланием сотрудничать друг с другом.

И всё же своих главных целей Китай достиг. ШОС под его влиянием успешно «похоронила» уйгурскую проблему под лозунгом борьбы с тремя силами зла — «терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» (в трактовке Китая этот лозунг больше применим к уйгурам, нежели к «Аль-Каиде»). Китай обладает огромным влиянием на режимы в Центральной Азии, которые предоставляют ему транспортные пути и торговый доступ в Россию, Турцию и на Кавказ.

Возьмет ли на себя Пекин в ближайшие годы ответственность за Центральную Азию и Афганистан, использует ли он свои дипломатические возможности для мирного урегулирования ситуации в регионе, поможет ли создать инфраструктуру и поддержит ли проведение экономических реформ в беднейших странах Центральной Азии, в которых он пользуется наибольшим влиянием? Или же Китай останется алчной страной, выкачивающей минеральные ресурсы, избегающей всякой политической ответственности в Центральной Азии и охотно предоставляющей другим разбираться с хаосом, царящим в Афганистане?

До сих пор китайцы отказывались принимать участие в миротворческих инициативах по Афганистану или в переговорах с талибами, а это именно то, чему они могли бы содействовать. Китай пользуется огромным влиянием в Пакистане, где находится руководство талибов. При этом он не позволил

ШОС согласиться на участие в региональном урегулировании после 2014 года, когда американские войска покинут Афганистан. Только Китай имеет достаточную экономическую мощь и политический авторитет для установления мира в Афганистане, а также ресурсы, чтобы заполнить грядущий вакуум власти, но вопрос в том, захочет ли он взять на себя такую ответственность.

Россия и США в Центральной Азии

США проводили и проводят в Центральной Азии не менее близорукую политику, чем Китай. Александр Кули из Колумбийского университета и Шарбану Таджбахш (иранка по происхождению) из Института политических исследований в Париже известны как ведущие специалисты по Центральной Азии. Они и на этот раз не разочаровали. Книга Кули представляет собой очень доходчивый и хорошо написанный обзор американской политики в Центральной Азии за последние десять лет. И он, и Таджбахш, которая пишет для Норвежского научно-исследовательского центра, едины в том, что у США отсутствует стратегический подход к Центральной Азии.

Вместо этого, начиная с 2001 года три американские администрации, включая нынешнюю, уделяли первостепенное внимание вопросам военного сотрудничества с государствами Центральной Азии в целях содействия Соединенным Штатам и НАТО в решении их задач в Афганистане. А это автоматически приводит к тому, что центральноазиатские лидеры игнорируют и отклоняют требования США относительно политической либерализации, уважения прав человека и проведения экономических реформ. Центральная Азия является еще одним примером того, насколько милитаризованной стала после 2001-го американская внешняя политика.

В своей книге «Большие игры, местные правила» Кули идет еще дальше, показы-

вая, как Центральное командование США (*CENTCOM*) часто сводило на нет усилия государственного департамента и других ведомств американского правительства тем, что продолжало передавать деньги и покровительствовать руководителям стран Центральной Азии и их вездесущим спецслужбам, хотя официальная линия США состояла в том, чтобы сократить такого рода помощь. Особенно зримо это проявилось в случае с президентом Узбекистана Исламом Каримовым, который приказал войскам открыть огонь по демонстрантам в Андижане в Ферганской долине в 2005-м, когда погибло не менее восьмисот человек. Командование *CENTCOM* продолжало финансировать узбекских военных несмотря на то, что отношения государственного департамента США с Каримовым стали намного прохладнее. «Обязательства центральноазиатских правительств по защите политических прав и прав человека... порваны в ключья во имя борьбы с терроризмом», — пишет Кули.

Главная задача США и НАТО состояла в том, чтобы сохранить базы в Узбекистане, Киргизии и Таджикистане, поэтому они мирились с коррупцией и даже способствовали ее широкому распространению среди правящих элит. Согласно Кули, после 2008 года потребовались существенные денежные выплаты, чтобы получить согласие элит Центральной Азии на создание Северной распределительной сети (СРС) — сети автомобильных и железных дорог, проходящей через сухопутные евразийские страны и обеспечивающей снабжение коалиции сил Запада в Афганистане. СРС явилась альтернативой пакистанскому маршруту. Кули пишет: «Такое впечатление, что необходимым условием поддержания операций США в Афганистане является толерантное отношение к коррупции и даже активное содействие ей, а также к злоупотреблению властью в Центральной Азии». Теперь, когда

США должны начать вывод войск и техники из Афганистана, усиливается их зависимость от СРС, благодаря чему государства Центральной Азии, несомненно, извлекут большие дивиденды.

С 2011-го США пытаются разработать для региона Центральной Азии более широкую концепцию, которую они называют «Стратегией Шелкового пути». Эта стратегия предусматривает реализацию крупномасштабных инфраструктурных проектов, способных объединить регион. Среди этих проектов — долгожданный газопровод из Туркменистана в Пакистан через южный Афганистан, национальная железнодорожная сеть в Афганистане, передача электроэнергии из Кыргызстана в Афганистан и Пакистан. Однако приступить к осуществлению такой стратегии вряд ли удастся в ближайшее время. Ведь это зависит от заключения мира с талибами и от всеобъемлющего регионального урегулирования отношений со всеми прямыми соседями Афганистана — Китаем, Ираном, Таджикистаном, Узбекистаном и Туркменистаном, а также с крупными странами вокруг Афганистана — Индией, Россией и Саудовской Аравией. А всё это выглядит маловероятным.

Россия проводит противоречивую политику в отношении Центральной Азии и Афганистана. Она помогла США создать военные базы в Центральной Азии, но затем пыталась давить на эти государства с целью расторгнуть соглашения о базах. Россия хочет, чтобы США ушли из Афганистана и твердо настаивает на том, чтобы силы НАТО не оставались здесь после 2014 года. Но в то же время она, выражая тревогу по поводу афганского наркотрафика и усиления влияния талибов, в мягкой форме просит США не уходить полностью из региона. Россия подвергает суровой критике государства Центральной Азии, в частности, Узбекистан,

за слишком тесное сближение с США, но в то же время поощряет поддержку ими сети СРС и других объектов, необходимых США. Двадцать лет назад в Центральной Азии не могли и подумать о посягательстве на интересы России, но сегодня страны Центральной Азии регулярно пренебрегают ее мнением и эксплуатируют ее, отдавая предпочтение США и Китаю.

Царство диктаторов

В большинстве государств Центральной Азии (исключение составляет сравнительно небольшой Кыргызстан) сохраняются диктаторские режимы. За двадцать лет своей независимости они, в отличие от некоторых других бывших советских республик, так и не приступили к политическим и экономическим реформам. Из-за распрей и жесткой конкуренции между их лидерами межгосударственное сотрудничество практически находится на нулевой отметке, что породило крупномасштабные проблемы. Морозной декабрьской ночью 1991 года руководители этих стран договорились создать экономический союз, чтобы выжить, но ничего из этого так и не получилось. Сотрудничество отсутствует даже по таким исключительно важным вопросам, как распределение водных ресурсов, производство и распределение электроэнергии, борьба с наркотрафиком и террористической угрозой, исходящей из Афганистана.

В докладе «Центральная Азия и Афганистан» Шарбану Таджбахш показывает, что у каждого из государств Центральной Азии имеется свой, отличный от других, взгляд на будущее Афганистана. Однако ни одно из них не готово смягчить свои притязания на ресурсы во благо всего региона. Автор утверждает, что соперничество лидеров центральноазиатских государств подогревается обострившимся геополитическим соперничеством между Китаем, Россией и США,

но это не совсем так. Внутрорегиональная политическая конкуренция на протяжении двух последних десятилетий нарастала по мере того, как каждый из здешних режимов становился все более и более коррумпированным, жадным до власти и узколобым, хороня всякую надежду на перемены. В докладе Международной кризисной группы говорится: «С каждым годом некоторые обширные области Центральной Азии выглядят все менее безопасными и стабильными. Коррупция здесь становится повальной, криминализация политического истеблишмента усугубляется, сфера социальных услуг резко сужается, а силы безопасности слабеют».

Теперь некоторые лидеры хотят, чтобы их на занимаемых ими постах сменили родственники.

В Узбекистане Ислам Каримов и в Казахстане Нурсултан Назарбаев находятся у власти по двадцать три года. Согласно данным правозащитных организаций, Каримов многие годы держит в тюрьме примерно десять тысяч политзаключенных, хорошо известно о применении пыток, например, людей сажают в воду, доводя ее постепенно до кипения. Первый президент Туркменистана Сапармурат Ниязов, скончавшийся в 2006-м, в последние годы своей жизни был одержим манией величия, а на его личных банковских счетах, по оценкам, хранилось два миллиарда долларов, вырученных за продажу туркменского газа. По некоторым данным, правящая элита Таджикистана обязана своим пребыванием у власти среди прочего своему участию в наркотрафике из Афганистана.

Наиболее вероятный и опасный политический кризис может разразиться в результате внутренней борьбы за посты лидеров двух самых могущественных государств Центральной Азии — Узбекистана и Казахстана. Оба президента в возрасте — Каримову семьдесят пять лет, Назарбаеву семьдесят три — и к тому же слабы здоровьем,

и совершенно непонятно, кто придет им на смену. Как о возможной преемнице говорят о влиятельной, властолюбивой и в то же время гламурной дочери Каримова Гюльнаре, которой сорок один год, хотя многие влиятельные узбеки выступают против нее. В Узбекистане ширится недовольство из-за роста цен на продовольствие, безработицы, ухудшения ситуации в сфере образовательных и медицинских услуг и широко распространенной коррупции.

В Казахстане Динаре Назарбаевой-Кулибаевой, одной из трех дочерей президента, сорок пять лет. Она замужем за Тимуром Кулибаевым, бизнесменом-миллиардером, нынешним главой *KazEnergy*, который является фаворитом президента и может стать его преемником. Любая стычка между конкурирующими группировками за наследование власти может обернуться кровью, так как по одну сторону баррикад идет мобилизация органов государственной безопасности, а по другую — сил кланов.

В книге Филиппа Шишкина «Беспокойная долина: революция, убийства и интриги в сердце Центральной Азии» регион предстает во всей своей сложности и неоднородности, как переплетение страшного и причудливого, порочного и возвышенного. Он пишет в первую очередь об Узбекистане и Кыргызстане, находящихся на разных концах политического спектра. Небольшой по центральноазиатским меркам Кыргызстан с населением в 5,5 млн человек, обитающих в одной из самых высоких горных систем мира, не имеет иных средств к существованию, кроме отгонного овцеводства и доходов от единственного золотого прииска. Эти люди упорно пытались построить демократическое государство и ради этого свергли двух своих президентов. Результатом стали, как и следовало ожидать, еще большие нищета и хаос.

Шишкин, американский журналист русско-го происхождения, описывает эти события

в далеком уголке мира захватывающей дух поэтической прозой. К сожалению, он не склонен углубляться в историю, а это очень важно для понимания данного региона, и мало внимания уделяет исламу, который, несмотря на семьдесят лет советского атеизма, играет ключевую роль для народов Центральной Азии. Вместо этого он упорно выискивает и рассказывает истории как о самых коррумпированных и влиятельных персонажах, так и о чистосердечных и достойных восхищения людях, населяющих эти горы. Особенно впечатляет глава, в которой описывается массовое убийство людей в узбекском городе Андижане в 2005 году — автор был одним из немногих западных журналистов, находившихся в Узбекистане в то время, правда, ему не разрешили приехать в город, пока оттуда не были вывезены груды трупов.

Шарбану Таджбахш пишет, что в странах Центральной Азии «понимают, что ситуация в Афганистане остается очень нестабильной и что возможно возобновление конфликта, который для этого региона будет означать приток беженцев, появление полевых командиров и незаконный оборот наркотиков».

Число сторонников Исламского движения Узбекистана (ИДУ) и Союза исламского джихада увеличилось, а их идеология за годы изгнания стала еще более радикальной. В 2000-м ИДУ представляло серьезную угрозу для Кыргызстана и Таджикистана. Впоследствии эти движения присоединились к «Аль-Каиде» и Талибану, а их лидеры в настоящее время (после двенадцатилетнего пребывания в племенных районах Пакистана) пытаются вернуться в Центральную Азию через Афганистан. Только в этом году спецназ США и НАТО провел на севере Афганистана двенадцать операций против ячеек ИДУ, причем четыре из них находились в провинции Кундуз, граничащей с Таджикистаном. По меньшей мере два руководителя ячеек были захвачены.

В настоящее время контингент ИДУ — это представители различных тюркских национальностей, начиная от туркменов и уйгуров и до этнических турок и даже турецких мигрантов, родившихся в Германии. ИДУ принимает в свои ряды и представителей нетюркских групп, таких как чеченцы, таджики, пакистанцы и кашмирцы. Более того, ИДУ имеет тесные связи с мощной пакистанской группировкой «Лашкар-э-Тайба».

Борьба государств Центральной Азии с экстремистскими группами была бы более успешной, если бы у них был общий подход к миротворческим усилиям в Афганистане, но его нет. Таджбахш пишет: «Отсутствие единого подхода к Афганистану отражает отсутствие внутрорегионального сотрудничества и совместной стратегии безопасности в рамках самого [региона]». У каждой из стран Центральной Азии своя стратегия.

По-видимому, этому региону предстоят бурные перемены, как из-за давления снизу, требующего реформ и демократизации, так и под влиянием политики, проводимой крупными региональными державами. США, может быть, не полностью, но все же покида-

ют этот регион, а Россию ожидает глубокий экономический и политический кризис, который ее руководители не хотят признавать, поэтому позиции Китая в Центральной Азии и Афганистане еще больше укрепятся. Но что реально сможет сделать Китай при всей его мощи в этом регионе (и сможет ли вообще), пока остается тайной.

Сэр Хэлфорд Маккиндер, основоположник геополитики, еще в XIX веке считал Центральную Азию «регионом, вокруг которого вращается мировая политика», и «хартлендом» («срединной землей»), поскольку, по его словам, «это наиболее мощная естественная крепость в мире». Он полагал, что тот, кто контролирует Центральную Азию, получает огромную власть. Однако до сих пор ни одна страна не контролирует этот регион, и после 2014 года борьба за влияние на него будет вестись по разным направлениям. Но так или иначе, если США и другие западные державы будут по-прежнему его игнорировать и пренебрегать тем, что здесь происходит, они подвергнут себя серьезной опасности. ■

АХМЕД РАШИД

Alexander Ethkind. *Warped Mourning: Stories of the Undead in the Land of the Unburied*. Stanford Univ. Press, 2013. 328 P. (Cultural Memory in the Present)

Название только готовящейся к изданию в России книги Александра Эткинда — «*Warped Mourning: Stories of the Undead in the Land of the Unburied*» — с трудом поддается переводу на русский. Проблема даже не в «*Undead*», с этим можно было бы как-нибудь справиться, а скорее в первой части. «*Mourning*» здесь отсылает не к абстрактному «оплакиванию», но к конкретному тексту, — а именно, к работе Зигмунда Фрейда 1917 года. «Печаль и меланхолия», которая в английском переводе называется «*Mourning and Melancholia*».

Это принципиально, поскольку Эткинд соглашается с Фрейдом в том, что «по окончании... работы печали “Я” становится опять свободным». Более того, в недавнем интервью изданию «Гэфтер» автор поясняет, что «горе продуктивно в настоящем потому, что оно воспроизводит прошлое... Человек воспроизводит в своем сознании или где-то еще голос, лицо умершего, обстоятельства его жизни и смерти, причины самой потери. Эти обстоятельства потери приобретают значение на фоне всей жизни покойного в целом и отношений с ним. Но для человека важно обмениваться образами памяти с другими людьми, которые тоже помнят этого человека, — это механизм поминок, похорон, разделения горя с сообществом. Так внутренняя, психологическая динамика обычно оказывается недостаточной, и репрезентация потери переходит в коммуникацию. Репрезентация связана с коммуникацией, и наоборот, как и во многих других ситуациях»¹. Такое представление о роли коммуникации позволяет Эткинду перейти от личной работы горя к закреплению индивидуальных чувств в коллективной памяти, — впрочем, последнюю метафору сам автор не жалуется.

Собственно, книга посвящена тому, что необходимая работа горя в период, последовавший за сталинским террором, оказалась репрессирована и не могла поэтому быть проделана в надлежащем объеме и надлежащим образом. Она оказалась исковеркана (кажется, это более удачный вариант перевода *warped*, чем упоминаемое в прессе в качестве рабочего варианта «кривое горе»), — и *исковерканность* эта определяет наше настоящее в гораздо большей степени, чем мы привыкли об этом думать. Констатация эта покажется одним — крайне спорной, а другим — напротив, совершенно тривиальной, однако смысл проделанной исследователем работы заключается в обнажении механизмов произошедшего. Эткинд подробно разбирает машинерию как репрессирования работы горя, так и результатов того, что она не была проделана необходимым образом.

Он начинает свою книгу со вполне поразительного сюжета, посвященного пятисотрублевой банкноте, выпущенной Банком России в 1995 году: на ней изображен, как известно, Соловецкий монастырь. Однако есть одна важная деталь: здания монастыря на банкноте лишены крестов, что позволяет идентифицировать изображение как относящееся ко второй половине двадцатых годов — то есть к тому времени, когда на этом месте располагался СЛОН, Соловецкий Лагерь Особого Назначения². Эткинд пишет о том, что миллионы граждан России, знали они об этом или нет, годами носили в своих кошельках изображение концлагеря. Тот факт, что для многих оно было просто изображением монастыря, иллюстрирует, по его мнению, многослойность и противоречивость феномена памяти о сталинском терроре в совре-

менной России. Роль этой банкноты, — говорит Эткинд, — похожа на ту, что выполняют привидения, напоминая живым о тайнах, скрытых в прошлом.

Далее, на протяжении первых двух глав, Эткинд, используя понятийный и теоретический аппарат психоанализа, развивает теорию, которая, как он полагает, позволяет получить новое знание о прошлом и настоящем состояниях российского общества. Ключевым в его рассуждениях оказывается различие воспоминания/памяти, с одной стороны, и переживания вытесненного содержания — с другой. Воспоминание/память имплицитно предполагают, что прошлое окончено, завершено, — в то время как постоянное навязчивое возвращение к переживанию вытесненного делает прошлое фактом настоящего. Автор оказывается таким образом в состоянии определенного конфликта с дискурсом *trauma studies*, поскольку полагается «на концепцию работы горя в большей степени, чем на другие концепции, опробованные в этом поле — в особенности на концепцию травмы». По мнению Эткинда, травма — это реакция на состояние, испытанное самим субъектом, а горе — реакция на испытанное Другим. Такое концептуальное различие не совсем очевидно — в частности, если мы согласимся с ним, то придется, кажется, пересмотреть свое отношение к довольно хорошо разработанному полю представлений о механизмах наследования травмы³.

Еще одним важным концептом книги оказывается «жуткое сверхъестественное» (*uncanny*) — та форма, которую принимает непроработанная потеря, возвращаясь в психику «с черного хода» и отравляя таким образом настоящее⁴. Если мертвые, — пишет Эткинд, — не оплаканы (*mourned*) надлежащим образом, они превращаются в не-мертвых (*undead*) и вредят живым. «Сверхъестественное жуткое» воспринимает-

ся при этом как смутно знакомое, поскольку речь идет о вытесненном содержании собственной психики субъекта. Эткинд, в частности, со свойственной ему наблюдательностью замечает, что те значения, в которых термин «репрессия» употребляется Фрейдом и Хрущевым, на самом деле, парадоксальным образом близки, — и пишет о том, что именно в качестве *uncanny* (по Фрейду) друзья и родственники воспринимали возвращавшихся домой после смерти Сталина узников ГУЛАГа. Этой теме целиком посвящена третья глава книги. В частности, автор цитирует Ахматову, сказавшую в 1956 году (согласно воспоминаниям Лидии Чуковской), что «теперь арестанты вернутся, и две России глянут друг другу в глаза: та, что сажала, и та, которую посадили»⁵. Однако далее он справедливо замечает, что «эти две России также знали о существовании третьей, — погибшей в процессе». Согласно Эткинду, эти *три* России произвели демаркацию зоны неразличия между «голой жизнью» (по Агамбену) и законом; между репрессиями и реабилитацией; наконец, между работой горя и забвением — и тем самым определили культурную динамику позднесоветского периода, — а отчасти, и постсоветскую.

Четвертая глава книги посвящена тому, как лагерный опыт на долгие годы определил взгляды и мироощущение прошедших через него историков — в частности, Дмитрия Лихачева. Эткинд показывает, что их взгляды на многие события русской истории могут быть прослежены к индивидуальному опыту жизни в сталинском государстве. Следующую, пятую главу автор начинает с сопоставления известных слов Мандельштама об акмеизме как «тоске по мировой культуре» с тем, что Ханна Арендт пишет о тепле как замене света в работе «Люди в темные времена»: «Мы видели, какая сильная потребность в такие времена есть у людей придвинуться друг к другу поближе, чтобы отыскать в

теплоте близости замену того света и освещенности, которые может пролить только публичная сфера»⁶. Продолжается глава подробным разбором творческого наследия художника Бориса Свешникова. Далее, в шестой главе, Эткинд переходит к постсталинскому периоду, в течение которого, как он утверждает, ГУЛАГ становится своего рода святыней — пусть и сконструированной некоторым неочевидным и сложным образом, — но в итоге у оттепельного поколения возникает амбивалентное отношение к лагерям. Они оказываются объектами своеобразного паломничества (в очень широком смысле слова). Эткинд полагает, что, например, Андрей Синявский в каком-то смысле стремился к тому, чтобы оказаться в лагере, — и ссылается в этой связи на Марию Розанову и Игоря Голомштока, утверждавших впоследствии, что Синявский ждал ареста. Он также приводит в качестве подтверждения своей гипотезы тот факт, что в лагере Синявский пережил несомненный творческий подъем. Здесь автор строит предположения на не совсем очевидных основаниях, — однако это, пожалуй, привычная для Эткинда ситуация: многие его гипотезы, являющиеся сомнительными, с точки зрения академических историков, оказываются убедительными за счет того, что находят себе подтверждение в более широких (культурных) контекстах.

Следующие две главы посвящены кинематографу: автор начинает с «Гамлета» Григория Козинцева (1964), демонстрируя, в частности, что режиссер в этой ленте видит Гамлета как своего соотечественника, пережившего террор и оказавшегося иностранцем в собственной стране. Эткинд понимает финальную сцену фильма как «мощную, величественную сцену оплакивания». По его мнению, Гамлет здесь посмертно завершает работу горя, а Козинцев превращает шекспировскую пьесу о мести в советскую мечту о беспрепятственном горевании. В этой же

части книги разобраны такие разные кинематографические тексты, как «Король Лир» того же Козинцева (1970), «Берегись автомобиля» Эльдара Рязанова (1966), «Москва слезам не верит» Владимира Меньшова (1979) и многие другие.

Девятая глава представляет собой отступление, в котором автор предлагает разделить манифестации памяти на *hardware* (монументы, музеи, etc.) и *software* — собственно тексты купно с практиками их социокультурного бытования. Здесь Эткинд следует тенденции, общей для многих областей знания: в последние десять-пятнадцать лет эта метафора возникает в очень разных проблемных полях — в диапазоне, скажем, от урбанистики/архитектуры до биологии. Насколько она окажется продуктивной применительно к исследованиям памяти, не очень понятно, — но отчего бы не попробовать?

Наконец, завершают книгу две главы, посвященные постсоветскому состоянию. Эткинд — как и другие исследователи, например, Марк Липовецкий, — рассматривает навязчивые для постсоветской культуры мотивы, связанные с чудовищами, вампирами, призраками и т. д. в качестве манифестации возвращающихся призраков советского прошлого. Навязчивость эта связана с незавершенной работой горя, — то есть с тем, что жертвы массового террора не были оплаканы, как мы уже говорили, надлежащим образом и в надлежащем объеме. Объектами рассмотрения в этой части книги оказываются самые разные артефакты постсоветской культуры — от фильмов Тенгиза Абуладзе «Покаяние» (1984) и Карена Шахназарова «Город Зеро» (1988) до романов Виктора Пелевина и Владимира Шарова.

В целом «Исковерканное горе» обладает всеми достоинствами и недостатками, которые мы привыкли видеть в книгах Александра Эткинда. Широчайшая эрудиция автора, легко оперирующего в огромном

поле текстов, визуальных артефактов и реальный сочетается с некоторой селективностью в отношении источников. Небывалая для русской гуманитаристики увлекательность изложения⁷ порой не позволяет с первого раза увидеть логические разрывы. Наконец, в части перехода от советской культуры к постсоветской книга выглядит несколько торопливой, а аргументация — менее детальной, чем хотелось бы.

Вместе с тем сказанное в предыдущем абзаце не может отменить того факта, что Александр Эткинд написал, как представляется, чрезвычайно важную книгу — уже вторую после его же «Внутренней колонизации»⁸. В этом исследовании памяти и механизмов работы горя впервые предлагается рамка — если не теоретическая в строгом смысле слова, то уж точно концептуальная, — позволяющая по-новому увидеть целый комплекс явлений. Во-первых, оптика Эткинда дает нам возможность (в определенных аспектах) мыслить в качестве целого советскую официальную, советскую неофициальную и постсовет-

скую культуры. Во-вторых, его книга — не в последнюю очередь за счет отталкивания от концепта травмы — придает новое измерение дискуссиям об исторической политике: в текущей политической ситуации такие дискуссии выглядят глубоко маргинальными, но завтра или послезавтра их так или иначе придется возобновить. Наконец, в-третьих, «Исковерканное горе» представляет собой значительный вклад в работу над дифференциацией и детализацией истории периода, который до сих пор — по крайней мере в России — часто видится широким кругам как оппонентов, так и приверженцев советского проекта однородным, сплошным, как кирпич, — и настолько же непрозрачным для исследователя, будь то включенного или стороннего.

Новая книга Александра Эткинда демонстрирует нам, что эта непрозрачность иллюзорна, — и поставляет вполне убедительный концептуальный инструментарий для дальнейшего изучения соответствующего проблемного поля. ■

СТАНИСЛАВ ЛЬВОВСКИЙ

ПРИМЕЧАНИЯ¹ *Чечель И.* «Политическое горе»: без ламентаций. Интервью с Александром Эткиндом // ГЕФТЕР. 2013. 15 июля (<http://gefeter.ru/archive/9410>).

² В 2011 году купюра была перевыпущена. На новом изображении кресты уже присутствуют.

³ См. например: *Тимофеева М.Н.* Травма прошлого (сталинского режима) в клиническом материале российских пациентов // Журнал практической психологии и психоанализа. № 4. 2010 / <http://psyjournal.ru/psyjournal/articles/detail.php?ID=2605>

⁴ Этот концепт также восходит к Фрейду. См.: *Freud S.* The «Uncanny» // The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud. Vol. 17, 1919: An Infantile Neurosis and Other Works. L.: Hogarth Press, 1956–1974. P. 217–256.

⁵ *Чуковская Л.* Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. М. Согласие, 1997. С. 190.

⁶ *Арендт Х.* Люди в темные времена / Пер. с англ. Г. Дашевского. М.: Московская школа политических исследований, 2003. С. 42.

⁷ Рецензент «Ведомостей» написал даже — применительно ко «Внутренней колонизации», — что Эткинд не создает своих теорий, а только берет лучшее от чужих и вводит простые концепции в массовый оборот. Это неверно и несправедливо, однако симптоматично: российское представление о должном стиле гуманитарных исследований подразумевает, что настоящая наука должна быть непонятной, а то, что понятно, — не наука (<http://www.nlobooks.ru/node/3833>).

⁸ О последней подробнее см.: *Львовский С.* Помимо Запада и Востока: Рецензия на книгу А. Эткинда «Внутренняя колонизация. Имперский опыт России» // COLTA.RU. 2013. 4 сент. (<http://www.colta.ru/articles/literature/158>).

ГРОЗОВСКИЙ БОРИС ВЛАДИМИРОВИЧ — экономический обозреватель журнала *Forbes*.

ДЕ ВААЛ ТОМАС — старший научный сотрудник Российско-Евразийской программы Фонда Карнеги за Международный Мир.

ДЖОРДЖ ДЖУЛИЯ А. — адъюнкт-профессор политологии, Квинс-Колледж, Университет города Нью-Йорк (США).

ЗУБАРЕВИЧ НАТАЛЬЯ ВАСИЛЬЕВНА — директор региональной программы Независимого института социальной политики, профессор географического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, доктор географических наук.

КРАСИЛЬНИКОВА МАРИНА ДМИТРИЕВНА — руководитель Отдела уровня жизни, доходов и потребления населения, Левада-Центр, кандидат экономических наук.

ЛЬВОВСКИЙ СТАНИСЛАВ — поэт, прозаик.

ОВЧАРОВА ЛИЛИЯ НИКОЛАЕВНА — директор Автономной некоммерческой организации «Независимый институт социальной политики» (АНО «НИСП»), ординарный профессор НИУ ВШЭ, доктор экономических наук.

ПИШНЯК АЛИНА ИГОРЕВНА — доцент Кафедры экономической социологии НИУ ВШЭ, кандидат социологических наук.

ПОЛЯНИЧЕВ АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ — докторант, Европейский университетский институт (Флоренция, Италия), Европейский университет в Санкт-Петербурге.

ПОПОВА ДАРЬЯ ОЛЕГОВНА — ведущий научный сотрудник Центра анализа доходов и уровня жизни НИУ ВШЭ, кандидат социологических наук, *PhD*.

РАШИД АХМЕД — журналист, автор многих книг об Афганистане, Пакистане и Центральной Азии.

СТЕПАНОВА ЕКАТЕРИНА АНДРЕЕВНА — ведущий научный сотрудник, руководитель Группы по исследованию проблем мира и конфликтов ИМЭМО РАН, доктор политических наук.

ШЕПЕЛЕВА ЕЛЕНА ВИКТОРОВНА — научный сотрудник Центра анализа доходов и уровня жизни НИУ ВШЭ.

Vol. 17, No. 6 (61)

COVER STORY

RUSSIAN SOCIETY: INCOME AND CONSUMPTION

From the Standard of Survival Toward Responsible Choice

LILIA OVCHAROVA, ALINA PISHNYAK, DARIA POPOVA, YELENA SHEPELEVA

The advancement to the higher consumption standard means enables spending beyond acquiring essential goods and services. This includes spending on leisure-time activities, investment in the human capital, and purchasing goods that enhance opportunities for further development. These trends are clearly observed among the urban population, especially when projections of consumption levels among affluent large-city dwellers are made. However, it is still early to talk about the creation of the new living standard that characterizes the urban middle class.

The Modern Russian Consumer

MARINA KRASILNIKOVA

For the majority of Russia's population the shift to the higher consumption standards is still being blocked. These standards presuppose that households are able to satisfy a wide range of needs. Instead of creating incentives for higher labor efficiency, which would lead to higher income levels for most Russian citizens, the system under which the state distributes minimal social standards is being strengthened. As soon as opportunities to earn higher than average incomes arise, they are being thwarted by administrative barrier mechanisms and corruption.

Uneven Income Distribution: A Projection In Space

NATALIA ZUBAREVICH

The trend for decreasing disparities in inter-regional wage and income distribution is unlikely to continue. The change will result from Russia's greater economic problems and diminished pool of financial resources for redi-

tribution. The political component will also play a role: federal authorities gradually reject the former social contract, which implied income growth in exchange for political stability (lack of public participation in political life).

The Destruction of Small Business

BORIS GROZOVSKY

The low levels of entrepreneurial activity result both from the Soviet legacy and the current state policies that encourage public service and hired labor, thus hindering entrepreneurial activity. People routinely witness confiscation of successful businesses from their owners at the hands of government officials and force structure representatives. They also understand that courts will not take their side in such a dispute. It is only natural that in this climate potential entrepreneurs choose to seek employment in the public sector or state-run companies.

ARTICLES

Azerbaijan – What Lies Ahead?

THOMAS DE WAAL

Ilham Aliyev is starting his third presidential term from a relatively safe position. Azerbaijan is experiencing unprecedented growth; it signed an important international agreement that would allow for direct gas shipments from the Caspian Sea to the European Union. However, Azerbaijan's political system is still closed and lacks transparency, which causes concerns. Events in the neighboring countries (Turkey and Russia), whose leaders have been in power for a long time, suggest that even the leaders whose power seemed ironclad face dangerous and unexpected challenges.

One Year of the Georgian Dream

JULIE A. GEORGE

The trajectory of possible change related to Georgia's executive branch is clear: the more the country's leadership will rely on informal influence and Ivanishvili's clout, the less

accountable it will be to the Georgian people. Besides, this will make for a less representative system of government. The opposite is also true: the more independent each leader will be, the more confident he will be in implementing the policies which should be based on state and coalition interests, the better the Georgian system of democratic governance will become.

Russia, the U.S. and Combatting Afghanistan's Drug Traffic

YEKATERINA STEPANOVA

Despite the current geopolitical realities, the U.S. and Russian efforts, capabilities and

resources in the security, socioeconomic and most other aspects of the war on drugs do not contradict but rather complement each other. This fact dictates an informal "division of labor" between the U.S. and Russia in the field of anti-drug activities and cooperation in combatting Afghanistan's drug traffic. Actually, such a division of labor is already taking practical shape in some ways.

Book Reviews

Our Authors

